ИСТПАРТ
Комиссия по истории Октябрьской
Революции и Р. К. П. (большевиков)

БОЛЬШЕВИСТСКИЕ
ТАЙНЫЕ ТИПОГРАФИИ

в Москве и Московской области

1904–1910 г.г.

Воспоминания и документы,
собранные и обработанные
Ц. ЗЕЛИКСОН-БОБРОВСКОЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва 1923 Петроград

ИСТПАРТ
Комиссия по истории Октябрьской
Революции и Р. К. П. (большевиков)

БОЛЬШЕВИСТСКИЕ ТАЙНЫЕ ТИПОГРАФИИ

в Москве и Московской области

1904—1910 г.г.

Воспоминания и документы
собранные и обработанные
Ц. ЗЕЛИКСОН-БОБРОВСКОЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва 1923 Петроград

Москва. Главлит № 7525. Гиз. № 4239. 5.000 экз.

„Мосполиграф“, 16-я типография, Трехпрудный, 9.

От Истпарта.

Создание таких условий, которые позволили бы говорить нам, социал-демократам, не рабьим или в лучшем случае эзоповским языком либералов с той широкой рабочей аудиторией, которая в конце-концов и должна была завоевать настоящую свободу слова, всегда являлось важнейшей задачей наших подпольных большевистских организаций. Поэтому и всякий мало-мальски солидный комитет с широко развернувшейся работой и с большими связями, и вся партия в лице Центрального Комитета постоянно бились над разрешением вопроса наладить более или менее правильно функционирующую подпольную печать,—«технику», как называли мы наши органы, занимающиеся печатанием,—в виде ли примитивного гектографа, или шапирографа, или в виде такой хорошо оборудованной типографии, как, например, кавказская типография Ц. К., устроенная т.т. Кецховеди и Енукидзе. Но устроить нелегальную «технику», особенно хорошо оборудованную типографию, в большинстве случаев стоило такого труда, что молодые товарищи теперь прямо не могут представить себе всех часто героических усилий, какие приходилось тратить самым выдающимся и изобретательным нашим товарищам.

Еще гораздо больше трудностей и усилий представляла работа в типографии, снабжение ее надлежащими материалами и транспорт из нее уже напечатанного материала. Товарищей беспокоил не риск попасть в тюрьму и затем на поселение, а как раз, наоборот, то главное, что и составляло главную цель всякой «техники»,—не провалиться—для того, чтобы побольше напечатать нашей нелегальной литературы, в которой всегда ощущалась такая большая нужда.

И вот ради этого и во имя великих целей, какие ставила себе партия, целые сотни людей, часто выдающихся по уму и своим способностям, людей, которые могли бы принести пользу и на всяком другом партийном поприще, добровольно на несколько месяцев замуровывали себя буквально в подполье и не выходили ни днем, ни ночью из своей добровольной тюрьмы до тех пор, пока жандармы не открывали их убежища.

Сколько надежд, разочарований, успеха и неудач переживали наши «техники»! Сколько им приходилось голодать, особенно в тех комитетах, где касса чаще бывала пуста, чем полна! Какие нечеловеческие усилия употребляли они для того, чтобы получше укрыться от взоров полиции! История нашей «техники» еще впереди. Она зарождается с первыми нашими социал-демократическими кружками, переживает эпоху кустарничества и вместе с ростом нашей партии эволюционирует от примитивного гектографического листка до такого совершенства, как некоторые типографии 90-х годов (Кавказская, Донского Комитета и некоторые другие). Рассказать историю нашей «техники»—это значит осветить одну из самых ярких страниц истории нашей партии. Для этого сейчас нет ни сил, ни времени, ни материалов. Но уже и сейчас возможно, хотя бы отчасти, коснуться и этой стороны нашей деятельности. Вот почему «Истпарт» и наметил издание сборников, где будут даны материалы по истории «техники». Часть этих материалов охватит историю подпольных типографий Ц. К. нашей партии, а часть коснется типографий, оборудованных силами и средствами отдельных наших партийных организаций. Печатаемый нами материал охватывает только небольшую часть наших подпольных типографий и только на небольшой территории, которую охватывала наша партия, но из этой небольшой страницы читатель увидит, какую большую работу приходилось проделать нашей партии, какие трудности у нас стояли на пути и как блестяще она преодолевала эти трудности.

К 25-тилетнему юбилею нашей партии не бесполезно вспомнить тех героев, которые своей незаметной, но огромной важности работой верно и неуклонно подготовляли и этот самый юбилей, и победу рабочего класса вообще.

Введение.

Пестрое настоящее и яркие перспективы будущего не должны затемнять пройденного славного пути прошлого—пути борьбы, жертв и героизма, героизма чаще всего безымянного, незаметного.

В нынешнем юбилейном году мы должны постараться возможно полнее осветить это прошлое, показать его таким, каково оно было на самом деле. Мы должны раскрывать страницу за страницей все еще загадочной для молодого поколения книги, именуемой работой большевиков в подполье.

Нет никакого сомнения, что в числе ярких страниц этой книги не последнее место занимают страницы о работе наших тайных типографий.

Прилагаемый небольшой сборник статей и материалов о некоторых таких типографиях в Москве и Московской области должен служить иллюстрацией той упорной борьбы, жертв и незаметного героизма, которым полна была работа наших товарищей.

За основным материалом—за воспоминаниями самих участников—я обратилась к товарищам, работа которых мне лично была хорошо известна, при чем удалось получить воспоминания за периоды: 1904—1906 г.г., 1907 и 1910 годы. По следам этих воспоминаний, для пополнения их, прилагается и документальный материал.

Что же говорят нам воспоминания?

Вот начало 1904 года. Большевики, как оформленное целое, только, только приступают к работе на местах, мало сил, мало средств. Приехавший в Москву Бауман мечется в погоне за связями с рабочими, за финансами, за квартирами, за возможностью приступить к печатанию агитационной большевистской литературы, старается поставить свою типографию. Все это требует ко-

лоссальных усилий, но большевики умеют дерзать—Бауман ставит типографию в той же квартире, где сам проживает нелегально.

Но вот силы начинают нарастать и в 1905 году нарастают с головокружительной быстротой; в это время растут и наши тайные типографии, которых у Московского Комитета теперь уже целых пять.

Как из рассказа тов. Кудряшова о московских типографиях, так и из рассказа тов. Подвойской о костромской типографии, ясно видно, что в дни так называемых «свобод»—в 1905 году—наши типографии не только не прекращали своего существования, а работали интенсивнее, чем когда бы то ни было, хотя психологически работники из типографии не в силах были в то время выдержать затворническую жизнь, на какую они были обречены самим характером работы.

Потребность в большевистской агитационной литературе была так велика даже в самые дни восстания, что тов. Кустов (к сожалению, не удалось даже фотографию т. Кустова достать) отдает свою молодую жизнь за то, чтобы вынести лишнюю пачку прокламаций из типографии на Пресне (рассказ Драчевой).

Вооруженное восстание подавлено, жандармерия опьянена победой, а наши товарищи продолжают свое дело: в Москве полным ходом работают три типографии, из которых, по рассказу тов. Кудряшова, литературу вывозят на двух лошадях.

18-го марта 1906 года московской охранке удается набрести на след всех трех типографий. Часть товарищей арестована, но части удается избежать ареста. Лидия Лебединская, Лидия Молчанова уезжают в Кострому и работают там в тайной типографии, а к концу лета туда приезжает работать и Василий Майоров, арестованный в типографии в доме Титова, так как его в числе других впредь до суда выпустили под залог.

Те же товарищи, которые остались сидеть в ожидании суда, не падают духом, они преисполнены гордостью своей работой в типографии.

Особым показателем этой гордости может послужить следующий отрывок из перехваченного жандармами письма арестованной в типографии в доме Ларионова наборщицы, Наташи Шашковой, приложенного к делу,—письма малограмотного, но дышащего глубокой верой в дело и гордостью за «нашу работу».

«Ну что разве описать Вам обыск [1]). Ладно, в 3 часа я только что заснула, услышала стук, звон, пока отворили, я узнала, что полиция пришла с обыском — пока делали обыск у хозяев квартиры, я оделась, потом слышу вспрашивают, а это чья комната? говорят квартирантки, я одевшись пришла к товарищу в комнату пососедству и сказала ему и потом села на кушетку в своей комнате, мы приготовились принять дорогих гостей, смотрю отворяют дверь, входят, увидели машину, лица сделались, как масленица, и спрашивают — это ваша комната? и что здесь находится тоже ваше? Я говорю—да, пошли к товарищу, те же вопросы, но без ответов, у нас было кроме всего этого много литературы, ужасно хвалили нашу работу, говорили, что лучше легальной работаем, они, конечно, правы. Возили в Таганку, в Бутырки, нигде нет места, так меня поселили в участке там (три слова неразборчивы) прощайте Наташа, пишите скорей, свидания бывают два раза, так что могут передать письмо мне». Затем идут всякие поклоны друзьям и сообщение: «у нас отобрали чудную «бостонку», много шрифта и так далее», и сообщение между прочим: «арестована я наверно надолго, потому что дело серьезно, ответственные лица—я и еще один товарищ, у меня до сих пор не было допроса, чернил не разрешают, так что пишу карандашом». Подпись: «Ваша Наташа».

Не проходит и полугода после ареста всех трех типографий, как в Москве начинает функционировать типография-великан, подаренная после 1905 года Московскому Комитету Центральным Комитетом нашей партии.

Об этой типографии удалось получить почти исчерпывающий материал и из документов и из воспоминаний тов. Пятницкого, которого, к слову сказать, с некоторым трудом пришлось уговорить вырвать главу о типографии из неопубликованных им еще воспоминаний за годы с 1896 по 1917.

Тов. Пятницкий, отдавая мне эту главу, заявил, между прочим, что дает ее, во-первых, потому, что очень сочувствует мысли выпустить отдельный сборник о типографиях, а, во-вторых, потому, что в № 9 «Пролетарской Революции» в статье тов. Соколова: «Кавказский магазин № 9» говорится, будто ликвидированная ЦК типография продолжала все время лежать под спудом, между тем

[1]) В приводимом письме сохранена орфография подлинника.

как она начала функционировать еще в сентябре 1906 года. Особенно задели тов. Пятницкого фразы из статьи тов. В. Соколова: «не на окраине Москвы, как это было раньше, устроили типографию, а в центре, на Петровке, ну и, разумеется, сейчас же слопали».

На самом же деле, как это видно из статьи т. Пятницкого и из приложенных к этому делу материалов, типография в доме Юрасова работала полным ходом с сентября 1906 года по 27 апреля 1907 года. «Слопали», значит, не сейчас же, а лишь по прошествии, 8 месяцев.

Роль этой типографии-монстр была тем более велика, что действовала она в период реакции в 1907 году, когда партия наша, после кратковременного легального и полулегального существования, опять вынуждена была залезть в подполье.

После ареста типографии-великана тов. Пятницким предпринято было новое начинание, но только уже в гораздо более скромных размерах, что вполне соответствовало «духу времени», так как в конце 1908 и дальше идет уже не просто реакция, а надвигается уже период злейшей реакции, и период этот чрезвычайно отчетливо отражен в рассказах т.т. Курзина и Александрова там, где говорится о ярославской типографии, когда все кругом придушено и придавлено, все попытки восстановить партийную работу кончаются бесконечными арестами, разгромами всех организаций, когда торжествующая охранка сообщает департаменту полиции, что в Москве все спокойно.

Однако охранно-жандармское торжество продолжается недолго; в апреле 1911 года по всей стране слышатся отзвуки расстрела рабочих на далекой Лене. Вновь поднимается волна возмущения рабочего класса,—возмущения, открывшего дорогу легальрабочей печати, и работа нашей партии по организации тайных типографий отходит несколько на второй план.

Ц. Бобровская.

Наши „техники“.

Материалом для настоящей статьи послужила пространная беседа со старым товарищем иваново-вознесенским рабочим Николаем Николаевичем Кудряшовым.

Товарищ Кудряшов на протяжении ряда лет нашего подполья не только ставил те тайные типографии, в которых сам работал, но снабжал всю нашу Московскую область станками, шрифтом и всякими иными типографскими частями, без которых не могли бы работать, например, тайные типографии в Костроме и в Иваново-Вознесенске, описанные во второй части моей книжки «Записки рядового подпольщика».

Николай Николаевич поддерживал связи с бесчисленным множеством людей, имевшими то или иное касательство к типографскому делу, чтобы через них, праведными или неправедными путями, выкачивать все, что нам было нужно для работы той или иной тайной типографии. В числе неправедных средств у Николая Николаевича, между прочим, было на руках одно магическое свидетельство на право покупать шрифт, свидетельство, само собой разумеется, фальшивое, и документ этот был им использован более, чем достаточно.

Можно без всякого преувеличения сказать, что за период времени между 1904 и 1908 годами в Москве и в Московской области не было ни одной тайной типографии, к которой Николай Николаевич Кудряшов не был прямо или косвенно причастен.

Хорошо зная все это, я обратилась к тов. Кудряшову с просьбой написать свои воспоминания об этой его работе, но он стал уверять меня, что писать не умеет, что у него ничего не выйдет и никакие уговоры не помогли, даже от предложения послать к нему стенографистку отказался. Согласился лишь Николай Николаевич

побеседовать со мной с тем, чтобы я сама написала с его слов. Таким образом в силу упорного отказа тов. Кудряшова самому раскрыть перед нами хоть когда-нибудь двери организованных им тайных типографий, приходится это делать в передаче, со слов Николая Николаевича, отчего все дело, конечно, сильно проигрывает.

* * *

В начале 1904 года тов. Кудряшов, работая в Екатеринославе в тайной типографии, был отозван оттуда «Рыжим Макаром» (Виктор Павлович Ногин) в Москву, где, по мнению этого «Рыжего Макара», особенно трудно было с делом постановки тайной типографии, так как предательство, зубатовщина, очень сильно дают себя чувствовать; в Москву нужны особо испытанные товарищи, и так как Кудряшов до того уже работал целый год и в тайной типографии в Нижнем, то опыт его особенно должен пригодиться в Москве.

По приезде в Москву, в феврале месяце того же 1904 года тов. Кудряшов связался с Николаем Эрнестовичем Бауманом, кличка которого была тогда «Иван Сергеевич».

Бауман был послан на работу в Московскую область большевистским заграничным центром вскоре после раскола Р. С.-Д. Р. П. на втором с'езде (1903 год).

Какова была в феврале месяце 1904 года позиция Московского Комитета партии в целом—большевистская или меньшевистская—тов. Кудряшов точно не помнит, но помнит, что Бауман, входя в Комитет, старался завязывать связи с рабочими на стороне, среди которых хотел укреплять большевистскую линию. Связи эти, к слову сказать, были из рук вон слабы, до того слабы, что ему, тов. Кудряшову, работавшему потом в тайной типографии, приходилось не считаться ни с какими конспирациями, ходить на заводы и разыскивать связи при помощи своих личных приятелей рабочих. Так он, например, связался впоследствии с рабочим завода «Густав Лист», Серовым и водопроводчиком Сергеем Александровичем Чукаевым, и оба эти товарищи оказывали незаменимые услуги.

В план Баумана входило прежде всего создать тайную типографию, где бы можно было печатать большевистскую литературу. Первая типография была им организована не совсем удачно, на

Красносельская ул., д. 39,—квартира, где жил Н. Э. БАУМАН и где одно время помещалась типография.

скорую руку, на квартире у студента с женой на Плющихе, в церковном доме. Просуществовала эта типография не больше месяца, и, кажется, ничего не успела сработать.

В это время тов. Кудряшов, по поручению Баумана, ездил в Вильно и Смоленск за недостающими частями типографии, так как типография у студента на Плющихе, кроме того, что была не конспиративной, еще и не была снабжена самыми необходимыми принадлежностями, без которых работать было нельзя.

Через некоторое время тот же студент с женой, фамилии которых тов. Кудряшов не помнит, отыскал квартиру на Таганке. Квартира эта помещалась над пустым танцовальным залом, отчего было очень гулко, когда печатали. Вообще со студентом, ввиду его неопытности, Бауман решил расстаться, а для того, чтобы студенту не было обидно, ему было сказано, что дело это вовсе ликвидируется.

Тов. Кудряшов упаковал все в ящики и свез типографское имущество на день к какому-то своему приятелю.

Но работы прерывать нельзя было. Каждый день был дорог, поэтому, впредь до лучших времен, решено было водворить типографию в квартире Баумана, т.-е. сам-то Бауман жил без прописки, квартиру снимала его жена (Надежда Константиновна Кузьмина). Квартира была на Красносельской улице, в доме № 39.

Работа производилась тов. Кудряшовым и женою Баумана, а сам Бауман все дни и вечера отсутствовал—был занят организационной работой. Печатали листки, но каково было их содержание—Николай Николаевич не помнит.

Ближе к весне Бауман поселился в Петровском парке, в Зыкове, на даче, а тов. Кудряшов со своей женой и ребенком снял квартиру по 2-й Вятской улице, куда перевезли и типографию, за Бутырской заставой не особенно далеко от Зыкова; у Баумана поселилась девица из Питера под видом прислуги; прислуга эта, а также жена Баумана, приходили к Кудряшовым работать. Одна, бывало, шумит на швейной машинке, чтобы производить впечатление, что здесь портняжная мастерская, тов. Кудряшов в это время печатает, другая помогает ему. Печатали максимум по 2 тысячи листков, при чем часто самим же работающим в типографии приходилось искать пути к читателям этих листков—к рабочим, и тут много помогали Серов от «Листа» и водопроводчик Чукаев.

Вскоре за дачей Баумана был установлен сыск; один день был такой, когда Бауман не решился выйти из своей дачи, чтобы его не арестовали на улице, поэтому прислал свою «прислугу» к тов. Кудряшову, чтобы тот дал свой рабочий костюм, переодевшись в который Бауман надеялся с наступлением вечера скрыться; но так как запасного костюма у тов. Кудряшова не было, то он пошел к Бауману домой, там они успели обменяться костюмами, а ночью Бауман должен был скрыться.

По выходе из дачи Баумана в его костюме, в заграничной шляпе, за тов. Кудряшовым кинулись шпики, но ноги у него тогда были молодые, сильные, он обогнал шпиков и не был задержан на улице.

Зато Бауману выбраться незаметно из своей дачи в эту ночь не удалось: дача была окружена со всех сторон—и Бауман, жена его и «прислуга» все были арестованы. Таким образом тов. Кудряшов неожиданно оказался обладателем элегантного костюма Баумана, а Бауман сел в тюрьму в драном, грязном костюме тов. Кудряшова.

Отбоярившись от гнавшихся за ним по-пятам шпиков, тов. Кудряшов отправился к себе домой, снял с себя костюм Баумана и напялил на себя какое-то все-же нашедшееся у него рванье, и когда во всех прилегающих квартирах была облава — искали «скрывшегося прилично одетого господина в мягкой шляпе»,—то полиция, зайдя на квартиру Кудряшовых, где было грязно, бедно, даже не стала производить обыска и, значит, прошла мимо такой добычи, мимо типографии.

После ареста Баумана у тов. Кудряшова создалось очень тяжелое положение: он остался с женой и ребенком без копейки денег; связь с московским центром была порвана; по всему району его квартиры рыскали шпики, каждую минуту могли притти и накрыть типографию.

С большими предосторожностями, при помощи все тех же приятелей—Серова с завода «Густав Лист» и водопроводчика Чукаева—удалось по частям вытащить типографию, при чем шрифт и всякие иные мелкие части прятали под платьем и на себе выносили, а так как ноша была так тяжела, что нельзя было под ней не гнуться, то изображали из себя пьяных, которые идут, шатаются.

Сдав на хранение типографию, тов. Кудряшов, по совету Чукаева, поехал в Тверь, где жил брат Чукаева, который мог связать его с Тверским Комитетом партии, а уже через Тверской Комитет можно будет восстановить порвавшуюся связь с Московским Комитетом.

Тверской Чукаев действительно связал Николая Николаевича с Москвой, где работала тогда «Землячка» (Р. С. Залкинд).

Землячка сообщила, что в Москве сейчас нет ни сил, ни средств ставить типографию, но в Питере типография функционирует и туда требуется наборщик, поэтому ему, Кудряшову, следует отправиться в Питер.

По приезде в Петербург, тов. Кудряшов узнал, что наборщик туда прислан уже из другого города, а он оказывается лишним, поэтому вернулся в Тверь, где оставалась без всякого призора его жена с ребенком. В Твери он думал искать работу на заводе в качестве приватного человека, но так как ему было уже 30 лет, а паспорт он имел девятнадцатилетнего юноши, то устроиться с работой на заводе было очень трудно; кроме того, его не покидала мысль о судьбе московской типографии, которая лежит под спудом не использованная.

В таком неопределенном положении прошло целых три месяца, покуда московская организация опять не стала настолько на ноги, что могла думать о постановке типографии. Все это происходило уже осенью 1904 года, когда на место Баумана большевистским центром в Москву была прислана «Татьяна», фамилии которой тов. Кудряшов не знает, но, судя по его описанию, это могла быть Елена Дмитриевна Стасова. Свидание с «Татьяной» происходило в Мытищах, в земской больнице, у фельдшерицы, которую все товарищи называли «Косоглазенькая». С тов. Кудряшова потребовали смету на предполагаемую постановку типографии, каковая смета была им тут же составлена, при чем размер ее был всего на 30 рублей в месяц.

Снял он квартиру в две комнаты на Каланчевской улице в подвале за 12 рублей в месяц, поселился со своей семьей; типография была туда доставлена полностью, все сохранилось, но не было типографской краски, приходилось домашними средствами из сажи и масла изготовлять краску, что было очень хлопотливо.

Стали понемногу печатать, но квартира была плохо законспи-

рирована, поэтому, когда в Москве появилась старая приятельница тов. Кудряшова—иваново-вознесенская работница Махова,—то решено было перевезти типографию к ней за Бутырскую заставу. Махова и в типографии помогала, и ребенка помогала няньчить.

В это время всем работавшим в квартире Маховой приходилось поголодовывать, а потому тов. Кудряшов нередко делал вылазки к своим приятелям «за жратвой». Из финансовых затруднений тов. Кудряшов вышел таким образом: ему удалось разыскать некоего Бориса Алексеевича Прозорова, о котором еще раньше говорил Бауман, когда он был на воле, как о человеке, который мог бы помочь типографии. Борис Алексеевич Прозоров был богатый человек и на партийные дела, главным образом, на типографское дело, тратил большие средства. Кроме помощи деньгами, тов. Прозоров помогал личной работой в типографии и этим делом вообще сильно интересовался.

К концу 1904 года московская организация настолько оправилась, что решено было пустить типографию на более широких началах.

В это время тов. Прозоров был призван на военную службу, и форма прапорщика могла быть довольно надежным прикрытием от шпиков.

Решили, что Прозоров наймет квартиру, обзаведется денщиком—своим человеком, купит лошадь, которая будет стоять у его брата врача Леонида Прозорова, а сюда, к этой квартире, будет подаваться по мере надобности. Рядом займет квартиру Николай Николаевич Кудряшов и у него будет помещаться «техника».

После долгих поисков удалось найти рядом две квартиры на Божедомке, где проработали до весны; печатали много, выносить напечатанное уже не хватало сил. Прозорову подавалась купленная им лошадь, на которой и вывозили напечатанное и привозили громадное количество бумаги. Но несмотря на такое цветущее состояние типографии, в ней началось внутреннее брожение, которое закончилось расколом работающих в ней и переездом на новое место—в Замоскворечье.

Дело в том, что, когда затеяли печатать не только местные московские листки, а и заграничные большевистские издания, то среди работников оказались сочувствующие меньшевикам; они стали требовать, чтобы перепечатывали и меньшевистскую загра-

Квартира Чукаевой (со двора) — за Крестовской заставой, где помещалась типография.

ничную литературу, на что два основных работника этой типографии—Кудряшов и Прозоров—не согласились, а так как финансовая сторона всецело была в руках Прозорова, то меньшевикам пришлось уйти.

В Замоскворечьи проработали до мая месяца 1905 года, затем Прозорова, как военного, угнали в Ярославль, и квартира его, как типография, перестала функционировать. Перебрались за Крестовскую заставу, к коровнице Чукаевой, матери Чукаева — своему человеку, где работали т.т. Кудряшов, Мария Михайловна Кестнер—жена Прозорова, Матюшина—жена Чукаева, некий товарищ Саша, тов. Прилуцкий и специальный наборщик-печатник с женой, фамилия которых неизвестны.

В это время Московским Комитетом нашей партии была развернута большая издательская деятельность, но так как существовало мнение, что расширять типографию, централизовать дело в одном месте не конспиративно, то решено было открыть филиалы. Так, например, тов. Кудряшов ходил набирать в центр города, улицы он точно не помнит, к Михаилу Евгеньевичу Иошкину, а печатали у Елены Александровны Молчановой, в районе Покровки.

Летом 1905 года вся Россия представляла собой кипящий котел; в Москве все фабрики и заводы жили интенсивнейшей политической жизнью, повсюду шли митинги, собрания, поэтому сидеть в четырех стенах тайной типографии было крайне тяжело, хотелось на завод, на улицу. С трудом удерживало сознание необходимости агитационной литературы, которая тут, в этих четырех стенах, изготовляется.

Однако для работников типографии настал момент, когда они не выдержали тона. Об этом моменте еще и сейчас, через 18 лет, товарищ Кудряшов сердито буркнул: «Сами провалили квартиру за Крестовской заставой, провалили самым похабным образом». Когда стала дальше выяснять причину этой «похабности», то оказалось, что за Крестовской заставой на пустыре, у самого забора дома, где помещалась типография (у коровницы Чукаевой), собрались рабочие и устроили митинг; со двора типографии были слышны речи ораторов; тогда товарищи, сидевшие в типографии, не вытерпели, взяли охапку изготовленных прокламаций и кинули их в толпу рабочих, которыми они тут же были разобраны.

После такого случая оставаться в этой квартире больше

нельзя было. Отныне квартира Чукаевой считалась проваленной, надо было выбираться, но тут на счастье вернулся из Ярославля Прозоров и должен был со своей частью быть в лагерях на Ходынке. Прозоров немедленно снял большую дачу, перетащил типографию и опять заработали во-всю: Кудряшов, Прозоров, его жена, Марья Петровна Матюшина и Степан — нелегальный, бежавший матрос. Этот матрос Степан, как это явствует из дела, первоначально при аресте назвался коломенским мещанином Константином Павловым Ведерниковым, а так как паспорт этого Ведерникова был простой фальшивкой, то против него было, кроме того еще возбуждено уголовное преследование в бродяжестве. Тогда он, по совету товарища Шанцера, который в это время тоже сидел в тюрьме, решил назвать свое настоящее имя: матрос первого разряда 32-го Флотского Черноморского Экипажа, команды канонерской лодки «Донец» Федор Константинович Усиков.

После этого тов. «Степана» увезли, и куда он девался—никто, ни тов. Кудряшов, ни другие ничего не знают, хотя пытались узнавать, так как «Степана» все работавшие с ним очень любили и уважали, как преданнейшего товарища и отличного работника. О дальнейшей судьбе «Степана» из документов тоже ничего не удалось узнать.

На Ходынке работали все лето.

В конце лета ходынская типография, из тех же все соображений децентрализации дела для вящшей его конспирации, была разделена на две части: Прозоров с женой и матросом перебрались на зимнюю квартиру у Крутицких казарм; там же поселились для работы Чукаева Мария Петровна и некая «Галя».

Вторую типографию оборудовали на Малой Спасской, дом № 18, у Агнии Николаевны Ивановной с дочерью ее Зоей. Там работали: Василий Майоров, Иван Ефимович Пластунов, Николай Алексадрович Прилуцкий и Сергей Титов, кличка которого была «Витте». Этот «Витте» был очень ненадежный человек, какой-то случайно примазавшийся и, по мнению тов. Кудряшова, «Витте» предал впоследствии.

Одновременно, тогда осенью 1905 года у Московского Комитета была типография, хозяевами которой были: Лев Григорьевич Барышников с женой; помещалась она в районе Марьиной Рощи [1]).

[1]) В доме Хлебникова по Лазаревскому переулку.

Четвертая типография помещалась в Садовниках у Василия Николаевича Ларионова. Там работали: Цируль, Наташа Шашкова и Александр, фамилия которого неизвестна тов. Кудряшову.

Пятая типография помещалась на Пресне, о ней дальше, в заметке тов. Драчевой.

Таким образом по сообщению Николая Николаевича Кудряшова, нелегальный «Губиздат» Московского нелегального большевистского Комитета в 1904—1905 г.г. стоял на достаточно большой высоте.

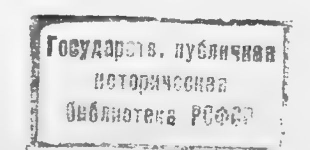
Литературу из тайных типографий вывозили на двух лошадях, из которых одна принадлежала Прозорову, а другая студенту Алексею Мишукову, отец которого имел большую иконостасную мастерскую в районе Гаврикова переулка.

В этой «божественной» мастерской, между прочим, было сфабриковано упомянутое мной фальшивое свидетельство на имя оренбургского мещанина Голубева на право приобретения шрифта. У Чукаевых, под мостом у Крестовской заставы, где раньше была типография, «похабно» проваленная, в дальнейшем помещался склад типографского инвентаря. На заводе у «Листа» Иваном Ефимовичем Пластуновым заказывались беспартийному модельщику кронштейны и станки.

Из всех этих пяти типографий одна была по каким-то соображениям ликвидирована Московским Комитетом, другая накрыта семеновцами в дни баррикад на Пресне, а три продолжали функционировать до 18 марта 1906 года, когда они все в одну ночь были арестованы.

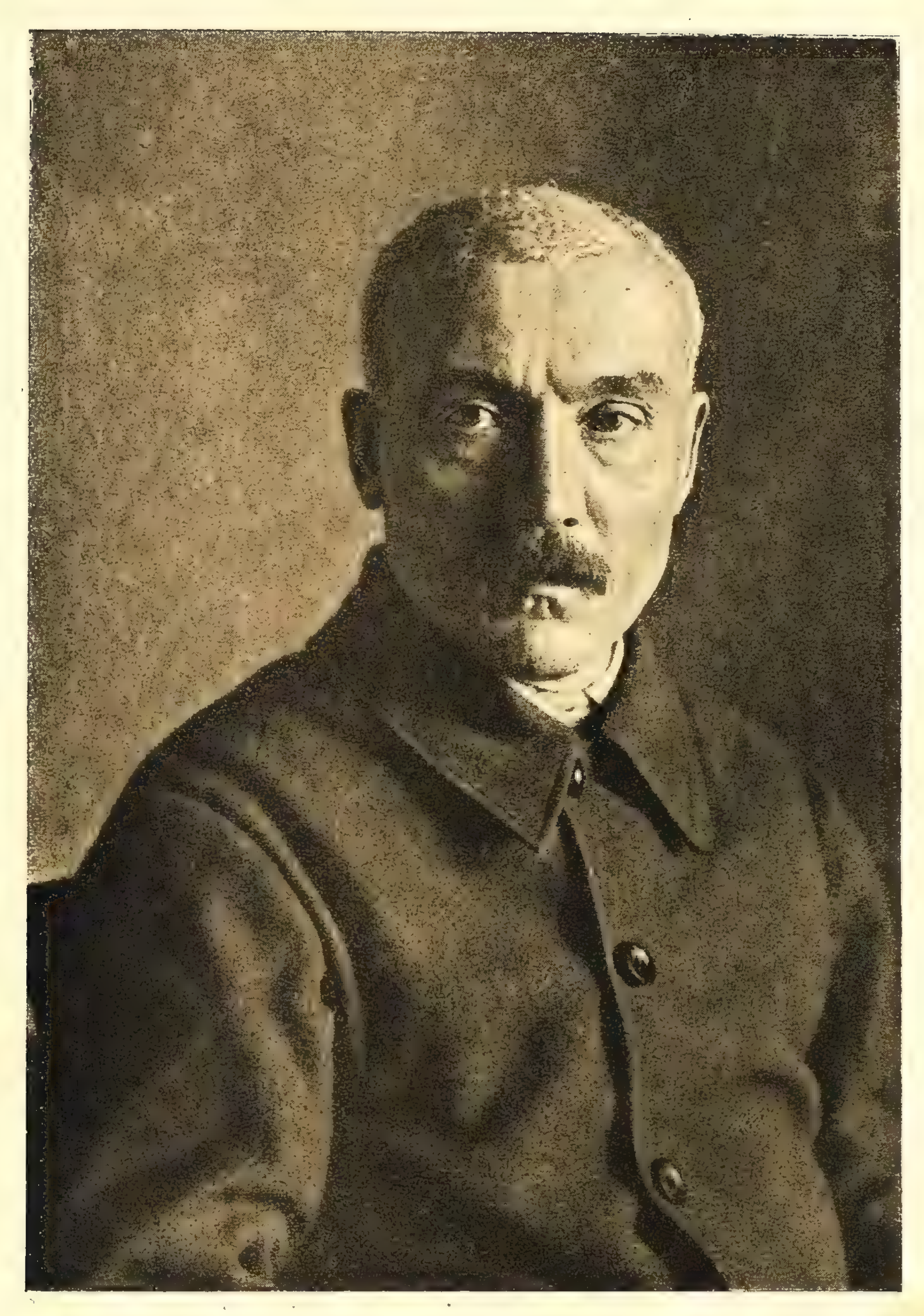
На мой вопрос о причинах ареста всех трех типографий в одну ночь, товарищ Кудряшов, как истый подпольщик, ответил буквально следующее: «Из-за освободительного движения наша публика *распустилась*, стала ходить по собраниям, собираться на квартире у Чукаева, перестали конспирировать и провалили все дело».

Когда я прочла товарищу Кудряшову все то, что удалось мне восстановить на основании беседы с ним, он не нашел никаких дефектов в передаче фактической стороны дела, но тяжело вздохнул и горестно воскликнул: «А сколько было с этими типографиями выстрадано—этого толком не расскажешь!».

Это восклицание еще и еще раз заставляет сожалеть об отказе Николая Николаевича самому написать воспоминания обо всем, им пережитом, в связи с нашими тайными типографиями.

Со слов Н. Кудряшова *Ц. Бобровская.*

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ КУДРЯШОВ.

Обрывки, уцелевшие в моей памяти о типографии на Пресне в декабре 1905 г.

Месяца за полтора до восстания Московский Комитет, у которого тогда было много тайных типографий в разных частях города, поручил тов. Кустову наладить еще одну типографию.

Мне предложено было сделаться квартирной хозяйкой этой типографии, на что я охотно согласилась. Вместе с тов. Кустовым, молодым студентом с тонким интеллигентным лицом и бородкой клинушком, мы отправились в поиски квартиры и вскоре нашли подходящую на Пресне, в переулке, названия которого точно не помню, помню только, что дом был Афремова.

Квартира состояла из четырех комнат, была достаточно изолирована. Скоро нам прислали мебель и постепенно, по частям, разные товарищи приносили все необходимое для типографии.

Вначале помогать наладить дело приходили более опытные товарищи из других типографий—Вася Майоров и Николай Николаевич Кудряшов. Жило нас и работало постоянно в этой типографии четверо: Матрена Андреевна Капашова, Кустов, я и высокий матрос [1]), которого мы звали «дяденька». Фамилии матроса я не только не старалась узнать, а даже боялась узнать, так как в дни восстания и после его усмирения в участках применялись пытки к арестованным, и, помню, меня одолевали всякие сомнения; начинало казаться: а вдруг меня арестуют и будут так пытать, что я лишусь рассудка и начну выдавать, называть фамилии и т. д. Вот из этих

---

[1]) Матрос Федор Константинович Усиков, «Степан», летом работавший на Ходынке в типографии Прозорова, арестованный потом в типографии в кв. Барышниковых.

соображений было очень досадно, что знаешь так много фамилий товарищей.

Из того, что мы успели напечатать до восстания мне только припоминается листок к солдатам, а в самые дни восстания мы работали листок к крестьянам.

Первоначально мы работали до поздней ночи, но в дни восстания уже нельзя было оставаться в нашей квартире на ночь, поэтому с наступлением темноты мы работу обрывали, запирали квартиру и расходились по ночевкам.

На утро мы встречались в условном месте, кидали жребий, кому первому приблизиться к типографии, остальные ждали в отдалении. Вот, в один из дней, когда восстание подходило к концу и семеновцы уже начали понемногу хозяйничать на Пресне, мы четверо сошлись на улице, кинули жребий—на сей раз итти отпирать типографию выпало на мою долю.

Подхожу к квартире, издали вижу—висит большой замок, не наш, а дворник говорит: «Не подходите, вашего мужа ночью убили, уходите, пока целы».

Я ушла, сообщила обо всем дожидавшимся товарищам.

Впоследствии мы узнали, что тов. Кустов, после того, как мы с вечера все четверо разошлись из типографии, еще раз туда вернулся, чтобы вынести пачку оставленных нами листков, которые экстренно зачем-то потребовались, и с этой пачкой его накрыли семеновцы, которые зверски мучили нашего товарища, чтобы он рассказал, куда нес эти листки, а когда он продолжал молчать, они добили его пристрелом.

Так погиб наш товарищ Кустов.

Вот все, что могу сейчас сообщить о тайной большевистской типографии на Пресне в декабре 1905 года.

Мария Драчева.

МАРИЯ НИКАНОРОВНА ДРАЧЕВА
хозяйка тайной типографии на Пресне
в декабре 1905 года

Приложения.

Выписка из дела Отделения по охранению общественной безопасности в Москве при Управлении Моск. Градоначальника об аресте в ночь на 18 марта 1906 г. типографии Московского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, фракции «большинства», помещавшейся в кв. мещанина Василия Николаева Ларионова.

М. В. Д.
Московского
Градоначальника.
Отделение по охранению
общественной безопасности и порядка в Москве
20 марта 1906 г.
№ 2980.
г. Москва.

Секретно.

В ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ.

После усмирения декабрьского вооруженного восстания в Москве и прекращения для революционеров, благодаря об'явлению здешней столицы на положении чрезвычайной охраны, возможности беспрепятственно пользоваться для своих целей периодическою печатью, местный Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии почувствовал себя вынужденным для успешного ведения агитации в среде рабочих снова [1]) прибегнуть к сооружению подпольных типографий, наводнивших Москву и прилегающие к ней города массою мелких преступных изданий.

С 20-го минувшего февраля стали появляться номера довольно крупного нелегального издания под названием «Рабочий Листок», выходившего регулярно и представляющего собою, как по размеру, так и по содержанию и обработке статей, весьма серьезное агитационное издание фракции, именующей себя «большинством» Московского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

---

[1]) На самом деле эти типографии не прекращали своего существования и в дни «свобод».

Поэтому, в целях пресечения подпольной, революционной деятельности Комитета, Охранным Отделением было приступлено к разработке агентурных данных, указывающих на технику, причем выяснилось, что фракция «большинства» располагает в настоящее время тремя действующими типографиями, помещающимися: первая—в доме Титова по Большой Спасской улице, в квартире вдовы прапорщика казанской мещанки, Агнии Николаевой Ивановой; вторая — в доме Хлебникова по Лазаревскому переулку, в квартире иваново-вознесенского мещанина, Полиевкта Григорьева Барышникова и третья — в доме Смирновой по Садовнической улице, в квартире иваново-вознесенского мещанина Василия Николаева Ларионова.

По получении, таким образом, всестороннего агентурного освещения, в ночь на 18-е сего марта, была произведена, в порядке положения о государственной охране, ликвидация вышеназванного «большинства», при чем:

1) В доме Титовой были обнаружены: вполне оборудованная типография: ручной типографский станок (3 аршина длиной), со включенным в него набором предназначавшегося к выпуску 22-го числа текущего месяца и прилагаемого при сем в одном экземпляре № 4 газеты «Рабочий Листок»; 8 наборных касс, наполненных шрифтом (около 10 пудов); в значительном количестве номера 1, 2 и 3 той же газеты «Рабочий Листок» и другие революционные издания; 3 пуда чистой газетной бумаги, обрезанной по размеру уже выпущенных номеров. Станок и принадлежности печатания помещались в двух комнатах, снимаемых у квартирохозяйки упомянутой Ивановой и дочери последней—Зои Ивановой (белошвейка) жильцами: потомственным дворянином Николаем Александровым Прилуцким и мещанином Сергиевского посада, Иваном Ефимовым Пластуновым. Кроме последних лиц, в этой же квартире были застигнуты трое неизвестных мужчин (один—латыш, нелегальный, именующий себя «Василием Егоровичем», второй—толстый, без бороды, курский мещанин, по агентурным указаниям кличка «Вася»—оба рабочие в типографии, и третий—владелец типографии—еврей—маленький, курчавый, кличка «Николай Николаевич»). В комнатах же жильцов были обнаружены паспорта, подлинность коих проверяется (один—на имя борисоглебского мещанина Василия Егорова Ананьева, второй на имя сына отставного полковника Александра Михайлова Свежинского, третий—свидетельство о явке к исполнению воинской повинности на имя крестьянина Александра-Адольфа Давова Цируль, четвертый—на имя крестьянина Мглинского уезда Василия Яковлева Майорова, пятый—на имя крестьянина Путивльского уезда Лаврентия Ильина Краснодеда и шестой—на имя крестьянки Лидского уезда Дарьи Михайловой Овсейчик).

ФЕДОР ТОЛЧЕВ.

2) В доме Хлебникова был обнаружен также вполне оборудованный типографский станок, несколько меньших размеров, с принадлежностями печатания и несколько пудов шрифта, груда чистой бумаги, 2 кинжала и револьвер. Здесь, помимо квартирохозяев—вышеназванного Барышникова и жены его Елизаветы Александровой—находилась жилица крестьянка Александровского уезда, Ботовской волости, деревни Лизунова, Мария Петрова Матюшина, и был застигнут неотмеченный по домовой книге проживающим, сначала отказавшийся назвать себя, коломенский мещанин Константин Павлов Ведерников (оттиск типографского набора прилагается).

3) В доме Смирновой были обнаружены: американская скоропечатная машина, так называемая «бостонка», самого крупного размера; несколько пудов шрифта; оттиск отпечатанной прокламации: «Как происходят выборы уполномоченных на московских фабриках», изд. Моск. Комит. Р. С.-Д. Р. П., с датою: «март 1906 г.»; 10 стоп чистой бумаги, нарезанной по полулистам; №№ 6, 8, 9 рукописных «Бюллетеней Московского Комитета»; гектографированный обзор современного революционного движения в России; гектографированная краткая программа учения социал-демократов; мимеографированная «пропагандистская программа»; денежный отчет Комитета за январь и литературный — за февраль 1906 год; печатные газеты: «Партийные Известия», «Рабочий» и «Рабочий Листок»; пистолет «Маузера» с 25-ю патронами к нему и 2 револьвера «Смитта и Вессона» с 15-ю патронами. Кроме квартирохозяев — упомянутого Ларионова и жены его Ольги Александровой — в этой квартире был застигнут незаявленный здесь на жительство крестьянин Трубчевского уезда, села Журавки, Федор Осипов Толчев и находились: жилица, крестьянка Малоархангельского уезда, Покровской волости, деревни Петровской, Наталья Васильевна Шашкова (оба сначала отказались себя назвать, а в занимаемых ими комнатах и помещалась нелегальная типография с принадлежностями) и ранее проживавшая у Ларионова иркутская мещанка Евгения Павловна Колмакова, паспорт коей в разорванном виде был обнаружен в комнате, где находился Толчев.

Оставленными в квартирах засадами были задержаны явившиеся 18 марта в квартиру Ивановой: дочь тамбовского купца Анна Семеновна Падагрина (Марья Михайловна Керстнер, жена Прозорова), на жительстве в Москве не заявлена, спрашивала некоего «Александра Иванова Панщина», и московский мещанин Алексеевской слободы Алексей Яковлев Мишуков, принесший «Николаю Николаевичу» части типографского станка.

Об изложенном, в дополнение к телеграмме начальника Охранного Отделения на имя директора Департамента Полиции, от того же 18 числа за № 1083, уведомляю Департамент Поли-

ции, присовокупляя, что поименованные: Прилуцкий, Пластунов, трое неустановленных лиц, Зоя Иванова (Агния Иванова ввиду преклонного возраста и непричастности к делу оставлена на свободе), Падагрина, Мишуков, супруги Барышниковы, Ведерников, Матюшина, супруги Ларионовы, Шашкова, Колмакова, Толчев заключены, в порядке охраны, под стражу, а следственная переписка по настоящей ликвидации имеет быть передана на распоряжение прокурора Московского Окружного суда.

Подлинное подписал: генерал-майор *Рейнбот*.

Скрепил: и. д. начальника отделения подполковник *Климович*.

С подлинным верно: Отдельного корпуса жандармов, ротмистр (подпись).

Выписка из дела Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в Москве при Управлении Московского Градоначальника. Об аресте в ночь на 18 марта 1906 года типографии Московского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, фракции «большинства», помещавшейся в квартире мещанина Василия Николаева Ларионова.

ОПИСЬ

предметам, оказавшимся при обыске 18 марта 1906 года в квартире № 22, дома Смирнова, по Садовнической улице, первого уч. Пятницкой части, занимаемой иваново-вознесенским мещанином Василием Ларионовым, в комнате, занимаемой Шашковой:

1. Вполне оборудованный типографский станок, на полу, на войлоке.
2. До 15 штук маленьких свертков с буквами, с наименованием букв, заключающихся в свертке.
3. Прокламация, лежавшая на типографском станке.
4. До 25 штук патронов к револьверу «Маузера».
5. Железный листок до аршина в квадрате.
6. Белой бумаги, нарезанной по полулисту, до 8 стоп.
7. Два ящика с шрифтом и принадлежностями.
8. Револьвер системы «Маузера» незаряженный.
9. Шрифт, разбросанный на столе.
10. Парусиновый чемодан с бесцензурными брошюрами.
11. Кожаный чемодан с такими же изданиями.
12. Ящик с кассами на столе.
13. Печатных прокламаций до 25 штук.
14. Рукописи.
15. Два револьвера «Смитта и Вессона» незаряженные.
16. 15 патронов к ним.

За Начальника Московского Охранного Отделения, помощник, ротмистр *Колоколов*

НАТАЛИЯ ВАСИЛЬЕВНА ШАШКОВА

Выписка из переписки Прокурора Московской Судебной палаты по обвинению мещан Полиевкта Григорьева и Елизаветы Александровой Барышниковых.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ

о мещанах Полиевкте Григорьеве и Елизавете Александровой Барышниковых и неизвестного звания человеке, именующим себя Константином Павловым Ведерниковым.

В ночь на 18-е марта 1906 г. в г. Москве по распоряжению Московского Охранного Отделения помощником пристава 2-го участка Арбатской части Кулинским был произведен обыск в квартире мещанина г. Иваново-Вознесенска Полиевкта Григорьева Барышникова, в доме Хлебникова, по Лазаревскому переулку, где по полученным агентурным путем Охранным Отделением сведениям помещалась тайная типография Московского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

При появлении полиции около 2-х часов ночи был застигнут неизвестный человек, назвавшийся коломенским мещанином Константином Павловым Ведерниковым, о проживании которого в квартире домовому дворнику Вуленкову Барышниковыми заявлено не было.

Сам Барышников, его жена и назвавшийся Ведерниковым были одеты и не спали; комната, где помещался Ведерников, была освещена; оба окна в этой комнате были сплошь завешаны двойными занавесками; в ней найдены типография — ручной типографский станок, около 4-х пудов шрифта, две коробки с красками, два с половиной пуда писчей чистой бумаги и другие типографские принадлежности; здесь было несколько гранок готового набора, разные нелегальные брошюры и печатные прокламации от Московского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, ее политическая программа и другие издания. Заявив на вопрос помощника пристава, что типография принадлежит ему, Барышников от дальнейших об'яснений уклонился.

На возникшем по сему поводу предварительном следствии был произведен осмотр найденных в квартире Барышникова предметов, при чем эксперт, управляющий Московской губернской типографией Пиленков, пришел к заключению, что они являются принадлежностями ручной небольшой типографии, по своему техническому оборудованию пригодной для напечатания произведений размером не больше писчего листа бумаги в количестве около 30 оттисков в час. Средствами этой типографии были отпечатаны следующие, найденные при обыске издания Московского Комитета Российской социал-демократической рабочей партии: 1. 17 экзем-

пляров брошюры «Песни революции», среди которых помещены песни под заглавием: «Варшавянка», «Красное Знамя», «Марсельеза» и «Похоронный Марш». 2. Экземпляр прокламации под заглавием «Три конституции», где сравниваются 3 строя: самодержавной монархии, конституционной монархии и демократической республики, при чем, отдавая предпочтение последней, прокламация говорит, что самодержавный строй служит интересам придворных, полиции и чиновников; конституционный — людям богатого класса, а демократическая республика—для того, чтобы свободный, просвещенный народ научился сам вести все свои дела, а главное для того, чтобы рабочий класс мог свободно бороться за социализм. 3. Прокламация «Инквизиция в Прибалтийском крае», помеченная 30-го января 1906 г., приглашающая протестовать всеми средствами против прибалтийской резни, поддерживать пострадавших материальными средствами через социал-демократические организации и оканчивающаяся призывом: «Долой прибалтийскую инквизицию», «Долой самодержавие и дворян», «Да здравствует Всероссийская революция». 4. Два экземпляра прокламации под названием «19-го февраля», помеченных 13-го февраля 1906 года; в прокламации говорится, что крестьяне при освобождении от крепостного права были обмануты, что опасно доверять царю, чиновникам и помещикам, и в заключение крестьяне призываются на борьбу в открытом вооруженном восстании за собрание выборных от всего народа и к соединению с рабочими в борьбе за Учредительное Собрание. 5. 439 экземпляров прокламации от 1-го февраля 1906 г. «О партии народной свободы или конституционно-демократической», призывающей рабочих не подавать голосов за членов этой партии при выборах в Думу и приглашающей к вооруженному восстанию для уничтожения самодержавия, для созыва Учредительного Собрания и учреждения демократической республики. 6. Макулатурный лист социал-демократической газеты «Рабочий Листок» № 3 от 22-го марта 1906 года. 7. 3 экземпляра прокламации той же партии, призывающей к бойкоту Государственной Думы и созыву Всенародного Учредительного Собрания. 8. Прокламация «К рабочим города Москвы» с призывом к учреждению демократической республики. 9. Литературные отчеты Московского Комитета Социал-Демократической Рабочей Партии за ноябрь и декабрь 1905 года и январь 1906 года, и 10. Денежные отчеты за те же месяцы, где среди статей расходов имеются статьи: на оружие, на боевую организацию, на пропаганду, на побег и укрывательство лиц, скомпрометированных во время восстания, на забастовку и стачки.

По проверке на следствии заявления неизвестного, назвавшегося при задержании Ведерниковым, о его личности таковое не подтвердилось, а найденная в его комнате паспортная книжка на

имя коломенского мещанина Константина Павлова Ведерникова оказалась подложною. При дальнейших расспросах задержанный отказался назвать себя (л. 10—14, 23, 24, 34, 71).

Привлеченные к следствию в качестве обвиняемых в принадлежности к сообществу, постановившему целью своей деятельности ниспровержение существующего в государстве общественного строя, Полиевкт Барышников и назвавшийся Ведерниковым никаких об'яснений по существу пред'явленного к ним обвинения дать не пожелали.

Елизавета Барышникова, отрицая свою виновность, об'яснила, что хотя ей и было известно, что муж ее имел в своей квартире тайную типографию социал-демократической партии, но, как человек, подчиненный мужу, она не могла оказать никакого противодействия; в типографии у них печатались прокламации, найденные при обыске, а главным образом отчеты Комитета; кто привез типографию и кто производил на ней работу—об'яснить не пожелала. Арестованный у них в квартире Ведерников, знакомый ее мужа, пришел к ним случайно в день обыска, до этого же времени она его не знала.

Привлеченный кроме того в качестве обвиняемого в бродяжестве, именующий себя Ведерниковым, обнаружить свое звание отказался (л. 38, 42, 47, 49, 73).

На основании изложенного мещане города Иваново-Вознесенска Полиевкт Григорьев 35 лет и Елизавета Александрова 29 лет Барышниковы, Владимирской губернии, и неизвестного звания человек, именующий себя коломенским мещанином Константином Павловым Ведерниковым, обвиняются в том, что в марте месяце 1906 года в городе Москве принадлежали к сообществу, присвоившему себе наименование Московского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, заведомо поставившему целью своей деятельности ниспровержение существующего в России общественного строя, при чем в тайной типографии, принадлежащей означенному сообществу, устроенной в занимаемой Барышниковыми квартире, в доме Хлебникова, по Лазаревскому переулку, печатали издания означенного сообщества, призывающие крестьян и рабочих к вооруженному восстанию и к борьбе для созыва Учредительного Собрания и для учреждения в России демократической республики, то-есть в преступлении, предусмотренном 1 ч. 126 ст. Угол. Улож., а именующий себя Ведерниковым сверх того обвиняется в том, что, будучи задержан в ночь на 18-е марта 1906 года в городе Москве, в доме Хлебникова, по Лазаревскому переулку в квартире Барышниковых, ложно назвался коломенским мещанином Константином Павловым Ведерниковым, а засим отказался об'явить о действительном своем звании, т.-е. в преступлении, предусмотренном 952 ст. Угол. Улож.

Вследствие этого и на основании 2 п. 1332 ст. Уст. Уг. Суд. Барышниковы, Матюшина и Ведерников подлежат суду Московской Судебной Палаты с участием сословных представителей.

Составлен в Москве сентября 1906 года.

Выписка из дела о тайной типографии Московского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, обнаруженной 18 марта в квартире мещ. Зои Ивановой (дом Титова).

ПРОТОКОЛ.

1906 года марта 17 дня в 12 ч. 30 мин. ночи, пристав 1 уч. Мещанской части ротмистр Ачкасов, вследствие поручения отделения по охранению общественной безопасности и порядка в Москве от 17-го сего марта за № 13950, прибыл в дом Титовой по Малой Спасской ул., сего участка, в кв. № 7, занимаемую казанской мещанкой Агнией Николаевой Ивановой для производства обыска в порядке положения об усиленной охране, при чем в присутствии нижеподписавшихся лиц было предпринято следующее: чтобы открыть дверь в квартиру был дан звонок, повторенный несколько раз, ввиду замедления. Когда у двери послышался изнутри голос женщины, дворник дома Титова, назвавшись, просил отворить дверь; на это таким же голосом было сделано возражение со ссылкой сначала на боязнь, и затем на то, что говорившая не одета, и лишь по прошествии довольно продолжительного времени, после предупреждения о взломе двери, таковая была открыта. По входе в квартиру были ясно замечены дым и запах от сгоревшей бумаги. Квартира состоит из четырех комнат, передней и кухни в первом этаже каменного дома. В первой комнате, направо из прихожей, помещается мать и дочь Ивановы, с малолетними детьми; вторая комната, прямо из прихожей, занята типографским станком, корзинами и одной кроватью; третья комната, направо от предыдущей, занята двумя кроватями, корзинами, столом и типографским шрифтом, типографскими кассами, чистой газетной бумагой и другими принадлежностями типографского дела; в станке, помещающемся во второй комнате, был обнаружен включенный набор газеты «Рабочий Листок» № 3, оттиски которой найдены как в этой, так и в смежной комнате направо. Судя по свежести краски на наборе, можно заключить, что работа только что производилась. В четвертой комнате, налево от той, в которой помещается станок, занимаемой Ивановыми и служащей общей столовой, так как жильцы Прилуцкий и Пластунов столовались у Ивановой, помещались стол с остатками еды, стулья, матрац и сундук Ивановой. В комнатах, где помещается столовая, типографский станок и типографский

шрифт и кассы, находились пять мужчин, из коих двое назвались—потомственным дворянином Николаем Александровым Прилуцким и мещанином Троиц-Сергиевского Посада, Московской губернии, Иваном Ефимовым Пластуновым, остальные трое назвать себя не пожелали. Затем было приступлено к обыску и обнаруженные предметы внесены подробно в прилагаемую при сем опись. Назвавшиеся Прилуцким и Пластуновым пред'явили следующие документы о личности: г. Прилуцкий—бессрочную паспортную книжку, выданную тульским городским полицейским управлением от 16-го апреля 1903 года за № 570 и свидетельство о выполнении воинской повинности из тульского уездного воинского присутствия от 15-го ноября 1903 года за № 1776 и г. Пластунов—паспорт городского старосты Сергиевского Посада от 16-го марта 1905 года за № 1211, сроком на один год. Кроме этих пред'явленных документов, были найдены 2 паспортных книжки, 3 плакатных паспорта и одно свидетельство о выполнении воинской повинности, поименованные в приложенной к сему описи. В момент входа полиции в квартиру все застигнутые оказались на ногах, но г.г. Прилуцкий и Пластунов заявили, что они до этого времени спали и приходом полиции были разбужены; в комнатах, занимаемых Прилуцким и Пластуновым, на полу находилась масса порванной бумаги, видимо переписки, о чем и занесено в сей протокол.

Пристав ротмистр *Ачкасов.*

Старший помощник пристава *Леандров.*

К изложенному в протоколе считаю нужным добавить, что вещи, перечисленные в описи, находились только в двух нами занимаемых комнатах, кроме вещей в кладовой, которые были вынесены утром 17-го марта 1906 года. Что касается показания в описи о найденных революционных песнях, а также и других листках, то я считаю нужным добавить, что с этим я не согласен в протоколе. Относительно лиц, которые не назвали свои фамилии, считаю также нужным добавить, что находились ли они во время входа в квартиру в бодрствующем состоянии или же спали я не знаю. С некоторыми частями протокола согласен, остальное, помещенное в протоколе, не все подтверждаю.

Николай Александров Прилуцкий.

Соглашаясь с заявлением, сделанным г. Прилуцким, в остальном согласен с изложенным в настоящем протоколе.

Иван Ефимов Пластунов.

Понятые:

ОПИСЬ

предметов, оказавшихся 17 марта 1906 г. при обыске в квартире Ивановых, в доме Титовой, по Малой Спасской улице, 1-го участка Мещанской части.

В комнате № 2—вход прямо из передней.

1. Типографский станок со включенным в него набором газеты «Рабочий Листок» № 3, с подставкой под станок и подстилкой.

2. Стекло с краской и валиком для смазки набора.

3. Небольшая корзина с типографскими принадлежностями и различными инструментами, шрифтом и кусками олова.

4. Пачка рукописных листков (в пакете).

5. Письма (в пакете).

6. План города Москвы.

7. Брошюры, газеты и денежные отчеты московского комитета (в пакете).

Комната № 3, занимаемая Прилуцким и Пластуновым.

8. 8 ящиков, наполненных шрифтом, разобранным по кассам.

9. Большое количество чистых листков газетной бумаги.

10. Две чугунных плиты.

11. Шрифт, бабашки и отдельные набранные гранки, связанные веревками.

12. Помещенный на деревянной доске набор одной страницы, размера листка «Рабочей Газеты», часть набора разрушена. Набор, по заявлению Пластунова, представляет из себя четвертую часть № 3 «Рабочей Газеты».

13. Стальной вал.

14. Деревянные и железные рамки, стекла для растирания красок и другие мелкие принадлежности типографского дела.

15. Большое количество номеров 1, 2 и 3 газеты «Рабочий Листок», воззваний социал-демократической рабочей партии; денежных отчетов Московского Комитета той же партии; газеты «Пролетарий», «Партийные Известия», «Солдатская Жизнь», «Летучий Листок».

16. Рукописи и порванные письма.

17. Оттиски отдельных статей с корректурными поправками.

18. Книжка отрывных талонов по сбору пожертвований с печатями Московского Комитета Российской Социал-Демократич. Рабочей Партии.

19. Большое количество брошюр цензурных и нецензурных.

20. 3 записных книжки и обрывок плана города Москвы.

В кладовой:

21. Типографские принадлежности (линейки и кусок олова).

22. 4 деревянных рамы с наклеенными на них оттисками газеты «Рабочий Листок».

23. Две чугунных плиты.

24. Два свертка со шрифтом.

В столовой:

25. 27 экземпляров брошюры «Песни Революции»; один экземпляр мимеографированного «Акафиста»; один экземпляр газеты «Солдатская Жизнь»; 20 экземпляров денежного отчета Московского Комитета Р. С.-Д. Р. П.

Пристав ротмистр *Ачкасов*
Старший помощник пристава *Леандров.*

Вещи, перечисленные в сей описи, были найдены только в наших двух комнатах.

Николай Александров *Прилуцкий.*
Иван Ефимов *Пластунов*
Понятые:

ПРИГОВОР

Копия.

1917 года марта 17 дня Московская Судебная Палата по 3 Уголовному Департаменту в распорядительном заседании, происходившем под председательством председателя Департамента И. Л. Тимашевского в составе членов Палаты П. П. Штюкмара и С. В. Едличко, при товарище прокурора Палаты А. Ф. Микулине и при секретаре Е. М. Хмелевском слушала дело о мещанине Алексее Яковлеве Мишукове и крестьянине Николае Николаеве Кудряшове, обв. по 102 ст. Угол. Улож., по вопросу о применении Указа Временного Правительства Правительствующему Сенату от 6 марта 1917 года.

Рассмотрев настоящее дело, Судебная Палата находит: 1) что вменяемое в вину подсудимым московскому мещанину Алексею Яковлеву Мишукову и крестьянину Костромской губернии, Нерехтского уезда, Шеряйской волости, деревни Большой Ширяйхи, Николаю Николаеву Кудряшову, преступное деяние погашается I отделом Указа Временного Правительства Правительствующему Сенату от 6 марта 1917 года, как предусмотренное I частью 102 ст. Угол. Улож., 2) что настоящее дело еще не разрешено Судебной Палатой по существу, вследствие чего и на основании 4 пункта 16 ст. Уст. Уг. Суд. начатое против подсудимых судебное преследование подлежит прекращению с отменой принятых в отношении их мер пресечения и с отнесением судебных издержек за счет казны, согласно 976 ст. Уст. Уг. Суд., 3) что из вещественных доказательств—паспорта подлежат возвращению в места их выдачи, типографские принадлежности возвращению лицам, у коих они отобраны, квитанции, открытое письмо, свидетельство на имя Голубева, бумажник и записная книжка—возвращению Мишукову, а прочие—оставлению при деле и 4) что розыск Мишукова и Кудряшова подлежит прекращению, а потому Московская Судебная Палата определяет: уголовное преследование московского мещанина Алексея Яковлева Мишукова и крестьянина Костромской губернии, Нерехтского уезда,

Ширяйской волости, деревни Большой Ширяйхи, Николая Николаева Кудряшова по сему делу прекратить, о чем об'явить Мишукову и Кудряшову, в случае явки или ходатайства их, отменить принятые в отношении их меры пресечения, судебные издержки принять на счет казны; из вещественных доказательств: паспорта возвратить в места их выдачи, типографские принадлежности возвратить лицам, у коих они отобраны, квитанции, открытое письмо, свидетельство на имя Голубева, бумажник и записную книжку возвратить Мишукову, а остальные оставить при деле. Розыск Мишукова и Кудряшова через публикацию отменить. Копию сего определения для сведения и надлежащего исполнения препроводить Прокурору Судебной Палаты.

М. П. (печать).

С подлинным верно: Секретарь (подпись).

Примечание. Из всех товарищей, привлеченных по делу о трех типографиях, были осуждены лишь трое: Толчев—на поселение с лишением всех прав состояния, Н.Шашкова—к 8-ми месяцам крепости и В. Майоров, по совокупности с другими его делами по другим типографиям,—к трем годам крепости. «Матрос», он же Ведерников, он же Усиков,—был отправлен во флот и какова была там с ним расправа неизвестно.

Женщины: Барышникова, Матюшина, Зоя Иванова и другие были освобождены за недоказанностью их причастия к типографии, а Кудряшов, Барышников, Ларионов, Ларионова, Мишуков, Пластунов, Прилуцкий, Цируль своевременно скрылись, при чем тов. Кудряшов эмигрировал в Америку, где много мытарствовал, и в Россию вернулся лишь после февральской революции, когда и получил из канцелярии Судебной Палаты настоящую копию.

Технический аппарат Московского Комитета большевиков за 1906—1907—1908 г.г.

(Глава из моих воспоминаний.)

Из Одессы (в июле 1906 г.) необходимо было убраться, военный прокурор стал спешить с нашим делом. Паспорт хотя был у меня хороший, ибо за 6 месяцев, которые я провел в тюрьме, им не удалось открыть мое имя, но все же я боялся предстать перед военным судом. Последний выносил совсем несуразные, ничем необ'яснимые приговоры. Я списался с Надеждой Константиновной Крупской, которая тогда работала в Питере, и должен был поехать на работу туда, но в это время я получил письмо из Москвы от тов. Гусева, с которым работал в Одесском Комитете партии с июля по ноябрь 1905 г.; он приглашал меня от имени Московского Комитета приехать на работу. Я выбрал из двух предложений последнее, ибо в Москве был целый ряд товарищей, с которыми я работал раньше. Пока раздобыл нужные средства на дорогу, коекак оделся (из тюрьмы я вышел оборванцем) и пока я искал подходящий паспорт для проживания в Москве (кстати сказать, я его не нашел и мне пришлось ехать без документов), прошло два месяца. В Москву я приехал в начале сентября 1906 г. По приезде оказалось, что присланная мне Гусевым явка провалена и самого Гусева уже в Москве нет (не помню, был ли он арестован, или уехал, последнее вероятнее). Все же я быстро связался с Комитетом: случайно на улице я встретил Бура (старший Эссен, брат «Барона») и Нину Львовну Зверь (фамилии ее я не знал и теперь

не знаю, с тех пор я обоих потерял из виду). От них я узнал, что меня вызвали для секретарской работы в М. К. ввиду того, что т. Виктор Таратутта переходит на другую работу. Они же мне дали явку М. К., по которой я нашел Виктора. Последний передал мне решение М. К. о том, что мне передается весь конспиративный технический аппарат Московской организации. Не все ли равно, какую работу выполняешь,—главное она должна быть полезна и нужна партии и ее органам. Я взялся за работу, а последний тогда в Москве было не мало—не хватало рук. Первым делом мне пришлось ознакомиться с постановкой типографии М. К. Связана с ней была, если мне память не изменяет, т. Елена (фамилии не помню). Последняя познакомила меня с хозяином типографии (на его имя было взято помещение под типографию) т. Аршаком-Якубовым. В 1919 г., будучи проездом в Челябинске, как уполномоченный некоторых органов Р. С. Ф. С. Р., я встретился с Аршаком; он находился там под именем Якубова, как уполномоченный Нар. Комис. Продовольствия. Тов. Аршак, после тщательного экзамена, годен ли я, мол, для поста заведывающего всеми конспиративно-техническими делами Московской организации, свел меня с т. Сандро, который и был душой типографии и сам фактически в ней работал, как наборщик. Последний первым делом мне заявил, что он и его товарищи откажутся работать, если я им навяжу женщин для посредничества с типографией или для работы в технике. Так как у меня таких намерений не было, то мы быстро сговорились и между нами установились деловые товарищеские отношения. Раньше, чем приступить к делу, я отправился в типографию, чтобы детально ознакомиться с ее оборудованием и, главное, посмотреть, все ли обстоит благополучно с конспиративной стороны. Получив адрес, я отправился осмотреть местность, которой я остался не совсем доволен. Типография находилась в лавке дома Юрасова (третий дом от угла) в проезде Рождественского бульвара (от Сретенки по правой стороне). Хотя с одной стороны была бойкая улица Сретенка, но зато против лавки, на другой стороне, стоял дом, из окон которого было видно все, что делается в лавке, а наискось находился бульвар, откуда незаметно могло вестись наблюдение за лавкой. Ко всему этому, как раз напротив лавки стоял городовой на посту. После осмотра я зашел в фруктовую лавку, как покупатель (вывеска была солиднее, чем внутреннее

содержание полок и товаров; она носила название «Магазин кавказских фруктов» (чуть ли не оптовой торговли). В магазине я нашел т. Аршака за счетами и т. ткача К. Вульпе как приказчика. Купив различные фрукты, я отправился за перегородку, а оттуда спустился в подвал. Поскольку припоминаю, подвал был даже меньше, чем лавка. Внутри я нашел Сандро и еще одного товарища, имени которого я не помню. Подвал был заполнен ящиками, очевидно, частью с типографскими принадлежностями, которые еще не были распакованы, частью с бумагой для печати. Станок и наборные кассы были вполне готовы для работы (возможно, что они уже были пущены в ход). В подвале был искусственный свет—электричество или керосиновые лампы. После осмотра подвала я поднялся в лавку. Наверху было слышно, как работает американка. Как только кто-либо входил в лавку—хозяин или приказчик давал знать вниз, что в лавке имеется покупатель. Нами тогда было решено провести звонок вниз, который должен был давать знать, можно ли работать дальше или нужно работу прекратить. Поскольку могу припомнить, один или два товарища очень часто работали в типографии по ночам. Не могу припомнить, жил ли тов. Вульпе, приказчик, в лавке за перегородкой или нет; так или иначе, я не знал, где он жил, а между тем квартиры Сандро и Аршака я знал. После детального выяснения и ознакомления со всеми подробностями типографии, я установил, что лавка снята по фальшивому паспорту, по которому никто не жил, т.-е. документ не был заявлен в участке, значит установить, что он фальшивый, нельзя было. Несмотря на то, что документ не был заявлен, на имя, которое в нем было указано, были выправлены промысловые свидетельства, платились налоги и т. д. Тов. же Аршак жил по другому паспорту. Связь с техникой я имел исключительно через хозяина типографии, т. Аршака. В очень экстренных случаях, когда нельзя было ждать до вечера, когда я мог найти Аршака дома, я отправлялся в типографию с большими предосторожностями. Являлся я туда в качестве покупателя и выходил с пакетом кавказских фруктов или орехов. До того, как я ознакомился с городом, мне пришлось заняться подысканием места для покупки нужной бумаги в большом количестве и подходящего размера. Это оказалось делом нелегким, ибо, кроме закупки, нужно было с предосторожностями вывозить с ее места закупки без подо-

зрения. Не помню, от кого из товарищей я получил рекомендательное письмо к секретарю одной из контор бумажного производства (Нижне-Торг. ряд на Красной площади), с просьбой оказать мне кредит. Я сговорился с этим секретарем, и он мне достал нужную бумагу как по форме, так и по квалификации. Закупленная бумага была отправлена к переплетчику в Пименовский тупик (тоже по рекомендации кого-то из товарищей). В переплетной бумага была разрезана по нужному размеру и забрана приказчиком типографии, который отвез ее на склад типографии в какое-то подворье (названия не помню). Оттуда бумага отвозилась по мере надобности в магазин-типографию, под видом товаров—кавказских фруктов. *Впоследствии мы получали ордера в конторе на какой-нибудь склад, ордер передавался в «технику», и приказчик последней уже отправлял бумагу непосредственно на склад типографии. В этой конторе мы закупали бумагу, нужную нам за все время существования этой большой типографии.* Во время выборов во 2-ую Думу был такой случай: я закупил большую партию красной бумаги; на этой бумаге мы печатали маленькие воззвания с призывом голосовать на выборах во 2-ую Думу за кандидатов Р. С.-Д. Р. П. (большевиков). Когда я явился через неделю вновь за бумагой, секретарь подает мне воззвание на красной бумаге и говорит: «Вы быстро, чисто и аккуратно работаете: это воззвание принесли мне на дом». На это я ему ответил, что такая красная бумага, очевидно, и на других фабриках выделывается: я такими делами не занимаюсь. Я никак не мог понять: хотел ли он обрадовать меня нашей работой, или он был недоволен, что его товар употребляется для такого незаконного дела. Передо мной стал вопрос, можно ли впредь продолжать покупать бумагу в этой конторе. Мы удвоили бдительность: мы уже не отправляли бумагу прямо в склад, а на передаточную квартиру. Как за квартирой, так и за ломовиком нами устанавливалась слежка. Так как ничего не было замечено, то мы продолжали дело уже без таких больших предосторожностей. Типография работала все время очень интенсивно: всегда 2—3 листовки лежали в ожидании очереди. Каждая листовка в среднем печаталась в 35 тыс. экземпляров, а некоторые доходили до 40—50 тыс. экз. Коротенькие обращения во время выборов в Думу и к 1-му мая превысили 100.000. Самое трудное в нелегальной типографии это не

сама работа в ней, а доставка бумаги и вывоз напечатанного. Поэтому я хочу познакомить читателей и с организацией вывоза из типографии, с распространением прокламаций и пр. Печатный материал вывозился в плетеных корзинках, в которых вывозился из настоящих фруктовых магазинов товар, приказчиком в булочные Филиппова (не Н. Д. Филиппова, а И. Филиппова; у последнего тоже было в Москве несколько булочных. В семье Филипповых 2 младших сына, Александр и Василий, и дочь Евдокия нам сочувствовали и активно нам помогали. Они нам и давали свои булочные для привоза литературы. Откуда привозили, они не знали. Из булочных, которыми мы пользовались, я помню: на Трубной площади, на Рождественке и в Большом Златоустинском пер.). Как только литература попадала в одну из этих булочных, тов. уполномоченный по распространению (одно время им являлся В. Филиппов) отправлял ее на квартиру, где уже ждали его курьеры-распространители для всех районов Москвы. Таким образом, в течение 15 минут листовки забирались с квартиры и отправлялись в районы, а последние уже распространяли их по фабрикам и заводам г. Москвы. Во время выборов во 2-ую Думу Московская организация, если память мне не изменяет, вошла в соглашение с эс-эрами, нар. соц., Крестьянским Союзом и еще какими-то тогда революционными организациями. Был составлен общий список выборщиков по Москве. Нам печатать пришлось не только то, что выпускала Московская организация, но и весь материал, выпускаемый и вышеназванными организациями совместно с М. К. Наша типография не могла справиться со всеми этими материалами. Поэтому я был вынужден рыскать по городу в поисках типографии, которая могла бы печатать нашу предвыборную литературу. Поиски мои увенчались успехом. Я набрел на небольшую легальную типографию на 1 Брестской ул., которая нам напечатала несколько крупных вещей. Но так как они страшно дорого драли с нас, а денег в М. К. было немного, пришлось искать иные пути. Я разыскал партийных наборщиков в некоторых крупных типографиях. В типографии Яковлева в Салтыковском переулке и в типографии Сытина, или Кушнарева на Пименовской ул. В этих типографиях я комбинировал: в одной набиралась листовка и отливался стереотип, а печаталась в нашей нелегальной типографии; или в одной типографии набиралась, а в другой печаталась на плоских машинах.

Таким образом М. К. вышел с честью с печатным материалом. Выборы в 3-ю Гос. Думу прошли скромнее. Организация сама стала меньше и печатать пришлось меньше, да и шансы были невелики. Все силы были направлены в рабочие районы, а там мы были уверены в нашей победе, и победили. Кроме той литературы, которую мы сами печатали для Москвы, нам присылал из Питера большевистский центр много выборной и иной литературы.

Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. состоял тогда в большинстве из сторонников меньшевиков, а потому члены Ц. К. большевики образовали большевистский центр, который выступил на выборах во 2-ю Думу со своей платформой. Вначале литература привозилась товарищами. Но за последними почти всегда были «хвосты» охранки, и организация распространения литературы поплатилась несколькими арестами (Ф. Шоломович привезла литературу уже проваленной; она провалила явку и В. Филиппова). Поэтому мы просили питерцев посылать литературу багажем, пакуя ее в ящик, как товар, и нам присылать лишь багажные квитанции. Когда последние попадали к нам, мы снаряжали двух товарищей, один из коих нанимал ломового извозчика, которому он передавал квитанцию на получение товара с вокзала; последнему он давал выдуманный адрес, куда якобы нужно вести товар, а другой товарищ издалека следил за ломовиком, следуя за ними по-пятам везде, куда он только ходил с квитанцией. Если все обстояло благополучно, то тов., который следил за извозчиком, предупреждал товарища, который нанимал ломовика, об этом; тогда последний встречал по дороге возчика и направлял его по адресу, куда действительно литература должна была попасть. Когда мы не были уверены в том, что за товаром не следят, тогда в этой операции принимали участие 3 товарища: один нанимал ломовика, один следил за ломовиком, когда он ехал на вокзал и с вокзала и на самом вокзале. Третий же служил курьером у товарища, который следил за ломовиком. Он давал знать товарищу, который нанимал ломовика, нужно ли ему встречать извозчика или нет. В таких случаях принимались еще и такие предосторожности: даже тогда, когда два товарища не замечали замешательства на вокзале, по дороге менялся адрес, но это опять-таки был фиктивный адрес (в таких случаях давался просто адрес какого-нибудь двора, где имелись знакомства. Очень часто мы пользовались таким двором на 1 Мещанской от Сухаре-

вой с левой стороны в угловом доме). Извозчик отпускался спустя некоторое время, когда все было в порядке; литература отправлялась на склад и оттуда по районам. Были случаи, когда извозчика приглашали в жандармское управление на вокзале, после того когда он пред'являл багажную квитанцию. В последнем случае следивший за ним товарищ предупреждал, что извозчика встречать не надо, а сам продолжал наблюдать, что будет дальше. Иногда жандармы отпускали извозчика с товаром, а за ним снаряжали экспедицию шпиков и жандармов. Таких провалов литературы было несколько, но для нас они проходили без ареста товарищей. Я остановился подробно, и пожалуй, больше, чем это требуется для читателя Советской России, на организации связи типографии с «внешним миром» и на получении и распространении литературы, но принимая во внимание то обстоятельство, что многие братские партии за границей вогнаны в подполье, то опыт, приобретенный нашей партией во времена царской власти, может быть весьма и весьма полезным для наших товарищей из других стран. Занимаясь исключительно конспиративной работой, я не принимал участия в повседневной работе ячеек и районов Московской организации. Я имел дело и был связан исключительно с Бюро и секретарем М. К. Только один раз я принял участие в московской партийной конференции, которая состоялась осенью в конце 1906 г. в высшем техническом училище близ Немецкой, теперь ул. Баумана, на которой тов. Хинчук делал доклад от имени Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. (меньшевистского в своем большинстве). Конференция же состояла из большевиков, только Пресненский район послал на нее несколько меньшевиков. Дебаты были очень страстные, но бесполезные, ибо врага в сущности не было. Вся конференция, за исключением нескольких голосов, была против меньшевистского Ц. К., и он действительно был вскоре переизбран на лондонском с'езде партии. С секретарем М. К. тов. Карповым и после тов. Марком (Любимовым) я встречался ежедневно на их явках. Если я почему-либо не мог являться на явки Моск. Комитета, то тогда в случае необходимости секретарь Моск. Комитета мог найти меня на явках, которые были у меня ежедневно. Очень часто М. К. только постановлял, какие листки и воззвания нужно выпускать, мне же приходилось реализовать эти постановления не

только в смысле печатания, но и в смысле раздобывания текста. Таким образом я познакомился с т. М. Н. Покровским (он тогда жил, если не ошибаюсь, на Долгоруковской ул. и у него на квартире я встретил Л. Б. Каменева, доктора Канеля) и таким же образом я набрел на Сильвина (Бродяга), которого я не видел с момента побега из киевской тюрьмы. Они и еще несколько товарищей (Лунц, И. И. Степанов и др.) состояли в лекторской группе при М. К., и многочисленные листовки, которые печатались тогда, вышли из-под их пера, так как легальной прессы в М. К. не было, то листовки издавались по всем важным вопросам политики и экономики того времени. Работы было много. 24-х часов в сутки не хватало, а между тем внешние условия были для меня неблагоприятны. Я приехал в Москву без паспорта. Больше 7 месяцев я не мог найти подходящего документа на жительство. Мои друзья нанимали квартиры, которые они меняли почти каждый месяц только для того, чтобы я мог там жить непрописанным, но это быстро обнаруживалось, несмотря на то, что мы всегда нанимали квартиры, или в больших домах, или с парадными входами и без швейцаров. За короткий период мы переменили 4 квартиры. Это заставляло меня пользоваться ночевками 3—4 раза в неделю. Много времени и усилий приходилось тратить на нахождение их. В зависимости от ночевки приходилось являться туда иногда в 8—9 час. вечера и не выходить из дома уже до утра. Конечно, ни книг, ни других документов таскать с собой неудобно было—вот и пропадало много времени.

Мною был организован небольшой аппарат из учащейся молодежи (студентов и курсисток университета, института инженеров путей сообщения, технического училища). Они работали, конечно, без жалования. Они мне доставляли квартиры для явок, для привоза и распределения литературы и иногда для ночевок. С ними можно было итти в огонь и в воду. Несколько имен из них я помню: Кичин, Шершаков, Шестаков, В. Филиппов (был арестован, но ненадолго), Пурищев (был арестован и осужден на 2 г. крепости), Лисицына, Малеев, П. Филиппов и Королев (был арестован после провала типографии и судился вместе с арестованными по делу типографии).

Кроме типографии и вышеназванного аппарата получения и распространения литературы, было еще в моем ведении паспортное

бюро, заведующим которого был А. Карнеев (кличка Пахомов). Последнее функционировало недурно. Оно поддерживало связи с Питером и Ростовом-на-Дону, с организациями которых оно обменивалось копиями документов. Несмотря на то, что наше бюро недурно работало, я с трудом достал себе подходящий документ. Это об'яснялось тем, что мне по моей внешности был нужен армянский или грузинский документ, которые нельзя было достать в Москве. По фальшивкам же жить в Москве нельзя было, ибо охранка проверяла документы вновь прибывающих в Москву. В середине ноября выяснилось, что Сандро по болезни или по другим причинам не может оставаться работать в «технике». Я начал искать заместителя по Москве, но достать подходящего работника я не мог; поэтому по предложению М. К. поехал в Питер искать хорошего наборщика. В Питере я попал не то на явку П. К., не то на явку большевистского центра. Оттуда меня направили на Загородный проспект в столовку Технологического института. Там я встретил Надежду Константиновну Крупскую и много других т. т. по партии. Меня познакомили с товарищем, который заведывал всеми техническими делами большевистского центра, может быть, и П. К. (к сожалению, его кличку я забыл). Последний мне заявил, что у него имеется верный товарищ, хороший и опытный наборщик, но он ему самому очень нужен для «техники», так как они хотят поставить запасную. С большим трудом наборщик был мне уступлен, и так как я боялся, что он может быт постановлением П. К. или еще кого-либо взят обратно, то я на следующий день, после того, как этот товариш подтвердил, что он действительно наборщик-специалист (для нашей американки нужно было быстро набирать, иначе она стояла в ожидании набора), отправил его в Москву к моим знакомым—я боялся направить его на мои или явки М. К.,—сам же я оставался еще на один день в Питере. Когда я вернулся в Москву, то узнал, что питерский наборщик стал настаивать, чтобы его отвели на мою квартиру (он ссылался на то, что я условился встретиться с ним у меня на квартире). Так как у меня постоянной квартиры не было, то его направили на квартиру, где я очень часто ночевал. Мне, конечно, это не понравилось, но я успокоился тем, что мне его рекомендовал очень ответственный товарищ, как верного товарища. Когда я ввел наборщика в типографию, то оказалось, что он из рук вон

плохой наборщик. Как только он стал работать, то пред'явил такие экономические требования, которые М. К. не был в состоянии удовлетворить из-за отсутствия денег. И, наконец, минуя «хозяина» типографии, он стал ходить на квартиру к моим знакомым, чтобы поймать меня. Для меня стало ясно, что Питер всунул мне то, что му было не гоже, но делать было нечего: раз он уже вошел в «технику» удалить его было невозможно. Я остановился на питерской неудаче так подробно потому, что с момента ареста типографии товарищ этот исчез и не дал о себе знать ни из тюрьмы, ни с воли. Еще до ухода Сандро ушел приказчик Вульпе; его мы заменили тоже хорошим и дельным товарищем из Московской организации, думаю, что тов. Новиков, который был арестован в типографии, и заменил его. И, наконец, в середине апреля т. Аршак явился ко мне с другим товарищем-грузином и предложил назначить последнего вместо себя. После наведения тщательных справок, секретарь М. К. т. Марк и я согласились отпустить т. Аршака, тем паче, что никаких трудностей «продать» магазин другому хозяину не представляло.

Январь и февраль прошли в подготовке к партийному с'езду (Лондонскому). Во всех районах и ячейках шла дискуссия по вопросам, которые стояли в порядке дня с'езда. По постановлению ли Ц. К., или М. К. на всех собраниях должны были присутствовать докладчики от большевиков и меньшевиков. Я тоже после хорошей подготовки (с конспиративной стороны) собрал работающих в техническом аппарате М. К.; собрание состоялось на Мясницкой улице, в доме где помещалась мясницкая аптека, в квартире Шершакова. На это собрание явился в качестве докладчика от меньшевиков Егоров-лысый, которого я знал в 1903—1904 г.г. как ярого большевика. Меня это крайне тогда поразило. Все такие дискуссионные собрания выбирали представителей на общегородскую конференцию, где уже выбирались делегаты на с'езд от Москвы, если я не ошибаюсь, были выбраны т.т. Покровский, Каменев, Виктор, Инокентий и Ногин—все большевики. В апреле 1907 г. М. К. и вся Московская организация готовилась к первому мая. Лозунг был дан М. К.—об'явление всеобщей забастовки. Была издана прокламация о значении 1 мая (предполагалось напечатать в количестве 35—40 тысяч экземпляров) и красные небольшие листовки с призывом к рабочим бросать работу 1 мая и т. п. в коли-

честве не менее 300—350 тыс. экземпляров (должно было быть напечатано 500.000 экземпляров), но праздники помешали, поэтому они распространялись два раза до праздника и после него, в день ареста типографии.

В конце марта я, наконец, достал армянский паспорт какого-то студента питерского университета. Поэтому мои друзья—В. П. Волгин, Бричкина, Гальперин и др. (из них двое нелегально жили на третьей Тверской Ямской) переменили квартиру, дабы и я мог присоединиться к их коммуне. Они переехали в огромный дом Калинкина на Владимиро-Долгоруковской ул. Когда они уже туда переехали, я снял у них комнату, как только что приехавший из Питера. Так я прожил «по-человечески» почти целый месяц, имея свою комнату, и был очень счастлив, так как был избавлен от поисков ночевок.

27/IV 1907 г., вечером, я был, как обычно, на своей явке. Все было в порядке, только заведующий распространением литературы, т. Королев почему-то запоздал. Жду, а его все нет. Я посылал выяснить по телефону у его родных и жены, там его не оказалось. Это мне не понравилось. Очевидно, что-то произошло, но что именно? Мы хорошо знали, что перед 1 мая жандармы хватают направо и налево, но пока, как будто, рано—только 27-ое число. Я направился прямо домой, будучи уверен, что с Королевым что-то случилось. На квартире у меня никогда ничего компрометирующего не бывало. Все же перед тем как ложиться спать, я предупредил товарищей по квартире, чтобы они ночью не открывали двери, прежде чем не разбудят меня. В полночь послышался сильный стук через черный ход. Я встал, уничтожил условные знаки к адресам и отправился открывать дверь. Спрашиваю, кто стучит—ответ: почтальон принес срочную телеграмму. Я сейчас же догадался, что к нам явились непрошенные гости. Только открыл двери, в нее ворвались пристав, шпики, околодочные, городовые, дворники и пр. Квартира сразу наполнилась ими. Как только они вошли, они спросили, где живут Волгин В. П. и Целикова. Я указал, в каких комнатах они находятся, а сам пошел к себе и лег спать, наблюдая, что будет дальше. Наконец послышался стук в дверь, и вся свора ворвалась ко мне. Я встал, оделся и стал им показывать, что их интересовало. Вдруг вижу, что у меня на столе лежит книжка-протокол конференции боевых и военных организаций

Р. С.-Д. Р. П. Я был поражен: этой книжки у меня, конечно, не было—откуда она взялась? Наконец шпик, обращаясь к околодочному, сказал: «возьмете эту книжку?», на что последний, посмотрев на нее, заявил: «вы ведь видите, что она продается во всех магазинах и что на ней имеется адрес типографии». Они удалились. Тогда я взял книжку и положил вместе с другими книгами. Через несколько минут они опять являются в мою комнату, и шпик опять берет книжку, желая ее унести, очевидно, к приставу, но околодочный остановил его, очень недовольный, заявив, что он таскает все, даже то, что никому не нужно. Так как шпик не унимался, то они пошли выяснять этот вопрос к приставу. Последний решил в пользу околодочного. К утру меня позвали к приставу. Последний спросил мою фамилию, имя, что я делаю и давно ли я живу в Москве. Моими ответами он, очевидно, удовлетворился, ибо он извинился за беспокойство, и я отправился в свою комнату, ожидая финала. Наконец все было готово и они удалились. Когда я вышел посмотреть, кто забран и кто остался, то оказалось, что они арестовали двух легальных, а оставили трех нелегальных. Когда мы ознакомились с результатами, то все разразились громким хохотом. Почему арестовали двух товарищей, которые фактически не работали в партии (т. Волгин был с.-д., но он не работал тогда в организации; Целикова же даже не была членом партии), для нас тогда было загадкой.

Утром явился ко мне т. Аршак, который, хотя знал, где я живу, но никогда ко мне не ходил. Конечно, я был удивлен, что он ко мне явился, да еще после обыска. От него я узнал, что типография занята полицией. Мы условились встретиться с ним днем, а сам я отправился выяснять размеры ареста. Оказалось. что сейчас же, как только привезли остаток майских прокламаций для распределения по районам, нагрянула полиция. Несмотря на то, что для некоторой части районов уже успели унести часть их литературы и удалиться, у тех, которые оказались при обыске, были найдены адреса при них и на их квартирах. Аресты были большие, но фундаментальные организации—ячейки, райкомы и М. К. ими не были затронуты. Утром 28-го апреля прежний хозяин магазина, т. Аршак, отправился в магазин (он тогда сдавал дела другому заведующему типографии). Подойдя к дверям его, он был удивлен, найдя их запертыми. Рядом

с дверьми было большое окно. Посмотрев в окно, он увидел, что внутри хозяйничает полиция. Первым делом он бросился предупреждать товарищей, которые работали в типографии (я хорошо помню, что в подвале, где стояла типография, работа в этот день не производилась, ибо майские листки были готовы, а над ними они очень много трудились. До 2-го мая они были все свободны). Повезло же Аршаку: он подошел к магазину, где его знали все,—дворники, городовые и пр., и отошел незамеченным, затем он явился ко мне после обыска и тоже не натолкнулся на засаду. Поскольку я могу припомнить, в магазине были арестованы только приказчик и хозяин. Приказчик был взят тогда, когда он отвез листовки (за типографией уже, очевидно, следили), а хозяин был арестован в магазине после того, как приказчик вернулся обратно (только теперь я мог установить, что фамилия приказчика была Новиков, а «хозяина» Гобелов). Меня тогда интересовал вопрос, почему была арестована типография: она была так хорошо законспирирована, что без помощи провокации охранка не могла бы ее взять. Мне казался странен результат обыска у меня на квартире. Как мы после установили, с обыском явились на третью Тверскую-Ямскую, на квартиру, где мы жили раньше до переезда в дом Калинкина (на эту квартиру ходил питерский наборщик). У дворника полиция узнала адрес, куда переехал Волгин (на его имя была квартира); поэтому, как только явилась полиция, она справилась, где живут Волгин и Целикова (только они оба числились по документам переехавшими с Ямской улицы; Гальперин, хотя оставил за собой комнату, но он не прописался, ибо он уехал легализоваться. Я и еще два товарища переменили паспорта). Из этого мы сделали вывод, что полиция не знала, кого именно она ищет; она только знала, что эта квартира связана с типографией. Я был убежден, что питерский наборщик выдал типографию. Об этом мы тогда писали в Питер, но точно установить нам тогда не удалось. Да и теперь, когда я получил кой-какие материалы дела о типографии, тоже не могу установить, каким образом провалилась типография (в одном месте в документах говорится: «соединенными усилиями агентуры и наружного наблюдения была взята типография». Должен прибавить, что в ноябре 1906 г. Гальперин привел к себе Житомирского (провокатора), с которым все живущие в квартире были хорошо знакомы. Я только думаю, что если бы он тогда провалил нас, то он точно дал бы описания каждого из нас, и полиция искала бы не

по фамилиям, а по физиономиям, как Житомирский делал после (об этом ниже). К тому же мы были бы арестованы раньше, за нами была бы слежка, а то без слежки в день взятия типографии явились на старую квартиру. Типография существовала от сентября 1906 г. до апреля 1907 г.—8 месяцев. Она выпустила 44 названия. Листки печатались в количестве от 1.500 («Русским солдатам в Финляндии») до 350.000 экземпляров первомайского призыва. В списке прокламаций, который фигурировал на процессе, не обозначены первомайские маленькие воззвания, напечатанные на красной бумаге, которых было отпечатано больше чем 350.000 экземпляров (мы должны были их отпечатать в 500.000 экземпляров, но типография или не успела, или не было столько бумаги). В типографии вели счет как названиям, так и количеству печатаемых прокламаций и периодических органов, но майские листки из-за арестов, очевидно, не успели записать.

После передмайского провала полиция начала вылавливать членов Комитета по одиночке. В начале мая был арестован т. Карпов (бывш. секретарь М. К.). В общежитии технического училища, где происходили явки и заседания М. К., очень часто начала появляться полиция. Только благодаря тому, что там жило много членов партии (Филиппович, Богданов и др), до крупных провалов в общежитии не доходило, ибо нас предупреждали или до прихода полиции, или к кому они идут; тогда участники собрания или явки расходились по разным комнатам. Должен отметить, что полиция боялась устроить в общежитии облаву или оставить где-либо засаду. В последнем случае студенты все равно предупреждали пришедших, а в первом случае полиция боялась нарваться на бомбы. Хотя крупных провалов в общежитии не было, все же пришлось его оставить, ибо шпики дежурили постоянно у ворот училища и у дверей общежития.

М. К. не мог обойтись без типографии. Реакция становилась все сильнее и сильнее. Ни одна легальная типография не бралась печатать нам ничего ни за какие средства (кстати, средств этих в М. К. не очень-то много было). Я занялся подготовкой новой типографии. Конечно, о бостонке и мечтать уже не приходилось. Тов. Кичин, который работал со мной, предложил новую конструкцию рамы, по которой вал ходил, как колеса по рельсам, без шума. Раму заказали по чертежам в одной слесарной лавке Зотова по Каретно-Садовой ул. Нами в Сокольниках был снят особнячек, ка-

ких в Сокольниках за Верхне-Красносельской улицей очень много. В таких домах жили, главным образом, рабочие. Там поселилось несколько человек, которые, действительно работали в трамвайном парке (они жили обособленно и изолированно от помещения типографии), и 2 человека, из которых один был прекрасный наборщик (он и его жена, которые все время работали в нелегальных типографиях, приехали случайно в Москву после провала нашей «техники») и другой ему помогал. Для доставки бумаги из города и для выноски готовых прокламаций была снята поблизости от типографии передаточная квартира, в которой поселилась жена наборщика. Приносили в «технику» бумагу и выносили оттуда готовые прокламации рабочие, когда они ходили на работу и когда они возвращались оттуда. «Техника» заработала, хотя пришлось для этого связаться чуть ли не со всеми членами партии, работавшими в типографиях, ибо нам был необходим шрифт в большом количестве и все принадлежности для большой типографии. В остальном организация была в таком же виде, как я уже описал выше. Сейчас же после обыска у меня (28/IV 07 г.) мы бросили квартиру (нами была послана родственница т. В. Волгина в контору дома заявить, что она ликвидирует квартиру и забирает мебель). Втроем мы выехали на «дачу» в Лосино-Островское по Северной ж. д. Дача была взята наспех, первая попавшаяся. Май оказался очень холодным и мы на даче мерзли хуже, чем зимой. Все же удалось там прожить лето. Осенью я достал хорошую копию паспорта на имя Пимена Михайловича Самадарадзе. По нем я поселился вместе с друзьями на отдельной квартире (этот документ служил мне до июня 1914 года, пока я не сел основательно; об этом ниже), адрес которой я уже абсолютно никому не говорил. Однако, мое положение становилось очень шатким. По возвращении Гальперина в Москву, несмотря на то, что он легально прописался, его тотчас же арестовали. Его показывали дворникам дома Юрасова, где была взята большая типография М. К. На допросах ему говорили обо мне, говорили, что я именно руководил и руковожу всеми техническими делами М. К., в том числе и арестованной типографией. Он писал из тюрьмы, чтобы я немедленно уехал. Однажды, идя по Долгоруковской улице, я заметил слежку. Я ускорил шаг и вскочил на конку, которая шла к Сухаревой (в 1907 г. от Смоленского бульвара до Сухаревской площади еще ходила конка). Шпик вскочил за мной. Кондуктор сует ему билет, но он не берет. Вдруг он вытаскивает фотографическую кар-

точку из кармана. Смотрю, на карточке снят Гальперин во весь рост ((очевидно, у них моей карточки не было). Я соскочил с конки и побежал по Лихову переулку, он за мной. Я лучше его знал Москву и куда быстрее бегал, поэтому я его оставил позади. Осенью арестовали жену наборщика; у нее нашли бумагу—и только. Все же рисковано было оставить в том же месте типографию. Мы решили перевести ее в Замоскворечье. Нами была снята квартира на последнем этаже в одном еще не совсем оконченном громадном доме. Туда поселились два товарища с легальными паспортами и наборщик без прописки. Хозяйка типографии,—фамилии ее я не знаю—(после поселения, которое она получила по делу о типографии, бежала в Париж. Когда Лафарг и его жена покончили с собой, она тоже покончила свою жизнь самоубийством) сносилась со мной и с внешним миром, остальные двое работали в типографии. Листки печатались реже и в меньшем количестве экземпляров, но зато издавался регулярно журнал военной организации при М. К. и, кажется, журнал для Областного Бюро Р. С.-Д. Р. П.

Аресты продолжались и усиливались. Арестовывали активных работников пачками. Они становились все чаще и чувствительнее для Московской организации. Слежка за аппаратом распространения стала невыносимой; несколько раз я вынужден был распускать явки, ибо около квартир стояли шпики. То и дело полиция выхватывала отдельных товарищей из моего аппарата. Однажды в одном из переулков, прилегающих к Сретенке, когда я вышел с явки, меня окружили несколько шпиков. По Сретенке мчался трамвай. Я на полном ходу вскочил в него и, оставив филеров бежать по улице, вышел на первой остановке из него, как ни в чем не бывало, без хвоста. В начале января 1908 г. был арестован, или был вынужден оставить Москву, секретарь М. К. Марк. Мне приходилось тратить массу времени на предосторожности, раньше чем повидаться с кем-либо по делу. С товарищами из «техники» я уже виделся только на улицах Москвы и то только ночью. Я настолько был болезненно осторожен, что в каждом человеке я видел шпика. Я не заходил к себе домой, если в переулке стоял или ходил ктолибо позади меня. Я дошел до такого состояния, что как-то ночью, услышав шум и говор многих голосов на лестнице, я вскочил, уничтожил разные записи и ждал, когда явятся с обыском. Ждать пришлось долго. Мне это надоело и я открыл дверь и вышел на лестницу. Там оказалось просто пьяная компания, которая дожи

далась, пока дворник ей откроет двери. Секретарем М. К. был назначен т. Андрей (Кулиша), приехавший из Питера. Я поставил перед ним вопрос о том, что мне нужно покинуть Москву, ибо все равно меня возьмут не сегодня-завтра. Он не согласился. Пришлось тянуть лямку дальше. В феврале однажды я подошел к дому на Божедомке, где была явка. За домом явно следили. Я вошел туда и удалил всех ожидающих. Там меня ждал т. Зефир-Моисеев. Он явился ко мне от Ц. К. Я ему наскоро дал другой адрес, где он мог со мной видеться в тот же вечер, но там я с ним не стал разговаривать. Когда мы вышли, то за каждым из нас пошли шпики. Мне пришлось возиться с ними до поздней ночи. При этом я был вынужден пользоваться извозчиками, чего я до этого никогда не делал, ибо считал их ненадежными в таких случаях. Из-за них я не мог попасть на квартиру, где меня ждал Зефир. После т. Андрей мне сообщил, что т. Зефир от имени Ц. К. предложил мне немедленно выехать за границу в распоряжение заграничного бюро Ц. К. (на лондонском с'езде большевики одержали победу. Большинство Ц. К. состояло из большевиков). М. К. больше меня не задерживал. Я сдал дела и в середине марта 1908 г. покинул Москву и направился в Пензу, чтобы освободиться от шпиков и шпикомании и отдохнуть. В Пензе я пробыл три недели. Там началась за мной слежка, несмотря на то, что ни с кем из организации я не виделся. Оттуда я поехал в Ростов-на-Д. Вначале я устроился недурно. Мне удалось отдохнуть. Я связался с заграничным бюро Ц. К. и местной публикой. Перед 1-м мая началась слежка за домом, где я жил. Я переехал в другой дом—и там слежка. Тогда я перестал заявляться в полицию и опять стал шляться по ночевкам. У меня не было связей на границе для перехода и не было паспорта для поездки легально. Я решил ехать, воспользовавшись моими старыми связями. Я списался с моими родными и они предложили мне приехать к ним, обещая достать мне у кого-либо заграничный паспорт для поездки легально за границу. Из Ростова я выехал со всеми предосторожностями, однако, в Таганроге я чуть-чуть не был взят. Повезло, я выкрутился. По приезде в родной город меня выдал один бывший активный работник Бунда, и в одну прекрасную ночь я был арестован. Я назвал себя по паспорту, по которому я сидел в Одессе (документа у меня не было), а жандрамы называли мою настоящую фамилию.

Осип Пятницкий.

Приложения к статье О. Пятницкого.

I. Выписки из дела судебного следователя Московского окружного суда по особо важным делам Вольтановского о Московской организации Р. С-Д. Р. П. (Об обнаруженной в доме Юрасова на Рождественском бульваре тайной типографии Московского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей партии).

1.

М. В. Д.

Начальник Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в г. Москве.

27-го Апреля 1907 года.

№ 6469.

г. Москва.

Секретно.

Арестантское.

Имею честь сообщить вашему превосходительству, что я сего числа произвел ликвидацию [1]) Московского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, начав таковую с ареста типографии названного Комитета.

Препровождая при сем протокол обыска и перечень обнаруженных в типографии преступных изданий, уведомляю, что все помещение типографии со всеми находящимися предметами опечатано и находится под охраной от 2-го участка Сретенской части; задержанный же в момент обыска в типографии неизвестный молодой человек, назвавшийся Константином Михайловым Новиковым, содержится под стражею при вверенном мне отделении.

К сему присовокупляю, что результаты производящихся в развитие настоящей ликвидации обысков мною будут сообщены дополнительно к сему.

Приложения: протокол и перечень.

Подполковник (подпись).

---

[1]) Это звучит гордо, но на самом деле никакой ликвидации Московского Комитета нашей партии не произошло, а произошел лишь разгром технического аппарата, что ясно видно и из воспоминаний т. Пятницкого и из документов – *Ц. Б.*

2.

Прокурору Московской Судебной палаты.

Дело судебного следователя Московского Окружного суда по особо важным делам Р. Р. Вольтановского о Московской организации Р. С.-Д. Р. П.

ПРОТОКОЛ.

1907 г., апреля 27 дня, Отдельн. корп. жандармов ротмистр Кулинский, на основании ордера Моск. охр. отделения от 27 сего апреля за № 6413, прибыли с понятыми в дом Юрасовых, № 177, по внешнему проезду Рождественского бульвара, для производства обыска в порядке 258 и 1035 ст. Уг. Улож. в магазине, снимаемом мещ. Георгием Дмитриевым Ласулидзе, при чем оказалось: магазин этот помещается в одноэтажном каменном доме, выходящем фронтом на улицу. В магазин ведет вход прямо с улицы; в первой комнате за шкафами и в шкафах, в ящиках и ларях насыпаны орехи, рис и у стены несколько мешков с орехами и рисом. В конторке найдена брошюра: «Протоколы об'единительного с'езда Р. С.-Д. Р. П.», состоявшегося в Стокгольме в 1906 г. В этой комнате задержан неизвестный молодой человек, назвавшийся Константином Михайловым Новиковым и от дальнейших показаний отказавшийся. Лично при обыске у него ничего не найдено.

Все помещение магазина нежилое и разделено перегородками на три отдельные комнаты, с выходом из второй комнаты во двор. В задней комнате в комоде найдена коробка с 45 револьверными патронами, газета с армянским текстом и 12-й номер газеты «Пролетарий» и 4 р. 78 коп. денег серебряной и медной монетой.

Во второй комнате помещения магазина устроен вход в подвал, в который ведет деревянная лестница о 7 ступенях. Подвал состоит из каменных стен с деревянным потолком на 2 металлических рельсах; длина подвала около 9 арш., ширина около 8 арш., высота около 2 арш. Часть потолка обита клеенкой, пол земляной. В левом углу подвала установлена типографская машина американской системы, и все помещение подвала оказалось приспособленным к производству типографских работ. При подробном осмотре помещения оказалось: «у левой стенки помещения устроена деревянная стойка, на коей поставлено три больших, около 1 кв. арш., кассы со шрифтом; часть помещения от задней стены отгорожена досками и в этой загородке стоит стол, об'емом полтора кв. арш.; на столе уложена белая бумага, количеством около 4 пуд. отдельными листами, около 1½ кв. арш. размером. Все помещение завалено деревянными ящиками и бумажными отбросами. Всего бумажных обрез-

ков по об'ему оказалось около одного воза. При разборке этих обрезков отобрано около пуда весом белой и красной бумаги; в числе лоскутов бумаги обнаружено значительное количество отпечатанной нелегальной литературы,—между прочим найдено здесь: печатный устав партии с.-р.; несколько №№ газеты «Пролетарий», целая кипа прокламаций—воззвание с.-д. партии голосовать на выборах в Государственную Думу за членов с.-д. партии. Несколько прокламаций «Военно-полевая конституция»—изд. с.-д. партии; отчет, писаный рукой, за май денежных сумм, при чем подведен баланс—5.818 р. 74 коп.; кипа прокламаций «Капитал наступает»; несколько прокламаций «Товарищи, помните 1-е мая», изд. Р. С.-Д. Р. П.; несколько прокламаций «Чего ждать от Думы»; несколько брошюр «Кто истинный защитник трудящихся». (Весь этот материал мною уложен в ящик № 6). Кроме упомянутых трех касс, еще найдено на полу и на ящиках 5 касс со шрифтом (все эти 8 касс уложены и связаны мною вместе); шрифт обнаружен еще в 5 отдельных деревянных ящиках и уложен мною в отдельный ящик № 1; всех деревянных ящиков, различных размеров, разбросано в помещении 23; из них 5 ящиков использовано для сооружения рабочей стойки для кассы, а в 2-х ящиках были уложены различные типографские принадлежности; тут же на полу найдено 5 небольших плетеных корзин, в одной из коих наложено около 10 ф. весом, печатных прокламаций «Проект обращения к с.-д. фракции Госуд. Думы»; у задней стены оказались сложенными в ящик около 2 пуд. прокламаций различного содержания, а именно: «Письмо солдата к солдатам»; «К крестьянам» (на одном экземпляре этой прокламации написано рукой «30 тысяч экземпляров»); «Товарищи крестьяне» начинается: «Приближается время...; «Избирательная платформа Р. С.-Д. Р. П.»; «Чего ждать от Думы»; воззвание «Товарищи и граждане» начинается: «Великая борьба»...; «Чего хотят истинно-русские люди»; ответ Моск. Комитета Р. С. Д. Р. П. за ноябрь 1906 г.; «Проекты резолюций к 5-му с'езду Р. С.-Д. Р. П.»... о текущем моменте; «Список выборщиков партии с.-д. в Думу»; «Капитал наступает». Все эти прокламации уложены в ящик № 2; у станка оказались сложенные в отдельные кипы белая и красная бумага, разрезанная по формации упомянутых прокламаций, всего около 2-х пудов весом (бумага эта уложена мною в ящик № 3); на полу и на ящиках оказались разложенные различные типографские принадлежности, как-то: 25 металлических досок для набора шрифта; 10 валиков для растирания красок (4 из них висели на стене в деревянных коробках у машины); 2 листа наждаку; французский ключ, напильник, щипцы и другие мелкие принадлежности; мраморная доска размером 1 квадр. арш., деревянный вал, диаметром около 5 вершк.; 30 пустых коробок от красок и 8 таких же коробок с типографской краской, пара рельс, длиной по 2 арш., для установки на них рамы от типографского станка;

рама деревянная, размером около 1 кв. аршина, со стеклянной доской, прикрытой холщевой крышкой; кастрюля с клеем; лом и 2 лопаты; щетка и 3 бутылки, из коих одна с бензином; 50 пустых мешочков для шрифта (все эти принадлежности уложены мною в корзину и в ящик № 5); около стола сложено на ящике 21 гранки набранного шрифта, из них 9 на металлических досках (весь набранный шрифт уложен мною в ящик № 4), его оказалось до 40 пуд.; в ящике типографской машины найдены два листика бумаги с текстом прокламации, писанной карандашом: «Товарищи, помните 1-е мая»—Моск. Ком. Р. С.-Д. Р. П., и печатная прокламация «К солдатам», а также записанные на клочке бумаги адреса; 1) Леонтьевский пер., контора «Флора» и 2) Угол Тверской и Леонт. пер., магазин напротив Менабде.

При раскопке земли в полу подвала, в одном углу подвала оказались закопанными 6 отлитых стереотипов с текстом прокламации «Ко всему народу»; в другом углу подвала выкопано из земли 76 патронов к винтовке Винчестер, 6 пустых обойм к револьверу Браунинг, 2 шомпола и 5 отверток к Браунингу; обойма к револьверу Маузер и две пружины.

Во время производства обыска в помещении магазина явилась неизвестная, отправленная мною в Управление 2-го Сретенского участка; по личному обыску у ней ничего не обнаружено. Дворник д. Юрасова, кр. Яков Васильев Козлов, заявил, что, при сдаче магазина в наем теперешнему хозяину, Козлов осматривал помещение подвала, в котором теперь обнаружена типография; при чем подвал был совершенно пуст и никаких приспособлений к типографии в нем не было. К концу обыска в магазин явился неизвестный молодой человек, назвавшийся Рощиным, который отправлен мною в Управление 2-го Сретенского уч.; постановлено: обнаруженные принадлежности типографии опечатать и оставить в помещении магазина до распоряжения. Зачеркнутому и исправленному верить.

Ротмистр *Кулинский.*

Понятые: дворник д. Юрасова *В. Козлов,* дворник д. церкви Успения Иван Герасимович *Ковалев.*

3.

ПРОТОКОЛ № 10.

1907 г., мая 7 дня, г. Москва. Судебный следователь Московского Окружного суда по особо важным делам в присутствии... допрашивал с соблюдением 325 ст. Уст. Угол. Судопр. нижепоименованного в качестве эксперта и он показал:

Андрей Евгеньев Арсентьев 40 лет, мещанин г. Воскресенска,

Московской губернии, православный, грамотный, не судился, состою наборщиком в типографии Московского Градоначальника, живу в доме Михайлова по Глазовскому тупику 2-го участка Пресненской части.

На основании данных осмотра помещения лавочки в доме Юрасова по проезду Рождественского бульвара я прихожу к заключению, что подвал при лавочке представлял собою вполне приспособленное и хорошо оборудованное помещение для типографии. Найденный в подвале станок есть типографская машина *усовершенствованной американской системы*. Один человек поставленный к такой машине мог бы отработать на ней в течение 10 часов рабочего дня до 4 тысяч экземпляров, а с автоматическим двигателем, каковото впрочем при машине не было, и до 9 тысяч экземпляров. Сколько человек занимались набором шрифта определить невозможно.

Количество шрифта (его оказалось около 18 пудов) настолько велико, что из него можно одновременно составить несколько наборов для разных прокламаций такого рода, какие найдены при осмотре помещения.

Размер рам, оказавшихся в корзине, позволяет печатать на машине прокламации таких размеров, какие сложены в ящиках, помеченных цифрами 2 и 6, а печать прокламаций вполне соответствует образцам шрифта, из чего и заключаю, что все прокламации были отпечатаны в типографии в доме Юрасова.

При работе на машине она должна была производить некоторый шум.

За труд по осмотру помещения типографии прошу выдать мне вознаграждение.

Наборщик Андрей Евгеньев *Арсентьев.*

И. об. Судебного Следователя *Дружинин.*

Тов. Прокурора *Крюков.*

4.

Перечень преступных печатных произведений издания Московского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, обнаруженных при аресте 27 апреля 1907 года нелегальной типографии.

а) Брошюра:

1. «Кто истинный защитник трудящихся».

б) Прокламации:

2. «Военно-полевая конституция».
3. «Чего ждать от Думы».

4. «К крестьянам» (начинается словами: «Товарищи крестьяне. Земли и воли потребовали мы и стали соединяться...»).

5. «Товарищи-крестьяне» (начинается словами: «Приближается время новых выборов в Думу...»).

6. «Товарищи и граждане» (начинается словами: «Товарищи рабочие и все граждане России. Приближется время выборов в Гос. Думу...»).

7. «Товарищи и граждане» (начинается: «Растет и ширится грозная волна рабочего движения...»).

8. «Товарищи и граждане» (начинается: «Великая борьба классов происходит в настоящее время в России...»).

9. «Письма солдата к солдатам» («Какую пользу от солдата имеет начальство...»).

10. «Чего хотят истинно русские люди».

11. «Капитал наступает» (относительно об'явленного владельцами типографий г. Москвы локаута).

12. Листок с призывом почтить 1-е мая однодневной всеобщей забастовкой.

13. «Товарищи и граждане» (с призывом голосовать на выборах в Гос. Думу за кандидатов, предлагаемых Рос. Соц.-Демокр. Рабочей Партией).

14. «Проекты-резолюции к 5-му с'езду Р. С.-Д. Р. П.» (о текущем моменте), об отношении к буржуазным партиям, о классовых задачах пролетариата в современном моменте демократической революции и об обострении массовой экономической нужды и экономической борьбы).

15. «Проект обращения к социал-демократической фракции Государственной Думы».

16. «Избирательная платформа Российской Социал-Демократической Рабочей Партии».

17. Список выборщиков от Российской С.-Д. Рабочей Партии, партии Соц.-Революц., Всероссийского Избират. Трудового Союза и Московской группы народн.-социалист. партии.

18. «Отчет Московского Комитета Р. С.-Д. Р. П. за ноябрь 1906 года».

Отдельного корпуса жандармов ротмистр **Колоколов**.

в) Отчет.

Московского Комитета Р. С.-Д. Р. П. за ноябрь 1906 года.

Расход:

	Руб.	коп.
Организационные расходы Московского Комитета . . .	232	—

Выдано на организационные расходы по районам:

Рогожскому	70 р.		369	20
Замоскворецкому	40 »			
Пресненскому	30 »			
Сокольническому	46 »			
Центральному	30 »	20 к.		
Лефортовскому	27 »			
Бутырскому	3 »			
Группе работников в профессиональных союзах	88 »			
Военно-техническое бюро	35 »			
«Техника и склад			483	—
Выдано проезжающим товарищам			33	50
Помощь полит. ссыльным и заключенным			38	—
Поездка в другие города			33	—
Покупка книг			2	70
Уплата долга			10	50
Секретариат			18	50
		Итого	1220	40

II р и х о д:

Остаток с октября	107	50
От предприятий фин. комиссии	158	30

Членские взносы:

От студ. соц.-дем. организации при М. К.	196	15
От членов финансовой комиссии	13	40
От группы литераторов	10	—
От А. М.	10	—
От В.	8	15

Пожертвования:

От рабочих типографии Кобелькова в пользу ссыльных взамен празднования памяти Баумана	7	74
От Д. М.	5	50
От N. N.	76	30
От М. Д.	9	—
От Е. Н.	10	—
От Серафимы	35	—
За продажу Известий Совета Раб. Деп.	9	70
От Об. Бюро Ц. Р. уплата долга	11	—
С реферата	7	47
Тоже	4	—
От профжелдорсоюза за печатание	25	—

От лотереи	11	—
Получено в долг	500	—
Итого	1215	21

Дефицит, принимая во внимание долг в 500 рублей, равняется 505 рублей 19 копеек.

Московский Комитет Российской Социал-Демократической Партии.

г) Отчет [1]).

	Кол. экз.
1. Народу от народных представителей	40.000
2. Манифест к российским крестьянам	40.000
3. Примерный приговор для отказа от рекрутчины	40.000
4. Ко всему народу (воззв. всех орг.)	40.000
5. К крестьянам	30.000
6. Ко всем рабочим (по поводу выборов в Думу)	24.000
7. Ко всем рабочим	30.000
8. К обществу	6.000
9. Военно-полевая конституция	20.000
10. Ко всем рабочим (о профсоюзах)	30.000
11. Товарищи и граждане (плакат)	94.000
12. Голос железнодорожника	7.000
13. Товарищи рабочие	20.000
14. Тов. и граждане (о воор. восст.)	30.000
15. Тов. и граждане (за кого голосовать след.)	30.000
16. Аграрная программа	20.000
17. Чего хотят русские люди	30.000
18. Товарищи рабочие (Учред. Собр.)	30.000
19. Тов. и граждане	20.000
20. Тов. железнодорожники	10.000
21. О законе 15 ноября	20.000
22. Письмо солдата к солдатам	5.000
23. Товарищи и граждане (обращ. к прол.)	30.000
24. Избирательная платформа	20.000
25. Отчет М. К. за ноябрь	2.000
26. Товарищи и рабочие	10.000
27. К солдатам	5.000
28. Товарищи крестьяне	30.000
29. Заявление и протест 14 выб.	30.000
30. Товарищи рабочие	30.000
31. Отчет М. К. за декабрь	5.000
32. Отчет М. К. о сборе в пользу лодзинских рабочих	10.000
33. Наказ соц.-демократ. фракции	24.000
34. Листок железнодорожного союза	8.000

[1]) Написан от руки карандашем.

35.	Проект резолюций к V с'езду	5.000
36.	Русские солдаты и финляндцы	100.500
37.	Капитал наступает	25.000
38.	Локаут в Лодзи	35.000
39.	Черносотенный поход на рабочих	21.000
40.	Проект обращения соц.-демокр. фракции	2.000
41.	Чего ждать от Думы	24.000
42.	Голод	27.000
43.	Первое мая	35.000

д) Примерный приговор для отказа от рекрутчины [1]).

Мы, крестьяне такой то волости, уезда, губернии, села (деревни), собравшись на сход такого то числа, имели суждение о рекрутском наборе настоящего года и постановили:

Царское правительство призывает в этом году наших сыновей и братьев против нас же самих, чтобы их руками проливать нашу кровь.

Царское правительство разорило весь народ, всю Россию, довело до полного разорения и не хочет народу дать ни земли, ни воли.

Царское правительство разогнало созванную им Государственную Думу и не позволило нашим депутатам провести закон об отобрании в пользу крестьян всех земель; а депутатов от рабочих и крестьян оно подвергает всяким гонениям. Таким образом, мы, крестьяне, вынуждены об'явить царскому правительству решительную войну. Поэтому мы решаем не давать правительству ни одного рекрута; мы отказываемся давать своих братьев и сыновей на службу нашим врагам; мы будем их защищать всеми силами и мерами. Мы заклинаем сыновей и братьев наших, которые силою взяты в солдаты, — не идите против народа, переходите на сторону народа, с оружием в руках помогите нам добыть землю и волю,—добиться Учредительного Собрания. Тем же из солдат нашего села, которые будут участвовать в усмирении народа, проливать кровь его, силою отбирать сыновей наших, мы об'являем, что исключим их из нашего общества и отберем их наделы.

Типография Московского Комитета Р. С.-Д. Р. П.

---

[1]) К осени 1906 года, перед рекрутским набором, нашей партией была поднята агитационная кампания под лозунгом: „ни одного солдата преступному царскому правительству!"—*Ц.Б.*

е) Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Первое мая [1]).

1 мая (18 апреля по русскому стилю)—великий день в жизни пролетариата. В этот день рабочие всех стран празднуют свой братский союз, свое международное об'единение 1 мая—рабочий праздник, наш праздник. Тернистый путь пришлось пройти рабочим каждой страны, прежде чем они, спаянные общностью борьбы с своими врагами, об'единились в одну большую крепкую политическую партию, рабочую партию. Труден был первый шаг к тому, чтобы рабочие разных стран пришли к сознанию, что у всех у них один общий враг—царь-капитал. Повсюду на всем земном шаре рабочие чувствуют на себе его жестокую власть; куда бы ни попал рабочий, если бы даже он прошел весь мир из края в край, везде он встретит господство капитала, его необузданную алчность, его бессердечную эксплоатацию, ужасы нищеты, отчаяние безработицы; везде увидит рабочий, что все зло жизни взваливает капитал на его плечи: тяжесть налогов, гнет военщины, полицейские рогатки на пути к свободе, к счастью. Капитал всего мира об'единен в огромную силу и давит рабочий люд в тисках многострадальной зависимости и политического гнета, и поняли рабочие, что они должны противопоставить международному вампиру силу своего всемирного союза. Великий учитель рабочего класса, Карл Маркс со своими товарищами, первый пытался об'единить рабочих всего мира в одно международное товарищество, еще 33 года тому назад. В 1889 году на международном социалистическом с'езде в Париже был, наконец, осуществлен великий завет «Пролетарии всех стран, соединяйтесь»! и была положена прочная основа международному об'единению рабочего класса. В ознаменование этого об'единения было решено ежегодно праздновать день 1 мая. В свободных странах рабочие организации об'являют в этот день всеобщую забастовку, устраивают торжественные шествия с красными знаменами, многолюдные митинги. 1 мая они как бы делают смотр своим силам, подводят итог своим поражениям и победам и определяют ближайшие задачи борьбы. Все очередные вопросы в жизни рабочей партии отражаются в праздновании 1 мая. Главнейшие требования красуются на знаменах, обсуждаются в речах ораторов в этот день: 8-ми часовой рабочий день, всеобщее избирательное право, уничтожение постоянной армии и замена ее народной милицией. Но самое важное значение всемирного праздника труда состоит в том, что

---

[1]) Эта прокламация была последняя, которая печаталась в типографии в д. Юрасова.

он знаменует международное братство рабочих, то, что у них общий враг, общие средства борьбы и общая цель. Эта цель овладеть государственной властью, превратить все средства и орудия производства, все земли и капиталы в общественную собственность, уничтожить существующий гнусный порядок вещей, основанный на эксплоатации и заменить его социализмом, когда не будет более никаких классов, все будут одинаково трудиться и наслаждаться, не будет нищеты, господства и рабства. Рабочие никогда не должны забывать этой высокой цели; всякий мелкий успех повседневной борьбы, повышение платы или иное улучшение условий жизни должны быть только ступенью, приближающей к этому идеалу. Только тогда, когда он будет наконец осуществлен, прекратится эксплоатация и все связанные с ней бедствия человечества. 1 мая—праздник социализма. Это чувствуют все: и рабочие, полные глубокой веры в торжество своего дела, и капиталисты, с бешеной злобой требующие у правительства кровавой расправы над своими рабами. Не в одной только России рабочий класс встречает помеху в праздновании 1 мая. В самых передовых странах бывают случаи, когда по приказу буржуазных министров солдаты открывают стрельбу по безоружным рабочим на майской демонстрации. Как передают газеты, в некоторых городах Германии капиталисты недавно заявили своим рабочим, что об'явят расчет всем принявшим участие в социалистическом празднике. Капитал бьет рублем там, где стальная щетина деспотизма недостаточно, по его мнению, ограждает его интересы. Для нас, русских рабочих, празднование 1 мая особенно важно. Русская рабочая партия одна из последних вошла в международную социалистическую семью, но уже заняла в ней почетное место после тех героических битв, которые она выдержала в последние два года. Для нее очень важно путем открытой демонстрации или многолюдных собраний произвести публичный учет своих сил. Этими собраниями необходимо также воспользоваться и для того, чтобы протестовать против безработицы, этого горчайшего зла нашей жизни, которое может исчезнуть только с наступлением царства социализма. Не малому числу наших товарищей пришлось испытать на себе тяжкие бедствия этого зла. Но все же наша партия может гордиться шагами борьбы минувшего года. Явное усиление ее организованности, рост профессиональных союзов, удачно произведенные забастовки, борьба с локаутами и другими подлыми приемами союзов капиталистов и наконец, огромный рост политического самосознания русских рабочих, выразившиеся в единодушном и повсеместном проведении социаль-демократических выборщиков в рабочей курии на выборах в Государственную Думу,—вот славные итоги нашей борьбы. Эти успехи ручаются за то, что пролетариат попрежнему будет играть первую роль в решении очередной задачи политической жизни нашей страны—в свержении деспотизма, доныне терзающего окро-

вавленную им, ограбленную и опозоренную родину. Пролетариат всего мира с восторженным трепетом ожидает того последнего удара, который должны мы нанести, чтобы избавить мир от кровожадного чудовища. Пусть же день первого мая будет доказательством того, что у нас хватает на это силы и могущества.

Пасмурных буден кинем заботы,
Звук позабудем наших цепей,
Каторгу жизни, тяжесть работы,
Праздник майский встретим дружней!
Время настало—в темной России
Смело рабочий выступил в бой,
С трепетом слышит буржуазия
Моря народного грозный прибой.

Да здравствует первое мая! Да здравствует международный социализм! Да здравствует Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия!

Московский Комитет Р. С.-Д. Р. П.

II. Выписка из дела Московской Судебной Палаты 2 Уголовного Департамента о мещанах Константине Михайлове Новикове и Аветисе Григорьеве Габелове и других, обвин. по I ч. 102 ст. Уг. Ул. от сентября 1907 г.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ

О МЕЩАНАХ КОНСТАНТИНЕ МИХАЙЛОВЕ НОВИКОВЕ И АВЕТИСЕ ГРИГОРЬЕВЕ ГАБЕЛОВЕ И ДРУГИХ.

В 1906 году в Москве, среди преступных сообществ, возникших с целью ниспровержения существующего в России государственного строя, в значительных размерах проявляла свою деятельность местная организация российской социал-демократической рабочей партии. Преступная деятельность этой организации находилась под руководством «Московского Комитета Р. С.-Д. Р. П.», в распоряжении которого для печатания и хранения партийной литературы имелись тайная типография и склад. В целях успешного развития идей партии, привлечения в сообщество новых членов, денежных средств и более планомерного распределения партийной литературы были намечены районы, носившие название: Центральный, Замоскворецкий, Рогожский, Лефортовский, Бутырский, Сокольничий, Железнодорожный, Военной Организации, Профессиональных Союзов, Областной и др. Каждый район находился в ведении лица, состоявшего «ответственных районным организатором»,

и имел свой склад для хранения партийных изданий, получаемых из главного склада Комитета.

В апреле 1907 года местная организация Р. С.-Д. Р. П., с целью подготовить празднование всеми рабочими дня 1 мая, распространила в большом количестве отпечатанные в типографии «Московского Комитета Р. С.-Д. Р. П.» прокламации, озаглавленные «Первое Мая». . . . . .

16-го апреля стоявший на Сретенке сторож Василий Калыгин задержал проходившую со свертком бумаг молодую девушку. По доставлении в полицейский участок она назвалась дочерью статского советника Юлией Михайловной Голубковой. В находившемся при ней свертке обнаружены были 1802 экземпляра прокламации «Первое Мая», издания «Московского Комитета Р. С.-Д. Р. П.», напечатанной по 2 экземпляра на листе. При осмотре на предварительном следствии найденных у Голубковой изданий оказалось, что в прокламации «Первое Мая», начинающейся словами: «Первого мая (18 апреля по русскому стилю)—великий день в жизни пролетариата», сперва излагается история возникновения празднования рабочими 1 мая и общее значение этого празднования, при чем указывается, что «самое важное значение всемирного праздника труда» состоит в том, что он знаменует международное братство рабочих и указывает, что «у них общий враг и общая цель— овладеть государственной властью, превратить все средства и орудия производства, все земли и капиталы в общественную собственность, уничтожить существующий гнусный порядок вещей и заменить его социализмом, когда не будет более никаких классов». Далее в прокламации выясняется значение празднования 1 мая в России и излагаются результаты деятельности «Р. С.-Д. Р. П.». Прокламация заканчивается словами: «Да здравствует Первое Мая». «Да здравствует международный социализм». «Да здравствует Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия».

Кроме означенной прокламации, у Голубковой оказалось 8 напечатанных на 1 листе прокламаций, озаглавленных «О земле», издания «Московского Окружного Комитета Р. С.-Д. Р. П.» и 7 экземпляров № 7 нелегальной газеты «Вперед», от 14-го января 1907 года, органа «Московского, Петербургского, Московско-Окружного, Курского и Пермского Комитетов Р. С.-Д. Р. П.». В прокламации «О земле» указывается, что одно из основных требований Российской Социал-Демократической Рабочей Партии—«крестьянам—вся земля без выкупа» привлекает к борьбе все большие и большие массы крестьянства, что между крестьянами, домогающимися «земли и воли», и землей «глухой стеной стоит царское правительство и кровавой рукой загораживает дорогу к земле и воле» и излагая далее, что «власть царского правительства—это есть власть крупных помещиков», и что «пока не будет сломлено царское правительство, не будет расчищена дорога для борьбы за со-

КОНСТАНТИН НОВИКОВ.

Примитивный станэк.

циализм», прокламация приглашает крестьян и рабочих «готовиться к совместной борьбе и, когда настанет время, ударить в царское самодержавие с кличем: «Долой царя и помещиков».

Вскоре после задержания Голубковой была обнаружена тайная типография «Московского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии», помещавшаяся в доме Юрасова, по внешнему проезду Рождественского бульвара. Наблюдением за этим домом было установлено, что 27 того же апреля, утром, из помещавшейся в названном доме торговой лавки, на вывеске которой значилось: «Торговля восточными сухими фруктами и разными консервами», какой-то молодой человек вынес 4 тяжелых корзины и, положив их на нанятого им легкового извозчика, повез корзины в дом Котова, по М. Харитоньевскому переулку.

В тот же день в эту лавку, нанятую, как оказалось, лицом, именовавшим себя тифлисским мещанином Георгием Дмитриевым Ласулидзе, прибыл для производства обыска жандармский офицер Кулинский. В переднем помещении лавки, где на полу и около стойки было расставлено несколько мешков с орехами и рисом, несколько ящиков с разными сортами сухих фруктов, а на полках—жестянки и стеклянные банки с консервами, был застигнут молодой человек, назвавшийся Константином Михайловым Новиковым и отказавшийся от дальнейших об'яснений.

При обыске в подвальном помещении и под лавкой обнаружена была вполне исправная и годная для печатания типографская машина новой американской системы, 5 типографских касс со шрифтом, 5 деревянных ящиков также со шрифтом, 2 ящика с различными типографскими принадлежностями, 4 стальных верстатки, бывшие в употреблении, 25 металлических досок для набора шрифта, 10 валиков для растирания красок, 8 коробок с типографской краской, и 30 таких же пустых коробок, мраморная доска, несколько валиков, бывших в употреблении, деревянный вал для ручного станка, 2 куска рельс для установки на них рамы от типографского станка; такая же деревянная рама размером около квадратного аршина со стеклянной доской, прикрытой холщевой крышкой, 21 гранка набранного шрифта, при чем 9 из них на металлических досках; всего шрифта оказалось до 18 пудов; на столе и около стены были сложены в отдельные кипы листы белой и красной бумаги, частью разрезанной и приготовленной для печатания; одна из 5 корзин, стоявших на полу, заваленном ящиками и обрезками белой и красной бумаги, была наполнена экземплярами прокламации, озаглавленной «Проект обращения к социал-демократической фракции Государственной Думы»; у задней стены подвала в ящике оказались сложенными прокламации различных названий, весом около 2 пудов; в ящике же типографской машины найдены были 2 мешка бумаги с текстом прокламации «Товарищи, помните 1 Мая», написанным карандашом; несколько печатных экземпля-

ров этой прокламации оказались в лежавшей на полу бумаге, где, кроме того, найдены были печатный устав партии социалистов-революционеров, несколько №№ нелегальной газеты «Пролетарий», рукописный отчет в денежных суммах за май месяц, при чем подведен итог—5.818 рублей 74 коп.; несколько пачек прокламаций «Капитал наступает», «Чего ждать от Думы», «Военно-полевая конституция», «Воззвания Социал-Демократической Партии», приглашающие голосовать на выборах в Государственную Думу за членов партии, отпечатанные, как означено на них, в типографии «Московского Комитета Р. С.-Д. Р. П.». При раскопке земли в подвале были обнаружены 6 отлитых стереотипов с текстом прокламации «Ко всему народу», 76 патронов к винтовке Винчестера, 7 пустых обойм к револьверам «Браунинг» и «Маузер» и другие принадлежности к револьверу «Браунинг».

Помещение лавки и подвала со всем обнаруженным в них было опечатано и сдано под охрану местной полиции.

При осмотре судебным следователем помещения лавки Ласулидзе, в ней, кроме указанных выше предметов, оказались: платежное свидетельство Московского Городского Управления на имя Георгия Дмитриева Ласулидзе, коробка со штампом: «Торговля восточными фруктами и разными консервами Г. Д. Ласулидзе. Сретенка, Рождественский проезд, д. Юрасова в Москве» и другие бумаги, из коих видно, что в лавке Ласулидзе производилась торговля товаром, закупаемом у московских фирм Прохорова и других, приходо-расходная книга, из записей которой усматривается, что торговля была очень небольшая. В числе этих записей, касающихся торговых дел, оказались следующие: «7-го апреля—вывозка товара—60 копеек», «10-го апреля—за Новым—49 коп.», «14-го апреля—корзины и привозка—1 р. 20 коп.» и «3-го апреля—краска, корзины и перевозка—4 р. 28 коп.». Кроме того, найдены были 2 листа бумаги с записями карандашем, озаглавленными: «Отчет», заключайщий перечень 43 различных названий прокламаций с указаниями отпечатанного количества экземпляров каждого из этих изданий, достигающего 1.033.500 экземпляров. Записи эти сделаны двумя различными почерками.

Затем, при дальнейшем осмотре в том же помещении, было обнаружено 13 тысяч отдельных экземпляров, поименованных в указанном отчете разных изданий «Московского Комитета Р. С.-Д. Р. П.». В числе этих изданий, отпечатанных в типографии означенного Комитета, оказались: 1) Несколько экземпляров «Постановлений и резолюций Об'единительного С'езда Р. С.-Д. Р. П.». Это издание заключает в себе изложение принятой на Об'единительном С'езде партии аграрной программы и ряд постановлений с'езда по вопросам: «Об отношении партии к Государственной Думе», «О вооруженном восстании», «О партизанских действиях», «Об отношении к крестьянскому движению», «О профессиональных

союзах», «Об условиях слияния С.-Д. П. и Л. с Р. С.-Д. Р. П.», «Об отношениях к буржуазных партиям», в конце же помещен «Организационный Устав» партии. В отделе об отношении к Государственной Думе говорится, что партия считает необходимым, стремиться расширить все конфликты, возникающие между правительством и Думой», с целью воспользоваться ими, как «исходной точкой широких массовых движений, направленных к ниспровержению современного политического порядка»; по вопросу же о вооруженном восстании С'езд, указывая на то, что «революционная борьба, выдвигая непосредственно задачи вырвать государственную власть из рук самодержавно-крепостнического правительства, уже ставила и еще поставит народ перед необходимостью вооруженного восстания», и что успех восстания может быть при дезорганизации войска или при переходе части его на сторону восставших и при условиях «вовлечения широких слоев населения в активную борьбу с правительством», признает, «что основной задачей партии в настоящий момент является развитие революции путем расширения и усиления агитационной деятельности в широких слоях пролетариата, крестьянства, мелкой буржуазии и среди войск и вовлечения их в активную борьбу с правительством постоянным вмешательством С.-Д. и руководимого ею пролетариата во все проявления политической жизни страны»; что, выполняя эту задачу, партия подготовляет «победу восстания, приводя массу населения к созданию невозможности всякого соглашения с царем и правительством, и необходимости вооруженной силой добиться осуществления своих политических требований»; что в задачи партии входит «содействие самовооружению населения, организация и вооружение «боевых дружин», способных внести «инициативу и планомерность в повстанческую борьбу», и что для успешности вооружения и согласованности действий повстанцев комитеты партии должны вступать в боевые соглашения с другими революциоными и оппозиционными организациями; далее указывается, что необходимо «усилить и систематизировать пропагандистскую и организационную деятельность в войске и военно-учебных заведениях и что «несвоевременные военные вспышки ведут лишь к бесполезной растрате революционной энергии»; обсуждая вопрос о партизанских действиях и воспрещая выступление отдельных лиц партии «с целью захвата денег под именем с.-д. партии», с'езд высказывается, что «оружие и боевые снаряды, принадлежащие правительству, надлежит захватывать при всех к тому возможностях»; рассматривая отношение партии к крестьянскому движению, с'езд между прочим постановил: «обострять столкновения крестьянства с правительством и помещиками, доводя крестьянство до сознания, что его земельные и политические требования могут быть удовлетворены только всенародным Учредительным Собранием» и что «вооруженное восстание является единственным средством добиться

созыва Учредительного Собрания»; 2) 2718 экземпляров прокламации, озаглавленной «Проект обращения к социал-демократической фракции Государственной Думы», излагающей взгляды «Московской общегородской конференции Р. С.-Д. Р. П.» на смысл и задачи деятельности социал-демократической рабочей фракции в Государственной Думе, которая должна быть направлена к тому, чтобы «раскрыть широким массам пролетариата тщетность надежд на Думу» и «неизбежность вне-думской борьбы с самодержавным правительством... за переход всей власти и всей земли в руки народа... и выдвинуть борьбу за Учредительное Собрание, как единственный метод действительной победы народа»; заканчивается эта прокламация словами: «Да здравствует Учредительное Собрание. Да здравствует революционный пролетариат. Да здравствует Р. С.-Д. Р. П.»; 3) 5704 экземпляра прокламации, представляющей отдельные выпуски «Аграрной программы, принятой на об'единительном с'езде Р. С.-Д. Р. П. в 1906 году»; в ней излагаются требования «отмены всех платежей и повинностей, связанных с сословной обособленностью крестьян», и указывается, что «Р. С.-Д. Р. П.», поддерживая революционное выступление крестьянства вплоть до конфискации помещичьих земель..., будет указывать на необходимость полного социалистического переворота», как средства уничтожить нищету и эксплоатацию; 4) 243 экземпляра воззвания «К крестьянам», в котором с предвзятой точки зрения рассматривается земельное отношение крестьян к помещикам, обсуждается деятельность крестьянского банка по продаже земли крестьянам и предлагается последним «препятствовать крестьянскому банку, не вносить никаких податей, никаких платежей» и «не давать рекрутов правительству»; 5) 153 экземпляра воззвания «Товарищи рабочие и граждане», призывающего «готовиться к вооруженному восстанию», «разделаться и свергнуть правительство» и «на место его поставить свое народное Временное Революционное Правительство», которое «созовет полновластное Учредительное Собрание»; 6) 36 экземпляров, с воззванием «Товарищи, помните Первое Мая», с призывом от Московского Комитета Р. С.-Д. Р. П. ко всем московским рабочим бастовать 1 мая и с попутным изложением основных начал программы социал-демократической партии: «восьмичасовой рабочий день, четырехчленная избирательная платформа и роспуск регулярной армии»; 7) 26 экземпляров воззвания «Товарищи рабочие», начинающегося словами: «Долой монархию. Да здравствует демократическая республика». Это воззвание излагает политическую и экономическую программу социал-демократической партии и, кроме того, в нем встречаются выражения, оскорбительные для особы царствующего императора, так, например, говорится, что государь «необразованный, неумный офицерик, с шишкой на голове от японской палки», и что сказанные им речи—

«смешные, жалкие детские речи, под стать любому Иванушке-дурачку»; 8) 3 экземпляра воззвания «Ко всему народу», на одном из коих имеется пометка «40.000 экземпляров»; воззвание заключает в себе призыв «не давать царскому правительству ни одного рекрута», «составлять о том приговоры», «всеми силами защищаться против правительственных слуг», на карательные отряды отвечать войной, которая, «перекидываясь из села в село, из волости в волость, из уезда в уезд, охватит всю Россию пожаром открытого восстания... всероссийского всенародного восстания»; 9) 25 экземпляров воззвания «Ко всем рабочим», начинающегося словами: «Товарищи рабочие, не сегодня-завтра появится царский указ о назначении новых выборов в Государственную Думу»; в воззвании этом заключается обращенный к рабочим призыв принять самое широкое участие в выборах в Государственную Думу, развить самую широкую агитацию за программу Р. С.-Д. Р. П. и «поддерживать социал-демократических кандидатов», которые «воспользуются Думой, как трибуной, с которой на всю страну прозвучат пролетарская программа и «лозунги»—«созыв Учредительного Собрания революционным путем»; воззвание заканчивается словами: «Да здравствует Р. С.-Д. Р. П. Да здравствует полновластное Всенародное Учредительное Собрание, созванное революционным путем»; и 10) прокламация под заглавием «Письмо солдата к солдатам», издания Московской военной организации Р. С.-Д. Р. П. в восьми экземплярах. Прокламация эта, возбуждая солдат к нарушению их воинских обязанностей и к неповиновению своему начальству, призывает их «биться вместе с народом за созвание народных представителей», которые «учредят законы новые», и указывает им на то, что «лишь восстание народное победит врага заклятого», созовет «Учредительное Собрание».

И, кроме того, еще много других, как-то: «Чего ждать от Думы» в 800 экземплярах, «Военно-полевая конституция» в 425 экземплярах, «Капитал наступает» в 570 экземплярах, «Товарищи железнодорожники» в 2777 экз., «Товарищи и граждане» в 13 экз., «Ко всем рабочим», начинающаяся словами: «Сегодня годовщина первой победы российского пролетариата над его исконным врагом — русским самодержавием» в 53 экз., «Товарищи крестьяне» в 28 экз., «Товарищи рабочие», кончающаяся словами «да здравствует всенародное Учредительное Собрание», в 20 экз., «Манифест ко всему российскому крестьянству», «Народу от народных представителей» и «Примерный приговор для отказа от рекрутчины» в 3 экз. каждая, отпечатанные на трех неразрезанных листах с пометкой карандашем на одном листе: «По 40 тысяч экз.»; воззвание «Товарищи, помните первое мая» с призывом к забастовке в этот день и брошюра «Проект резолюций к пятому с'езду Р. С.-Д. Р. П. о текущем моменте» в 140 экз., «Ко всему народу» и пр. Все эти издания по содержа-

нию своему вполне соответствуют политической, экономической и тактической задачам «Российской Социал-Демократической Рабочей Партии»; в них заключается призыв к вооруженному восстанию с целью ниспровержения существующего в России государственного и общественного строя и созыва всенародного Учредительного Собрания для установления демократической республики, к неплатежу податей, неисполнению воинской и других повинностей и к забастовкам рабочих. Остальные, оказавшиеся в лавке Ласулидзе, издания, как-то: воззвание «Товарищи и граждане. Приближается время выборов» в 396 экз., «За кого должны голосовать на выборах служащие в торговых учреждениях» в 39 экз., «Граждане, голосуйте за представителей революционной борьбы» в 232 экз., «Граждане, выбирайте не кадетов, а социал-демократов» в 99 экз., «Чего хотят истинно-русские люди» в 60 экз., «Черносотенные партии» и «Партия мирного ограбления» в 5 экз. каждая, «Список наборщиков», предложенный Р. С.-Д. Р. П. и другими крайними партиями в 16 экз., один экземпляр «Избирательной платформы Р. С.-Д. Р. П.» и другие, как видно из содержания их, касаются предвыборной деятельности Социал-Демократической Рабочей Партии, направленной к осуществлению указанной выше партийной программы.

По снятии оттисков с каждого набора транок и с 6 стереотипов, найденных в помещении магазина Ласулидзе, были получены тексты упомянутых выше прокламаций «Ко всему народу», воззвания «Товарищи, помните 1 мая», призывающего рабочих к забастовке, «Список выборщиков по городским участкам Москвы», предложенный Р. С.-Д. Р. П. и другими крайними партиями, а также отрывки текста прокламаций: «Голод», «Товарищи и граждане, приближается время выборов», «Чего хотят истинно-русские люди» и брошюры «Проекты резолюции к 5-му с'езду Р. С.-Д. Р. П.».

На основании данных осмотра помещения лавки Ласулидзе в доме Юрасова эксперт Андрей Арсентьев высказал заключение, что подвал лавки Ласулидзе представлял собой хорошо оборудованную типографию, а найденный в нем станок—типографскую машину усовершенствованной американской системы, позволяющей одному человеку в течение 10 часов отпечатать на ней до 4000 листов, что количество оказавшегося там шрифта давало возможность одновременно составлять несколько наборов прокламаций, подобных найденным, и что оказавшиеся в помещении лавки Ласулидзе издания отпечатаны в обнаруженной там типографии, и что во время работы типографская машина должна была производить шум.

Показаниями допрошенных на предварительном следствии свидетелей Якова Козлова, служащего в доме Юрасова дворником, и Эдуарда Швельнуса установлено, что еще в сентябре 1906 года

АВАТИС ГАБЕЛОВ.

два незнакомых Козлову лица обратились к нему с просьбой показать отдававшееся в наем помещение, где впоследствии была обнаружена тайная типография «Московского Комитета Р. С.-Д. Р. П.». Найдя таковое подходящим для себя, они, по указанию Козлова, обратились к Эдуарду Швельнусу для переговоров о найме этого помещения под торговлю фруктами, а 7-го того же сентября Швельнус с одним из этих лиц, назвавшимся тифлисским мещанином Георгием Дмитриевым Ласулидзе, заключил арендный договор, сроком по 1 января 1908 года, получив плату—120 рублей вперед за три месяца. В нанятое помещение Ласулидзе перевез какие-то тяжелые ящики и открыл торговлю восточными сухими фруктами и консервами. В лавке вскоре появилось новое лицо—приказчик, который первое время ночевал в помещении лавки и был отмечен в домовой книге по паспорту, значившемуся выданным ряжским мещанским старостой от 26 декабря 1905 года, на имя мещанина Петра Васильева Ланьшева и оказавшемуся впоследствии подложным. Спустя два месяца, этот приказчик уехал, а вскоре перестал появляться в лавке и тот молодой человек, который приходил вместе с Ласулидзе осматривать помещение. Через некоторое время, несмотря на то, что торговля была незначительной, в лавке появился новый приказчик Константин Михайлов Новиков. Он, на расспросы дворника Козлова, между прочим, рассказал ему, что у хозяев, где-то на Покровке, помещается главный склад товаров и что в доме Юрасова лишь небольшое отделение. Торговля производилась в лавке с 9 часов утра и до 7—8 часов вечера, при чем во все время дверь из лавки, выходящая во двор, была постоянно заперта. В начале великого поста 1907 года в лавке стал появляться молодой человек—брюнет, высокого роста, о котором тот же Новиков говорил Козлову, что это «главный доверенный» хозяев.

В день обыска в доме Юрасова, незадолго до прибытия полиции, в лавку приходил Ласулидзе вместе с «доверенным»; в тот же день этот последний был арестован на Сретенке городовым Истоминым по указанию агентов охранного отделения. Задержанный назвался мещанином города Телава, Тифлисской губернии, Аветисом Григорьевым Габеловым.

По пред'явлении его дворнику Козлову и Эдуарду Швельнусу они опознали в нем того человека, который часто приходил в лавку Ласулидзе и являлся, по словам Константина Новикова, «главным доверенным».

Кроме того, по заключению эксперта Симонова, означенные выше записи на последних страницах приходо-расходной книги по лавке Ласулидзе учинены преимущественно рукой Габелова, но среди них встречаются также сделанные Новиковым.

Будучи допрошены в качестве обвиняемых, мещане Константин Михайлов Новиков и Аветис Григорьев Габелов не признали

себя виновными в участии в сообществе, составившемся для ниспровержения государственного и общественного строя в России, при чем Новиков рассказал, что он поступил к Ласулидзе приказчиком за три недели до своего ареста при посредстве знакомого, фамилию которого и местожительство назвать отказался, равно как не пожелал сказать, сколько получал от Ласулидзе жалования и указать свое местожительство; о существовании тайной типографии ему стало известно после поступления к Ласулидзе; замечая, что в лавку приходят какие-то люди, которые спускались в подвал и выходили оттуда со свертками бумаг, он догадывался, что в подвале устроена тайная типография, но решил «не мешаться в это дело»; о личности Ласулидзе Новиков не мог дать никаких об'яснений; в свою очередь Габелов показал, что он в конце 1906 года был выслан административным порядком с родины в город Вельск, Вологодской губернии, откуда бежал и, прибыв 16 марта в Москву, проживал по паспорту на имя Архипа Сванидзе, в доме Бородина, по Головину переулку; разыскивая занятий, он обратился к Ласулидзе, как своему земляку, и поступил приказчиком к нему в лавку; являясь на службу, он замечал, что в подвал приходят какие-то люди, а оттуда доносится шум; на его расспросы по этому поводу Ласулидзе рассказал, что в подвале помещается типография, но кого она обслуживает, ему известно не было; торговля в лавке шла плохо, и дневная выручка колебалась от 4 до 6 рублей; о личности же Ласулидзе Габелов также не дал никаких об'яснений. Вместе с тем Габелов добавил, что хотя настоящее имя его—Аветис, но его обыкновенно везде и с самого детства звали Артемом.

По указанному Габеловым адресу в доме Бородина, по Головину переулку, был произведен обыск в комнате, где, по заявлению квартирной хозяйки Евгении Гертнер, проживал назвавшийся Архипом Исидоровым Сванидзе—Аветис Габелов. Среди разных бумаг Габелова были найдены: 1) подложный паспорт, значившийся выданным из Тифлисской мещанской управы на имя мещанина Николая Петрова Цицинадзе 27 февраля 1907 г., сроком на один год, при чем на обороте паспорта имеются отметки о прописке его 16 марта того же года в Дворцовом участке г. Киева, а 3 апреля того же года в Петровско-Разумовском участке г. Москвы; 2) 4 разорванных счета с рукописным текстом, представляющим отчет прихода и расхода денежных сумм по кассе в течение апреля 1907 года со следующими записями: «апрель 1907 года» «Приход», «от нового», «в кассе было 11 к.» «от А—3 р.», «Вас.—6 р.», «продажи брош.—10 р. 23 к., итого 19 р. 34 коп.», «Расход с 5/IV по 17 включ.—12,34», «перевозка—60 коп., бумага—60 к.», «свечи—28 к.», «перев. краски, корзин.—4 р. 28 к.», «раз'езды—10», «масса—5 р. 10 к.» и др.; 3) письма на русском языке, начинающиеся словами: «Здравствуй, брат Артем» и «Дорогой Артем»;

в одном из них автор, подписавшийся «Твой друг Самуил», просит уведомить, «что известно из Вельска» и, жалуясь, что «нет никакой социал-демократической литературы», просит «прислать нечто вроде «Откликов» и других меньшевистских периодических изданий; и письма на грузинском языке, при чем в последних встречаются следующие фразы: «уведомь, кто прислал извещение относительно товарища, который отправляется для обозрения Кавказа. Большевик или меньшевик—это все равно. Между прочим, здесь у них, у меньшевиков, почва уходит из-под ног и переходит к нам»; и, наконец, квитанция от 13 марта 1907 года, выданная управляющим домом Е. Г. Оловянишниковой—Н. Гринчаром в получении от Петрова 17 руб. за наем подвала № 1, в доме Оловянишникова по Покровскому проезду за 1 месяц с 10 марта по 10 апреля того же года.

Ввиду этого в доме Оловяшниковой был произведен полицией обыск, при чем в подвале, арендуемом «Петровым», были найдены две кипы бумаги для печатания, весом около 10 пудов, заделанные сверху и снизу досками, небольшая корзина из дранок, а в ней 3200 листов с воззванием «Московского Комитета Р. С.-Д. Р. П.»—«Ко всем рабочим», отпечатанным в двух экземплярах на каждом листе в типографии названного Комитета. Это воззвание тождественно с воззванием того же наименования, найденным в тайной типографии, устроенной в лавке Ласулидзе. Кроме того, в двух ящиках оказались печатные издания «Об'единительного Центрального Комитета Р. С.-Д. Р. П.», а именно: 1) 9600 экземпляров «Программы Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, принятой на втором с'езде партии», в коей говорится, что Р. С.-Д. Р. П. ставит своей ближайшей задачей «низвержение царского самодержавия и замену его демократической республикой» и что осуществление намеченных программой политических и социальных преобразований «достижимо лишь путем низвержения самодержавия и созыва Учредительного Собрания»; 2) 2200 экземпляров воззвания «К партии» по поводу созыва об'единительного с'езда партии. В этом воззвании указывается состав предстоящего с'езда, правила выборов делегатов, порядок дня с'езда, при чем обсуждению на с'езде подлежат вопросы: «Пересмотр аграрной программы», «Вопрос о тактике по отношению к выборам в Государственную Думу» и «Об отношении к самой Думе», «Вооруженное восстание», «Временное Революционное Правительство» и «Революционное самоуправление», «Отношение к Совету Рабочих Депутатов», «Профессиональные союзы», «Отношение к крестьянскому движению», «Отношение к различным не социал-демократическим партиям и организациям» и «Отношение к требованию особого Учредительного Собрания для Польши»; в конце этого воззвания «Об'единительный Центральный Комитет» предлагает «всем партийным организациям и активным товари-

щам доставлять ему подготовительные резолюции и доклады по вопросам порядка дня об'единительного се'зда, которые будут печататься в «Партийных Известиях» и, наконец, 3) 5300 экземпляров № 1 газеты «Партийные Известия» от 7 февраля 1906 г., а также несколько досок от упаковки типографской бумаги и куль грецких орехов.

Допрошенный в качестве свидетеля управляющий домом Оловянишниковой Николай Гринчар показал, что подвал, в котором обнаружены помянутые нелегальные издания, он сдал в аренду неизвестному ему лицу, назвавшемуся Алексеем Петровичем Петровым, под склад магазина мебели; в складе этом сначала была помещена мебель и мешки с орехами и рисом, но ко времени обыска мебель и часть товара постепенно была вывезена. Арендную плату вносили от имени Петрова разные лица, называвшиеся его артельщиками, и в последнее время, раза три или четыре, деньги приносил ему высокий черный молодой человек, также называвшийся артельщиком Петрова. По пред'явлении свидетелю Аветиса Габелова, он признал в последнем упомянутого молодого человека.

Кроме того, по заключению эксперта Симонова, записи на помянутых выше разорванных счетах сделаны также рукою Габелова.

При розысках местонахождения Георгия Ласулидзе на предварительном следствии были получены сведения, что в числе мещан города Тифлиса не значится вовсе Георгия Дмитриева Ласулидзе, личность которого осталась не обнаруженной, равно как и личность проживавшего в лавке Ласулидзе в качестве приказчика по паспорту на имя Петра Васильева Ланышева.

Того же 27 апреля одновременно с обыском в лавке Ласулидзе был произведен помощником пристава Струковым обыск и в доме Котова, по М. Харитоньевскому переулку, куда, как сказано выше, из лавки-типографии Ласулидзе были доставлены каким-то молодым человеком 4 тяжелых корзины. Войдя в квартиру купца Монуса Цыпкина, Струков застал там в комнате, занимаемой дочерью квартирохозяина Идой Монусовой Цыпкиной, студента московского инженерного училища Анатолия Парамонова Королева, дочь азовского купца Евдокию Евдокимову Котелевец, дочь крестьянина Надежду Алексееву Кривенко, первоначально не пожелавшую открыть свое звание, и Иду Цыпкину. Эти лица раскладывали на полу в отдельные пачки прокламации, вынимая их из большого свертка, в котором оказались воззвания «Московского Комитета Р. С.-Д. Р. П.», отпечатанные в типографии этого комитета и начинающиеся словами: «Товарищи, помните первое мая». В комнате, кроме того, поставлена была на полу корзина из дранок и лежало несколько отдельных свертков из плотной оберточной бумаги с воззваниями, при чем на двух свертках сделаны были карандашем надписи: на одном—«Центр», а на другом—

«Железнодорожн.». Во всех этих свертках оказалось около 15 тысяч экземпляров помянутого воззвания.

Кроме того, по обыску у Анатолия Королева были отобраны следующие документы: 1) Листок бумаги, на котором были сделаны карандашем записи: вверху—«27 апр. 7000 шт. листков», а далее, одно под другим, названия районов: «Цент., Замоск., Ж.-д., Рог., Леф., Бут., Сок., Проф., Окр., П. Х. М., П. Х. Б., В. О., Скл., Обл.» и соответственно этим названиям ряд писем, указывающих на количество распределяемых по означенным районам экземпляров воззваний, при чем сумма этих чисел равняется 7000; кроме того, соответственно упомянутым записям «Рог(ожский)—748», «Леф(ортовский) — 608», «Сок(ольничий)—544», «Окр(ужный)—272» и «П. Х. Б.—204», записано в строку: «Я», «Попов», «Попов», «Евд(окия), Евд(окимовна) Котелевец» и «Елена Серг(еевна Баршева)»; 2) Блокнот с отрывными листками разлинованной бумаги, при чем на первом листке блокнота имеется зачеркнутая карандашем и чернилами запись следующего содержания: «Чего ждать от Г. Д.—20 экз.», «Склад чего жд. от Г. Д.—460 экз.», «Голод»—взято 100», «Нак. взято 100», «взять газ. «Вперед» № 4», «Два красных листка (гол. и чего ждать от Г. Д. по 100 экз.) для областников», «Для меньш. П. Х. о гол. и о дум. по 150 экз. (для крестьян и завод. кот. не хватило)», «В. О.—не давать и склад при разборке в понед.», на втором листке—список лиц под цифрами: «1) Нина Дмит.», «2) Юлия Мих.» (Голубкова), «Нат. Алексеев.», «2) Владимир», «3) Евдок. Евдок.» (Котелевец), «4) Прошин», «5) Нина Петр.», «6) Над. Алексеевна» (Кривенко), «7) Попов — Ида Максим.» (Цыпкин), «Четв.—10—5, суб. 4—8, пон. 10—5»; на 4—5 и 7 листках блокнота находятся записи со сведениями, помещенными в отдельных графах о распределении по районам и лицам воззваний, с указанием времени раздачи, названия прокламаций и количества экземпляров последних; так, вверху 4-го листка значится: «Первое мая. 16 апреля 13250», а далее, под одной горизонтальной чертой, названия означенных выше районов и соответственно им отмечены следующие лица из обозначенных в помянутом списке: «Попов», «Нина Пет.», «Над. Алек.» (Кривенко), «Юлия М.» (Голубкова), и «Евд. Евд.» (Котелевец), а также и Королев; на 5-м листке оказалась запись: «первое мая, 17 апр. 3750»; далее в том же порядке названия районов, ряд чисел, при чем первые пять из них зачеркнуты и соответственно зачеркнутым числам указаны те же лица, а соответственно двум незачеркнутым числам дважды отмечено «Я» и, наконец, на седьмом листке блокнота записано: «21 апреля 2900 шт. К 1 мая красн. плак.» (Красный плакат) и далее в трех графах названия тех же районов, количество экземпляров воззвания, при чем в этой графе соответственно названию областного района означено: «понемногу из всех ок. 100», а также указаны

против названий разных районов следующие лица: «Над. Ал.» (Кривенко), «Попов» и «Евд. Евд.» (Котелевец); 3-й же и 6-й листки блокнота заполнены несколькими адресами и перечеркнуты заметками, касающимися также распространения прокламаций по районам; 3) небольшого размера книжечка с вложенным в нее блокнотом из тонкой папиросной бумаги, на пяти листках которого оказались, между прочим, следующие записи адресов «на явку»: «Попов—Хамовники», Пуговичный переулок, дом Болдырева, кв. 23, спр. тов. Попова» и «Юл. Мих. (Голубкова) Арбат, Спасо-Песковский, дом Левина и кв. спр. Максима» 4) 4 письма: в первом письме, помеченном «№ 1 получ. 4 авг., ответ 17 авг.» и начинающемся словами: «Здравствуй, Володя», автор его, подписавшийся «А. Королев», сообщает вначале о неудачно устроенной Петербургским Комитетом забастовке рабочих, вследствие чего возник раздор между «меньшевиками» и «большевиками» и далее, рассказывая о встрече с товарищем, который «предложил ему работать у с.-д.», говорит: «конечно, работа эта очень хорошее дело, но я отказался, ибо не могу себя считать с.-д. и потому взял другую работу: секретарство по вооруженному восстанию. Хотя эта работа той же самой с.-д., но отрасль вооруженного восстания вполне согласуется с моим представлением о революции», и высказывает предположение, что «работой этой он будет занят дня три в неделю»; второе письмо, начинающееся теми же словами, подписано «Анатол.» и помечено «Мос. 8 сент., пол. 19 сент., ответ 21 сент.», заключает, между прочим, следующую фразу: «кроме революционных дел, я еще усиленно посещаю М. А. Гурскую, где мы читаем книжки», и «воор. восстание вследствие усталости по всему вероятию отдалится». Одна из высших школ вынесла резолюцию, где была фраза: «Революция пришла в упадок»; третье письмо за подписью «Анат.» с пометками «получ. 20 окт., отв. 21 окт.», начинается словами: «Милый Володя» и заключает фразу: «Революционные дела время почти не отнимают, но с будущей недели придется на это уделить не малую толику времени»; и четвертое письмо с пометкой «получ. 19 янв.» и тем же обращением подписано дважды: после текста: «Анатолий» и после приписки: «Королев»; автор в этом письме сообщает, что он состоял во фракции «не как истинный и убежденный с.-д., а как человек, который хотел работать, сочувствуя с.-д.», что «работы было вдоволь, так что я совсем измотался» и рассказывает об исключении из фракции некоего Реута за растрату денег, а также и о том, что «все фракционеры распущены» и что «большевики во фракцию не хотят пропустить никого, так как считают, что интеллигент эс-эром быть не может».

По осмотре этих документов, эксперт высказал заключение, что все они написаны, несомненно, почерком Королева.

По обыску у Иды Цыпкиной в ее письменном столе найдены

были 11 листков бумаги с зашифрованными цифровым шрифтом записями. На одном из этих листков, лежавшем в конверте с надписью «связи 1907 г. январь», имеются следующие записи: «Главный склад», «Склад второй группы для легальной литературы» и «Склад нелегальной литературы», написанные обыкновенной скорописью, и под ними ряд цифр, в виде дробей, представляющий собой зашифрованные слова. По расшифровании их оказалось написанным: под рубрикой «Главный склад»—«Арбат, Серебряный пер., д. Руднева, Зоя Михайловна Машина, от 2 до 3 часов, от Варвары Павловны», под рубрикой «Склад 2-й группы» и т. д.—«Селезневка, Ново-Воротниковский пер., дом 7, кв. 5, второй этаж, Екатерину Павловну из Риги, от 7 до 8 с половиной часов вечера (в отсутствие можно оставлять в комнате»), и под рубрикой «Склад нелегальной литературы»—«Оружейный переулок, дом Ганшина, 8, кв. 15, Варвара Павловна от Якова, от 6 до 8 вечера»; на втором узком листке бумаги, на котором вверху обозначено «квартиры» и далее ряд зашифрованных тем же шифром записей, которые по расшифровании оказались списком шести адресов, при чем среди них обращают внимание следующие: «3-й Самотецкий проезд, дом 4/5—26/5 Холопова, кв. 9, спросить Киппена из Китая. Для явок изредка можно пользоваться под собрания и «Земляной вал, Ст. Басманная, д. 2, Закс, кв. 18, спр. Николая Ивановича от Гаврилы, от 9 до 10 часов утра и от 6 до 7 веч. Можно под собрания»; на остальных 9 листках бумаги среди шифрованных записей, расшифровать которые не представилось возможным, встречаются слова: «Явка секретаря», «Явка ответственного техника», «Адрес помощника секретаря в Обл.», «Ночевка», «для отбивания трафареток», «явка», «штаб», «штаб для Областн.», «пароль другой», «связь с саперами», «связь с Несвижским, Перновским и Сумским полками», «Явка в финансовую комиссию», «вещевой склад», «связи», «Архив Областн.», «Архив с 14 февраля», «Связь с артиллерией», «Связь с жандармами», «С 10 февраля склад Областн.», «Елена, Курский вокзал», «Мастерская», «Адриан», «Адам», «Александр Петров», «В части», «Александр», «Остроградского Ирина для всех пароль» и «Вера».

Среди других бумаг, найденных по обыску у Цыткиной, обращают внимание: 1) Клочок папиросной бумаги, на котором оказались следующие, сделанные карандашем записи: «Хива у Андроньев. д. Мозер, кв. 2, Александра Григорьевича из Самары от Иосифа Иосифовича, резиновый вал», «Средняя Пресня, дом Гвоздевой, кв. Панкратовых, спр. Валю от Тины. Доска», «Дворянский пансион, 7 кл. ученик Осип Шимановский, у него брат ст. Лесного института. За бамбуковой тростью при 7 гимн.» и «Коломенская-Ямская (Зацепа), дом Николаева, спр. дворника Якова. Поместил Николай Кузьмич Гончаров. Мебель с письмом»; на обороте этого листка написано одно слово «техника»; 2) листок разграфленной

карандашом бумаги, содержащей перечень 41 названия прокламаций Р. С.-Д. Р. П. с указанием количества их экземпляров, как-то «О земле 20—2», «Ко всем рабочим (не сегодня, завтра) 250—50—2», «Ко всем рабочим (сегодня годовщина) 50—3» и др., а также названия нелегальных газет: «Казарма», «Наше Дело», «Рабочий Листок», «Борьба», «Вперед», «Солдатская Беседа», «Пролетарий», «Железнодорожник» и «Солдатская Жизнь»; четыре письма, начинающиеся обращением: «Многоуважаемая Ида Максимовна» и заканчивающиеся «С тов. приветом. Максим»; в первом письме автор просит не брать с собой печатных произведений (Парвуса, Мартова, «Дело Жизни») и принести письма в другой раз; во втором письме заключается просьба быть дома, когда два товарища принесут для товарищей; третье письмо следующего содержания. «8-го утром зайдет к вам невеста товарища за моими письмами. Если вас дома не будет, так будьте любезны оставить их для этой девицы. Попросит она письма для Семена»; в последнем же письме автор просит зайти «к невесте Кости... Марии Генриховне», поговорить с ней «о добывании денег из Красного Креста» и принять на себя хлопоты об этом; письмо заканчивается просьбой принести (№ 58—59) шапку и брюки»; 4) два письма за подписью «Рая» на имя Иды Максимовны Цыпкиной; из содержания писем видно, что автор их выходит из партии, «не считая возможным «работать» так, как это делает большинство, т.-е. «бегать с одного собрания на другое без толку» и хочет «работать разумно», а далее, сообщая, что «налаживается дело на... фабрике», рассказывает, что «устраивается на фабрике при посредстве знакомых рабочих и что при поступлении на фабрику задержка обыкновенно бывает в паспорте. Со своим видом, конечно, нельзя жить»; 5) два с половиной листа почтовой бумаги с рукописным текстом, представляющим ряд заметок, изложенных в виде конспекта, по разного рода общественным и партийным вопросам, со ссылками в тексте на нелегальные газеты «Волна» и «Невская Газета»; между прочим, в заметке «О задачах текущего момента» говорится, что «пролетариат должен неустанно требовать Учредительного Собрания, но это должен требовать весь рабочий класс», а в заметке «Резолюция с'езда» излагаются, например, мысли, что тактической задачей партии признается «использование всех конфликтов между Думой и правительством и стремление обострить их до пределов, дающих возможность сделать их исходной точкой массовых движений»... «направлять свое вмешательство так, чтобы обнаружить непригодность Думы и необходимость созыва Учредительного Собрания» и, наконец, 6) рукопись на трех листах, по содержанию своему представляющая проекты резолюций к «Об'единительному с'езду Р. С.-Д. Р. П.» по программе, изложенной в воззвании «К партии», издания «Об'единительного Центрального Комитета» названной партии (2200 экземпляров этого

воззвания, как сказано выше, было обнаружено в складе в доме Оловянишниковой, по Покровскому проезду); в этой рукописи заключаются подготовительные резолюции по следующим, указанным в воззвании вопросам порядка дня: «Отношение к требованиям особого Учредительного Собрания для Польши», при чем по этому вопросу признается, что Р. С.-Д. Р. П. должна «открыто выставлять и широко пропагандировать требование созыва революционным путем отдельного Учредительного Собрания для Польши»; «Профессиональные союзы», «Основа организации партии», «Отношение к национальной социал-демократической партии» и «Отношение к другим партиям», при чем по этому последнему вопросу признается необходимость боевых соглашений социал-демократической партии с другими партиями», «наиболее близко выражающими интересы и точку зрения широких масс крестьянства и мелкой буржуазии» и поставившими ближайшей целью своей деятельности—«Созыв революционным путем всенародного, обладающего полной властью Учредительного Собрания», и высказывается, что эти соглашения «возможны и целесообразны... лишь с элементами, признающими вооруженное восстание, как средство борьбы, и активно содействующими ему»; рукопись эта заканчивается отрывком, озаглавленным: «Классовые задачи пролетариата в современный момент демократической революции», при чем приведены лишь в трех пунктах отдельные положения, служащие основанием для дальнейших выводов; в этом отрывке указывается, что «революция в России идет к новому под'ему», «что классовые интересы пролетариата требуют создания условий наиболее успешной борьбы против имущих классов» и что «единственно возможным способом создания этих условий является доведение до конца демократической революции, т.-е. завоевание демократической республики, полного самодержавия народа». Все приведенные положения изложены полностью в трех пунктах в отделе такого же названия помянутой выше и изданной «Московским Комитетом Р. С.-Д. Р. П.» брошюры под заглавием «Проекты резолюций к 5-му с'езду Р. С.-Д. Р. П.», экземпляры которой найдены были в тайной типографии в доме Юрасова.

Кроме указанных документов, у Иды Цыпкиной были обнаружены еще следующие нелегальные брошюры и прокламации в одном экземпляре каждая: «Весенний листок Всероссийского крестьянского союза», «Послание к русскому крестьянскому и рабочему народу от Георгия Гапона», «Программа Р. С.-Д. Р. П., принятая на 2-м с'езде партии», «Песни борьбы», «Как и для чего производятся выборы в Государственную Думу» издания «Смоленского Комитета Р. С.-Д. Р. П.», «Об'явление партии социалистов-революционеров об убийстве генерала Сахарова», воззвание «Центрального Комитета Р. С.-Д. Р. П.», — «Крестьяне, к вам наше

слово», «Манифест революционных организаций», начинающийся словами—«Правительство на краю банкротства...», «Рабочий и безработица», издания «Московской группы Р. С.-Д. Р. П.», а также воззвания и прокламации, изданные «Московским Комитетом Р. С.-Д. Р. П.»: «Крестьяне, за вами очередь», «Локаут в Лодзи», «Товарищи и граждане», «Крестьяне, к вам наше слово», «Черносотенный поход на рабочих», «Песни революции» и в двух экземплярах прокламация, начинающаяся словами: «Мы, граждане, собравшись, постановили не принимать участия в выборах в Государственную Думу». Кроме указанных выше изданий, у Цыпкиной оказались нижеследующие, без указания выпустившей их организации, под заглавием: «Черносотенные партии», «Кто истинный защитник трудящихся», «Постоянная армия или всеобщее вооружение народа», «Партия мирного ограбления», «Самодержавие прежде и теперь», «Учредительное Собрание — в двух экземплярах, и в одном экземпляре: «О гражданских свободах», «Даровое обучение», «Выкуп или конфискация» и воззвание «Граждане, выбирайте социал-демократов», а также газеты: 8 разных номеров за 1905 год газеты «Искра», центрального органа Р. С.-Д. Р. П., 8 разных номеров за тот же год газеты «Социал-демократ», 2 разных номера газеты «Рабочий Листок» за 1906 год, органа «Московского Комитета Р. С.-Д. Р. П.», по одному номеру газет «Рабочей газеты» за март 1906 года, издания «Московского Комитета партии социалистов-революционеров», «Рабочий» от 15-го октября 1905 года, издание «Центрального Комитета Р. С.-Д. Р. П.», «Валька» (Борьба) от 24 марта 1906 года, органа «Польской социалистической партии в Литве» и «Вперед» от 16 ноября 1906 года, а также 7 разных номеров газеты «Пролетарий».

Задержанные в комнате Иды Цыпкиной вместе с Королевым Евдокия Котелевец и Надежда Кривенко, являющиеся по сведениям охранного отделения «ответственными районными организаторами», также были подвергнуты личному обыску, но последний оказался безрезультатным; квартиры же их остались необысканными, так как были обнаружены лишь на 12 день после ареста Котелевец и Кривенко.

Обысками и арестами изданий, произведенными в помещении типографий и главного склада «Московского Комитета Р. С.-Д. Р. П.» в доме Оловянишниковой и в квартире Иды Цыпкиной не удалось, однако, предупредить распространение первомайских прокламаций, так как еще утром 27 апреля сторож Астахов нашел близ железнодорожного депо Савеловской жел. дор. 7 экземпляров воззвания «Московского Комитета Р. С.-Д. Р. П.»—«Первое мая». Поэтому, а также ввиду обнаружения у Анатолия Королева списков районов и районных организаторов с обозначением в этих списках, повидимому, количества распределенных по этим

районам прокламаций и по результатам агентурного наблюдения, указывающего на принадлежность дворянки Елены Сергеевой Баршевой, мещанки Александры Васильевой Бобылевой, студента Сергея Яковлева Белобородова и дочери потомств. почетного гражд. Екатерины Николаевой Миловзоровой к Московскому Комитету названной партии, эти лица 28 апреля были также подвергнуты обыскам. При этом у Баршевой была обнаружена корзина, в которой найдено: 1) 440 экземпляров прокламации «Московского Комитета Р. С.-Д. Р. П.» под заглавием «Первое мая»; отпечатанной в типографии названного Комитета, при чем 158 экз. этой прокламации оказались на неразрезанных еще листах; по содержанию своему эта прокламация тождественна с прокламациями такого же названия, найденными в свертке, отобранном при задержании у Юлии Михайловой Голубковой; 2) 57 экз. воззвания того же Комитета «Граждане», приглашающего голосовать за список, предлагаемый Р. С.-Д. Р. П., партией социалистов-революционеров и «Всероссийским избирательным трудовым союзом», при чем в воззвании указывается, что «кадеты» в первой Думе не оправдали возлагавшихся на них народом надежд и правительство «посмеялось над их речами» и «разогнало кадетов» и «красивые речи не помогли им против полицейского насилия», потому что «силу можно побороть только силой», что для народа нужны такие представители, которые потребовали бы «всей земли для крестьян, восьмичасового рабочего дня и всей воли для всего народа» и что «когда вся власть перейдет к народу, лишь тогда восторжествует народная свобода»; 3) 265 экз. № 2 нелегальной газ. «Истина» от 25 января 1907 года, 30 экз. № 5 газеты «Вопросы Дня» от 10 января 1906 года,, 17 экз. № 1 издававшейся Московской организацией Р. С.-Д. Р. П. газеты «Солдатская Жизнь» от 1 марта 1907 года, при чем на одном из этих экземпляров имеется отметка карандашем: «Рог. 20», и 6 экз. № 1 газеты «Борьба» органа «Московского Окружного Комитета Р. С.-Д. Р. П.». По содержанию и направлению своему газета «Истина» является органом социал-демократической рабочей партии; в передовой статье в означенном номере этой газеты, под заголовком «Москва, 25 января 1907 года», проводится мысль, что правительство, созывая Государственную Думу, «из страха перед народом» «поступается незначительной долей своих привилегий в пользу некоторых классов, в надежде на их содействие в борьбе с революцией», что «избирательный закон, целью которого было политически обездолить народные массы, должен дать новое оружие в руки борцев за полное народовластие и привести к торжеству левых партий, и что депутаты социалистических партий войдут в Думу «в целях развития революции» и «в нужный момент они не отступят перед решительным столкновением с правительством так, чтобы это столкновение послужило сигналом к борьбе за стенами Думы». В означенном № 1 газеты

«Солдатская Жизнь» в отделе под заглавием «Наши задачи» указывается, что Российская социал-демократическая рабочая партия стремится ввести в России «такой порядок, когда все земли, все фабрики, заводы и машины принадлежали бы всему народу...», что «самым злейшим врагом», препятствующим «завоевать народу политическую свободу, как средство борьбы за социализм, Р. С.-Д. Р. П. считает полицейское помещичье самодержавие» и поэтому Р. С.-Д. Р. П. прежде всего добивается свержения царского самодержавия и требует «полного народовластия»; в статье же «Две Волны», призывающей солдат к нарушению воинского долга и присяги, говорится, что в случае, если «царь и его опричники решат разогнать Думу», надеясь на темноту солдат, то «пусть обманет их эта надежда и пусть навстречу волне гнева народного поднимется грозная волна солдатского гнева» и эти волны «тогда навсегда разрушат царство грабежа и произвола», «а если», говорится далее, «кадеты снюхаются с царем», то сейчас же надо постараться прогнать их из Думы, а вместе с оставшимися в ней депутатами от рабочих и крестьян созвать, вместо царской Думы, Учредительное Собрание»; в этой же статье также заключаются дерзостные выражения по отношению к особе царствующего Государя Императора, так, например, говорится, что «правительство есть богачи-помещики, дворяне-чиновники, министры, великие князья с царем-клятвопреступником во главе—это они грабят и обирают «солдат» «на казенном пайке». В № 1 за 1907 год газеты «Борьба» в статье «Царское правительство и земельный вопрос» заключается обращенный к крестьянам и рабочим призыв сплотиться и бить вместе одного общего врага—царское самодержавие, опирающееся на помещиков»; в помещенной в той же газете статье под заглавием «Сознательным рабочим об экономической борьбе» указывается на необходимость создания среди рабочих профессиональных союзов и «использования их в целях борьбы с самодержавием», при чем говорится, что экономическая борьба не может быть правильно поставлена до тех пор, пока не будет сброшено царское самодержавие.

По обыску у Александры Бобылевой были обнаружены: 1) Две коробки с подушками для краски, два неполные флакона с красной краской, деревянная растирка для краски и две металлических печати, круглой и овальной формы с оттисками на первой: «Студенческая университетская социал-демократическая фракция при Московском Комитете», на второй: «Центральный Районный Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии», 2) 16 чековых талонных книжек с отрывными и пронумерованными типографским способом листками, при чем в листках двух таких книжек имеется оттиск печати означенного «Центрального Районного Комитета»; 3) Два листка бумаги с записями на них о получении от городского района денег редакцией газеты «Истина» и

лицом, подписавшимся «В. Гоев»; 4) Белый паспортный бланк и 4 подложных паспорта разных лиц, при чем два из них значатся выданными за одним номером и в одно и то же время на имя крестьянина Моршанского уезда, Ольховской волости, села Нижней Ярославки, Алексея Петрова Попова, фамилия которого встречается в отобранных у Королева Анатолия записях с распределением районов; 5) Две записки с разными адресами и списками фамилий московских кондитеров и столяров, 6 листков с карандашными записями прихода и расхода за январь месяц разных сумм, поступивших от портных, от Филиппова, «Типографии Холчева», от конторщиков, от М. К. «за книги»; 6) 4 печатных бланка вопросных листков с рукописными на них записями, представляющими статистические сведения о пропагандистской деятельности «Центрального Районного Комитета Р. С.-Д. Р. П.» среди рабочих кондитерских Абрикосова, Каде, табачной фабрики Дукат и зонточно-токарных производств Вишняка, Матвеева и Петрова; на трех из этих бланков вверху имеется оттиск печати означенного Районного Комитета. Печатный текст бланков разделяется на 7 отделов: в первом помещены вопросы о числе рабочих в предприятии, о числе организованных рабочих и существуют ли среди рабочих «заводские собрания», «заводский комитет» или «пропагандистский кружок»; второй отдел озаглавлен «Степень влияния С.-Д.»; третий—«Заводские собрания», при чем в этом отделе помещены вопросы, «какие темы обсуждаются и принимаются ли резолюции и какие из резолюций приняты за последнее время» и, между прочим, на последний вопрос имеются ответы, что рабочими означенных кондитерских и зонточно-токарных мастерских приняты резолюции «О с'езде и о рекрутской кампании (резолюция московского Комитета)»; далее идут 7 других отделов; 7) Листок бумаги с записями следующих адресов «на явку» заводских собраний рабочих разных категорий, так например: «З. С. электромонтеров от Сименса и Гальске—17 человек. Адрес: 3-й Самотекский пер., дом Иванова, кв. 12. Спр. Петрова или Филипповича от Ивана Антоновича» и «З. С. булочников Филиппова—13 человек. Адрес: Бронная, Богословский переулок, дом Юдина, кв. 10. Спр. Дементьева от Ив. Ант.» и т. п.; 8) Один отпечатанный на пишущей машине экземпляр циркуляра о фабрично-заводских комиссиях», в котором Московский Комитет Р. С.-Д. Р. П. предлагает районным организациям выяснить положение дел в районах и свое отношение к вопросу «о правильной постановке фабрично-заводских комиссий»; 9) Две рукописи, представляющие собой протоколы заседаний «Заводских Комитетов», состоявшихся 22 августа и 5 сентября, и «Заводских собраний», происходивших 29 августа и 7 сентября; в начале протокола от 22 августа указывается, что «товарищ-организатор сделал краткий отчет о деятельности Р. К.» (районного Комитета) и далее приводится содер-

жание доклада о профессиональном союзе, который, как видно из доклада, разделяется на 5 районов: Сокольничий, Замоскворецкий, 2 городских и Бутырский; в протоколе от 5 сентября указывается, что «Московский Комитет» посылает на «Областной С'езд» одного представителя и что «на подрайонном собрании решено найти квартиры подрайонные и озаботиться устройством техники»; в протоколе же о заседании «Общего заводского собрания 29 августа» говорится, что в заседании заслушан был доклад «о с'езде», вопрос «о пропаганде», при чем было решено поставить на вид «пропагандистской коллегии о более тщательном подборе товарищей пропагандистов», «доклад о дружине» и о деятельности районного Комитета, который, между прочим, «озабочиваясь о распространении литературы, избрал Литературную Комиссию для составления листков», и сообщается, что «секретарь М. К. обратился к собранию с призывом об усилении организации на фабрике», при чем была изложена программа партии; далее говорится, что при обсуждении вопросов об отношении к предстоящему призыву новобранцев к отбыванию воинской повинности «товарищ-организатор рассказал собранию о вреде армии и вообще милитаризма и предложил составить список имеющихся на фабрике новобранцев, чтобы составить из них кружок и прочитать им несколько лекций по соответственным вопросам» и что предложение это было принято единогласно; наконец, в протоколе от 7 сентября излагается, что на заводском собрании были выслушаны доклады: «о деятельности зав. К., Р. К. М. К. и Межд. Г. К.», а далее перечисляются принятые собранием решения; 10) Один печатный экземпляр воззвания Центрального Комитета Р. С.-Д. Р. П.—«Ко всем партийным организациям» от 1 февраля 1907 года по поводу очередного партийного с'езда с указанием выработанного Центральным Комитетом «порядка дня с'езда и правил о способе выборов делегатов на с'езд» и 6 гектографированных циркуляров, отпечатанных на пишущей машине—«К выборам на с'езд Московского Комитета Р. С.-Д. Р. П.» от марта того же года с изложением правил для руководства всей местной организации при выборах на с'езд; 11) Пять воспроизведенных на мимеографе экземпляров резолюции Московского Комитета Р. С.-Д. Р. П. «О текущем моменте», в коей излагается, что Комитет признает необходимым «рассматривать и использовать предстоящую думскую кампанию, как один из эпизодов революционной борьбы народа за власть», и что социал-демократия должна приложить все усилия, чтобы «раз'яснить массам предстоящие революционные задачи и доказать им, что при непримиримой борьбе против «либеральных соглашателей» «возможно уступки самодержавия превратить в орудие дальнейшего развития революции»; 12) Лист бумаги с гектографированным текстом, с заголовком: «Особое мнение 14 членов общепартийной конференции», в коем излагается, что Р. С.-Д. Р. П. в предвыборной

агитации должна стремиться «выяснить непригодность Думы для удовлетворения насущных требований пролетариата, «невозможность путем Думы добиться политической свободы, пока существует самодержавие», и «выяснить необходимость вооруженного восстания, временного революционного правительства и Учредительного Собрания»; далее же излагаются тактические приемы партии в «избирательной агитации», о соглашениях с другими партиями и о составлении общих списков, которые рекомендуется составлять «в самый последний момент избирательной агитации»; 13) Два листка почтовой бумаги с рукописью карандашем, представляющею собой черновые заметки о происходившем заседании общепартийной конференции, докладах и прениях, при чем целые отдельные фразы этих заметок вошли в текст означенного «особого мнения 14 членов»; 14) Гектографированный экземпляр резолюции Московского Комитета Р. С.-Д. Р. П. «об избирательной кампании» и такой же листок бумаги с текстом, касающимся предвыборной деятельности этой партии; 15) Один гектографированный экземпляр циркулярного «Письма областного Бюро Центрального Района», заключающего в себе указания по организации и тактике партии в деревне, среди крестьянства, при чем указывается, что необходимо стремиться к «об'единению крестьянства для революционной борьбы» и что «вся крестьянская организация должна строиться на почве таких активных выступлений», как «борьба с правительством, местным начальством, помещиками и т. п.»; письмо заканчивается просьбой сообщить бюро «о ходе крестьянской работы в районе», о принятом в последнем «типе крестьянских организаций» и «о возможности осуществления крестьянами идеи революционного самоуправления в настоящее время»; 16) Гектографированный экземпляр «Устава Областного Центрального района» и «Резолюции 2-й Областной Конференции», написанных на одном листе бумаги; в «Уставе» говорится, что «Центральный Район охватывает все тяготеющие к Москве организации», как-то: «Вологодскую группу, Ярославский, Костромской, Нижегородский, Иваново-Вознесенский, Тамбовский, Воронежский и другие Комитеты, что каждые три месяца созывается очередная конференция и что «в Центральном Районе» имеется «Областное Бюро», которое «проводит в жизнь постановления Областных конференций и является их исполнительным органом»; в «Резолюции» же указывается, что разгон Думы «ясно ставит перед народными массами задачи вырвать власть из рук самодержавного правительства», что «признается единственно правильным лозунгом непосредственной борьбы за свержение царского правительства и за созыв революционным путем Учредительного Собрания на основании всеобщего, прямого, равного и тайного голосования», и что по вопросу о вооруженном восстании «конференция» постановила «признать правильным лозунг идейной подготовки масс к вооpу-

женному восстанию», при чем указывается, что «подготовка эта» должна заключаться «в создании условий для единовременного выступления пролетариата и крестьянства и сознательной части войска», что «подсобным средством борьбы» в этом выступлении «должны быть всеобщая стачка, прекращение движения на путях сообщений, разрушение служащих правительству железных дорог и телеграфа, смещение в деревнях местных властей и массовые движения на города для поддержки восставших рабочих» и что «сознательной части войска надлежит ставить задачу активно-наступательных действий во время общенародного движения и в связи с ним»; далее приводятся постановления «Конференции по вопросам: «о рабочем с'езде», «об отношениях к Государственной Думе» и «об экспроприациях»; 17) 2 гектографированных экземпляра «Резолюций Московского Комитета», по содержанию своему касающихся «кампании по поводу набора», при чем признается необходимым «развернуть широкую агитацию за отказ, как городских, так и сельских обществ от поставки рекрутов, так и за массовый отказ самих новобранцев от военной службы» и с этой целью «открыть письменную агитацию, организовать подлежащих набору в особые кружки и раз'яснять значение этой кампании солдатам, состоящим на действительной службе»; резолюции эти также касаются вопроса «об экспроприациях» и «об открытии высших учебных заведений». По первому из этих вопросов постановлено, между прочим, «вести агитацию внутри партии за необходимость разрешения новым с'ездом конфискации казенных имуществ»; 18) Один гектографированный экземпляр циркулярного письма «Областного Бюро», в котором указывается, что «Бюро согласно с постановлением 2-й Областной Конференции вступило в сношение с представителями революционных партий с целью согласования и даже об'единения деятельности по проведению рекрутских кампаний». Далее выясняется отношение к «этой кампании» крестьянского союза и партии социалистов-революционеров, а в конце письма «Областное Бюро», излагая свой взгляд на этот вопрос, «признает полезным связать рекрутскую кампанию с общекрестьянской борьбой за землю и волю» и «вести эту кампанию в деревнях» и просит затем выяснить «отношение крестьян в предполагаемой кампании» и сообщить «не позднее 25 сентября полный отчет» о деятельности организации в этом направлении и о полученных ими результатах, при чем «Бюро» обещает «со своей стороны по мере получения этих сведений рассылать «сводки» их по всем организациям»; 19) 6 отдельных листов с мимеографированным текстом, отпечатанным на пишущей машине, под общим заголовком: «Материалы по рекрутской кампании», представляющие означенную выше «сводку» 16 резолюций отдельных социал-демократических организаций «по вопросу о рекрутском наборе»; 20) Один воспроизведенный на мимеографе экземпляр резолюции «Мо-

сковского Комитета Р. С.-Д. Р. П.», о текущем моменте; в ней признается единство правильной «наступательная тактика», выражающаяся в организации «партизанской борьбы» в городах и селах, в уничтожении наиболее активных правительственных деятелей, в захвате боевых средств и т. д., в призыве народа поддержать «партизанскую» войну и в организации «выступлений под руководством партийных учреждений»; 21) Один полулист бумаги, на одной стороне которого помещен напечатанный на пишущей машине и оттектографированный затем текст «проекта Устава Московской Военной организации Р. С.-Д. Р. П.», состоящего из двух частей; в первой части выясняется, что Московская Военная организация есть партийный союз, об'единяющий всех социал-демократов, ведущих работу в войсках московского гарнизона от имени Р. С.-Д. Р. П., подчиненная общему политическому руководству ее центральных учреждений и управляющаяся на основании своего устава, утвержденного общегородской конференцией»; во второй же части проекта указывается, что «Московская Военная организация ставит своей задачей расширение и углубление идейного и организационного влияния Р. С.-Д. Р. П. в войсках московского гарнизона и дезорганизации армии, поскольку она является оплотом самодержавия в его борьбе с народом»; далее говорится как о способах, которыми выполняется указанная задача, при чем такими способами признаются «социалистическая и революционно-демократическая пропаганда в солдатских массах и агитация за присоединение гарнизона к требованиям революционного народа и за активную поддержку его в ближайших выступлениях», так и о внутреннем устройстве и управлении «Московской Военной организации», и 22) Тетрадка величиной в ⅛ листа бумаги, несколько страниц которой заполнено рядом цифр, представляющих зашифрованные записи, судя по имеющимся также в тетрадке чертежам, различных адресов; эти записи не могли быть прочитаны.

По обыску у студента Сергея Белобородова были обнаружены следующие документы, указывающие на участие его в деятельности сообщества: 1) один печатный экземпляр «программы Р. С.-Д. Р. П. и резолюция об'единительного с'езда», содержание которых тождественно с такой же программой и резолюциями, экземпляры коих найдены были в складе Московского Комитета в доме Оловянишниковой и в лавке Ласулидзе; 2) один печатный экземпляр означенного выше издания—«Проекты резолюций к пятому с'езду Р. С.-Д. Р. П.»; 3) девять номеров нелегальной газеты «Борьба» органа Московского Окружного Комитета за 1905 год и указанный выше номер 1 этой газеты от 20 марта 1907 года, 5 номеров упомянутой выше газеты «Истина» и один номер нелегальной газеты «Волна» от 3 апреля 1906 года; 4) вырезка из газеты, сообщающая о принятой «Коллегией программе пропаганды», которая заключает в себе следующие главные темы: 1) «Пролетариат и социа-

лизм»; 2) «Ближайшие задачи русского пролетариата»; 3) «Буржуазные партии в России и тактика социал-демократии»; 4) «Крестьянство и аграрная программа социал-демократов»; 5—6) «Западно-европейские революции и судьба русской» и 7) «История Российской социал-демократии и ее партийная жизнь»; далее в программе приводится как содержание «вступления» к лекциям на означенные темы, так и содержание каждой из этих тем в отдельности, при чем во «вступлении» отдельные части его, как-то «понятие о классах» и «революция», как борьба классов за политическое преобладание», подчеркнуты чернилами; 5) один гектографированный экземпляр «программы для кружков Р. С.-Д. Р. П.», заключающий в себе план 10 лекций на темы, означенные в помянутой выше «программе пропаганды», при чем в первой лекции, озаглавленной «Введение», встречаются те же отдельные части, которые оказались подчеркнутыми в газетной вырезке; эта лекция разделяется на следующие части: «Революция в России», «Характеристика современного политического движения и государственного строя в России», «Понятие о классах»; во второй лекции «Программа максимум» находится часть под названием «Капитализм и положение рабочего класса при капиталистическом строе», третья лекция озаглавлена «Конечная цель рабочего класса—социализм»; заглавие же четвертой лекции—«Программа минимум», «Ближайшие задачи российского пролетариата и политическая борьба рабочего класса в России» и пятая — «Экономическая борьба и экономические требования Р. С.-Д. Р. П.»; между прочим в план девятой лекции, под заглавием «Западно-европейские революции и судьбы русской», входит «Ознакомление на картинах революций с понятиями и функциями вооруженного восстания, временного революционного правительства и Учредительного Собрания», а также изложение «Задач», как «пролетариата в русской революции с указанием на неизбежность—для полной победы—вооруженного восстания», так и «задач Временного Правительства и Учредительного Собрания»; 6) тетрадь с заметками, в виде конспекта, по истории Франции, начиная с 1789 г., и со следующей записью карандашем, тождественной по названию и по содержанию с означенными выше лекциями «программы для кружков Р. С.-Д. Р. П.» — 1-ая лекция — Введение. Общая картина современного состояния России. Основные причины российской революции. Понятие о классах. 2-ая лекция — Программа максимум. Положение рабочего класса в капиталистическом обществе. 3-ья лекция — «Конечная цель рабочего движения». Ближайшие задачи пролетариата; кроме того, в этой же тетради имеется рукописная заметка карандашем, содержащая определение понятия программы максимум Р. С.-Д. Р. П. и поясняющая, что социал-демократия различных стран в зависимости от обстановки, в кото-

рой рабочий класс ведет свою борьбу, выдвигает различные ближайшие требования; заметка заканчивается так: «Цель этой лекции обосновать эти ближайшие требования рабочего класса в России, т.-е. дать программу минимум Р. С.-Д. Р. П.», и 7) лист почтовой бумаги, на первых трех страницах которого под буквами «В», «б» и «М» написан ряд фамилий владельцев промышленных и торговых заведений, при чем на первой странице написаны также мужские и женские имена: «Надя», «Екатерина», «Катя», «Борис», «Петр» и др.; на последней же странице имеется следующая заметка, касающаяся партийной деятельности: 1) о лиге образования, 2) о библиотеке и «докл. М. К. и Конф.», 1) о выборной кампании, 2) случай у Гужона, 3) об экономической борьбе, 4) о ценах на продукты, борьба: 1) таксация, 2) потребилки, 3) стачки за пов. зар. платы. II—1 мая выяснить через З. К. (Заводский Комитет) III. Забастовка у Смирнова, Васильева; 4 и, наконец, запись, подобная найденным у Анатолия Королева записям о распределении по районам нелегальной литературы, следующего содержания: «Пр. (профессиональный)—150-320» «Г» (Городской) 665-67 «и Сок» (Сокольники) «527-22».

Намеченный в заметках у Сергея Белобородова доклад Московскому Комитету и конференции по вопросу о ценах на продукты и о мерах борьбы с повышением цен на них, как-то: таксация продуктов, устройство потребительных лавок и стачки за повышение заработной платы, был в рассмотрении «Московского Комитета Р. С.-Д. Р. П.», как это усматривается из «Резолюции Московского Комитета о повышении цен на хлеб и предметы первой необходимости», 5 экз. которой были отобраны по обыску у дочери почетного гражданина Екатерины Миловзоровой, оставшейся на следствии неразысканной. В «этой резолюции» Московский Комитет, указывая, что таксы, устанавливаемые городскими думами и администрацией в целях прекращения повышения цен на хлеб, являются почти безрезультатными, а устройство общественных лавок, хлебопекарен и потребительских лавок также не может устранить причин бедствия и что «единственным для рабочего класса средством смягчения бедствий является повышение заработной платы», «признает, что партия должна принять самое деятельное участие в развивающейся стачечной борьбе за повышение заработной платы».

По заключению эксперта, все найденные у Сергея Белобородова рукописные заметки написаны его же рукой.

Привлеченные в качестве обвиняемых—Анатолий Парамонов Королев, Ида Монусова Цыпкина, Евдокия Евдокимова Котелевец, Юлия Михайлова Голубкова, Надежда Алексеева Кривенко, Елена Сергеева Баршева, Александра Васильева Бобылева и Сергей Яковлев Белобородов не признали себя виновными в участии в преступном сообществе, образовавшемся под именем «Московского

«Комитета российской социал-демократической рабочей партии» и заведомо для них поставившем целью своей деятельности ниспровержение, путем вооруженного восстания, существующего в России государственного и общественного строя, и об'яснили:

Королев—что по просьбе своего товарища, фамилии которого не может назвать, он составил оказавшиеся у него при обыске графики о распределении прокламаций, при чем в графики вошли сведения о количестве, в каковом прокламации доставлены, о времени и месте отправления, о количестве их, а также о лицах, которые занимаются их отправкой; кроме того, исполняя просьбу того же товарища подыскать ему помещение, где можно было бы производить разборку прокламаций, он отправился к Иде Цыпкиной, с которой был знаком более трех лет, но не знал о ее принадлежности к социал-демократической организации; Ида Цыпкина согласилась предоставить для этой работы свою комнату; на другой день он пришел к Цыпкиной из любопытства, зная, что у нее в этот день будет происходить разборка прокламаций и предполагая также добыть нужные сведения для составления график; найденные у него при арестовании в тот же день адреса записаны им—одни на случай какой-либо надобности, как, например, адрес Челушкина, с которым он, впрочем, не знаком,—для пользования его телефоном, а один какой-то адрес просил записать его товарищ, чтобы сообщить таковой другому товарищу.

Ида Цыпкина—что накануне обыска к ней пришел один ее знакомый, согласно первому показанию ее Анатолий Королев, с каким-то неизвестным ей человеком; они обратились с просьбой предоставить им в распоряжение ее комнату на несколько часов 27 апреля, не сказав при этом, для какой цели им нужна эта комната; получив согласие, неизвестный пришел к ней на другой день и просил оставить его одного в комнате, предупредив, что он сам откроет двери тем лицам, которые должны будут притти позднее; она ушла из комнаты и не знала, что происходило там до прихода полиции, арестовавшей в ее комнате Королева, а также неизвестных ей ранее Надежду Кривенко и Евдокию Котелевец, равно, как не знала, кем и для какой цели принесены были к ней в комнату прокламации.

Надежда Кривенко—что она сочувствует деятельности социал-демократов и что 27 апреля пришла к Иде Цыпкиной, с которой не была знакома, чтобы помочь разобрать прокламации, но в работе этой она не участвовала, так как появившаяся полиция арестовала всех бывших в комнате Цыпкиной до начала разборки прокламаций.

Юлия Голубкова—что 16 апреля она, выйдя из дому, встретила знакомого студента, который тут же передал ей какой-то сверток и просил передать его другому студенту, с приколотой на груди красной с крапинкой бабочкой, которого она непременно

должна была встретить на Сретенке, где она и была арестована полицией, и что лишь по доставлении в участок она узнала, что в этом свертке заключается большое количество прокламаций «1 мая». Голубкова добавила, что она вовсе не знала ни Анатолия Королева, ни Иды Цыпкиной.

Елена Баршева—что найденная у нее в комнате корзина с прокламациями была доставлена на страстной неделе в ее отсутствие неизвестным ей лицом и стояла в нежилой комнате вместе с корзинками ее знакомой, уехавшей за границу; что Анатолия Королева она не знала и ответственным районным организатором Московского Комитета не состояла.

Александра Бобылева—что за неделю до обыска какой-то неизвестный ей человек в ее отсутствие принес в коробке вещи, которые впоследствии были отобраны у нее при обыске полицией; в удостоверение этого обстоятельства Бобылева сослалась на свою квартирную хозяйку Юлию Ратнек, которая, однако, ссылки на нее не подтвердила.

Сергей Белобородов показал, что он знаком с программой Российской социал-демократической рабочей партии лишь по литературе, что взятые у него при обыске в числе других бумаг рукописи написаны им, при чем одна из них, начинающаяся словами: «Конечная цель социал-демократии есть уничтожение частной собственности на средства производства и переход их в собственность общества, т.-е. осуществление социализма»..., представляет собой попытку проконспектировать слышанное на реферате, происходившем осенью 1905 года в университете, и что «программа для кружков» взята у товарища из любознательности.

Наконец, Евдокия Котелевец от дачи показаний отказалась.

На основании изложенного мещане—г. Кадома Тамбовской губернии—Константин Михайлов Новиков, 26 лет; г. Телава Тифлисской губернии—Аветис Григорьев Габелов, 21 года; студент Императорского Московского Инженерного училища, из крестьян Звенигородского уезда, Павловской волости, деревни Глуховой—Анатолий Парамонов Королев 22 лет; дочери: Тульского купца—Ида Монусова-Гиршева Цыпкина 20 лет;—крестьянина села Малые Бутки Ромненского уезда Полтавской губернии—Надежда Алексеева Кривенко 19 лет;—Азовского купца—Евдокия Евдокимова Котелевец 34 лет;—статского советника—Юлия Михайлова Голубкова 19 лет и—Саратовского цехового—Александра Васильева Бобылева 21 года; дворянка Елена Сергеева Баршева 29 лет и Сергей Яковлев Белобородов 23 лет обвиняются в том, что в 1906—1907 годах, проживая в Москве, приняли участие в образовавшемся под именем «Моск. Комитета Российской социал-демократической рабочей партии» преступном сообществе, заведомо для них, обвиняемых, поставившем целью своей деятельности насильственное ниспровержение существующего в России государственного и общественного

строя, учреждение демократической республики и установление общественных и экономических отношений на началах социализма посредством организации вооруженного восстания народных масс и войск, каковое сообщество имело в своем распоряжении тайную типографию, находившуюся с сентября 1906 года в доме Юрасова по проезду Рождественского бульвара в помещении, снятом одним из необнаруженных участников сообщества для «Торговли восточными сухими фруктами», и склады напечатанных в этой типографии изданий, при чем для осуществления задач этого сообщества и в качестве членов последнего Новиков и Габелов—первый с конца 1906 года, а второй—в начале 1907 года приняли участие в печатании в названной типографии, хранении и распространении социал-демократических изданий, как-то: брошюр «Программа Р. С.-Д. Р. П.», «Постановления и резолюции об'единенного с'езда Р. С.-Д. Р. П.» и прокламации «К солдатам», «Ко всему народу», «Товарищи, рабочие» и других, заведомо для них, обвиняемых, возбуждающих к ниспровержению путем вооруженного восстания существующего в России государственного и общественного строя, установлению демократической республики, к организации боевых дружин для борьбы с правительством, к неповиновению или противодействию закону и законным распоряжениям власти и к нарушению воинскими чинами обязанностей военной службы и заключающих в себе дерзкие и оскорбительные по отношению к особе царствующего императора выражения, а Габелов, кроме того, вносил арендную плату за помещение, снятое в доме Оловянишниковой по Покровскому проезду членом сообщества, именовавшим себя Петровым и следствием необнаруженным, для хранения склада социал-демократических изданий, а также состоял в переписке с находившимися в других городах членами партии, получал от них и исполнял поручения о высылке партийной литературы. При этом названные обвиняемые, из коих Габелов проживал в Москве по паспорту Архипа Сванидзе, с целью сокрытия своей преступной деятельности в названной типографии, выдавали себя: Новиков — за приказчика, а Габелов—за главного доверенного при торговле фруктами и консервами.

Цыпкина—в 1907 году имела в месте своего жительства, в доме Котова по Малому Харитоньевскому переулку, склад разных социал-демократических и революционных изданий, как, например, «Программы Российской социал-демократической рабочей партии», «Манифеста ко всему российскому крестьянству», «Товарищи, помните первое мая», заведомо для нее, Цыпкиной, предназначавшихся для распространения и возбуждающих к учинению бунтовщических деяний и ниспровержению в России государственного и общественного строя, а также за шифрованные и условные адреса для сношений с другими членами сообщества и участниками военной организации социал-демократической партии, адреса квар-

тир, в коих находились склады партийной литературы и хранились принадлежности для печатания и размножения партийных изданий; хранила рукописи с проектами резолюций к V с'езду Российской социал-демократической рабочей партии и со списками разных прокламаций, отпечатанных в типографии сообщества, и социал-демократических газет; вела переписку с членами сообщества о партийной деятельности, состояла посредницею в их конспиративной переписке между собою, принимала на себя поручения от членов сообщества, касающиеся деятельности последнего, как, например, об увеличении средств сообщества, наконец, 27 апреля 1907 года предоставила свое помещение другим членам сообщества для разборки и распределения по районам полученного из типографии Московского Комитета Р. С.-Д. Р. П. транспорта воззваний, озаглавленных «Товарищи, помните первое мая» и принимала участие в этой работе.

Королев, Котелевец, Кривенко, Голубкова и Баршева являлись представителями районных организаций партии в Москве, получали, хранили, с целью распространения, и распространяли затем по районам издания Московского Комитета партии, заведомо для них возбуждающие к учинению бунтовщических деяний и ниспровержению существующего в России государственного и общественного строя.

Сверх всего, из названных обвиняемых: Королев составлял в том же году списки районов сообщества и представителей районных организаций и заметки о количестве экземпляров и названий распределяемых по районам прокламаций и распределял по районам отпечатанные в типографии сообщества издания, а также имел адреса для сношения с другими членами сообщества и вел переписку о партийных делах и своей деятельности в качестве члена сообщества.

Тот же Королев, а равно Котелевец и Кривенко—означенного 27 апреля в квартире Цыпкиной приняли участие в разборке и распределении для г. Москвы хранившихся там в количеств свыше 14.000 экземпляров и заведомо для них, обвиняемых, подлежавших распространению воззваний «Товарищи, помните первое мая», зная о содержании этих прокламаций.

Голубкова хранила, с целью распространения, изданные Московским Комитетом Российской социал-демократической рабочей партии и оказавшиеся у нее при задержании в количестве 1.802 экземпляров прокламации «1 мая», а также несколько экземпляров других произведений социал-демократической литературы, а именно: воззвания «О земле» и № 7 газеты «Впред» за 1907 год, заведомо для нее возбуждающие к учинению бунтовщических деяний и к ниспровержению существующего в России государственного и общественного строя.

Баршева—в том же году имела, с целью распространения, в своей квартире, в доме церкви Успения по Гончарной улице, склад социал-демократических изданий, оказавшихся при обыске в количестве свыше 7.000 экз., как-то: отпечатанных в типографии сообщества прокламаций «Первое мая», воззваний «К гражданам», номеров газет «Борьба», «Солдатская Жизнь» и других, заведомо для нее, обвиняемой, возбуждающих к ниспровержению существующего в России государственного и общественного строя и к нарушению воинскими чинами обязанностей военной службы, причем в газете «Солдатская Жизнь» заключаются также дерзкие и оскорбительные для особы царствующего государя императора выражения.

Бобылева—хранила в своей квартире, по Малой Бронной улице чистый паспортный бланк, 4 подложных паспорта на имя разных лиц, 2 металлические печати «Студенческой университетской социал-демократической фракции при Московском Комитете» и «Центрального районного Комитета Российской социал-демократической партии», устав «Центрального района», а также собрание циркуляров, резолюций Московского Комитета и «Областного Бюро Центрального района» по вопросам партийной деятельности среди рабочих, войска и крестьян, и имела адреса для сношения с членами сообщества и конспиративных собраний отдельных категорий рабочих и рукописи протоколов заседаний заводских комитетов и собраний рабочих.

Белобородов—в тот же период времени участвовал в составлении найденной у него при обыске брошюры «Программа для кружков Р. С.-Д. Р. П.», возбуждающей к ниспровержению, путем вооруженного восстания, существующего в России государственного и общественного строя, принимал участие в собраниях местной организаци социал-демократической рабочей партии и представлял ей доклады по вопросам партийной деятельности, состоял в сношениях с другими членами сообщества, а также хранил, с целью распространения, в своей квартире, в доме Хлудова, по Лебяжьему переулку, социал-демократические издания, оказавшиеся при обыске у него в количестве 17 экземпляров, в том числе: брошюры «Программа Р. С. Д. Р. П.» и «Проекты резолюций к V с'езду Р. С. Д. Р. П.», заведомо для него возбуждающие к низвержению, путем вооруженного восстания, существующего в России монархического образа правления, замене его демократической республикой и установлению общественного строя на началах социализма.

Означенные преступления предусмотрены первой ч. 102 ст. Угол. Улож., вследствие чего и согласно 2 п. 1032 ст. Уст. Уг. Суд.

все названные лица подлежат Суду Московской Судебной Палаты с участием сословных представителей.

Составлен в г. Москва августа 23 дня 1907 года.

Товарищ Прокурора Судебной Палаты (подпись).

III. Резолюция Московской Судебной Палаты [1].

1907 года, декабря 2-го дня.

По указу его императорского величества, Московская Судебная Палата по особому присутствию, в судебном заседании, происходившем в составе нижеподписавшихся, выслушав дело о Константине Михайлове Новикове, Аветисе Григорьеве Габелове, Анатолие Парамонове Королеве, Иде Манусовой-Гиршевой Цыпкиной, Надежде Алексеевой Кривенко, Евдокии Евдокимовой Котелевец, Юлии Михайловой Голубковой, Александре Васильевой Бобылевой и Елене Сергеевой Баршевой, обвиняемых в преступлении, предусмотренном I ч. 102 ст. Уг. Ул. *определила:* мещ. города Кадома Тамбовской губ. Константина Михайлова Новикова 26 лет и города Телава Тифлисской губернии Аветиса Григорьева Габелова 21 года, крестьянина Звенигородского уезда Павловской волости, деревни Шуховой Анатолия Парамонова Королева 22 лет, дочь тульского купца Иду Манусову-Гиршеву Цыпкину 20 лет и дочь азовского купца Евдокию Евдокимову Котелевец 34 лет, признав виновными в преступлении, предусмотренном I ч. 126 ст. Уг. Улож., на основании означенной статьи закона, а также 53 ст. и 57 ст. того же Улож., из них Новикова и Габелова сослать на поселение с лишением каждого из них прав состояния по 25 ст. Угол. Улож. и с последствиями для каждого по 29—30 ст.ст. Угол. Улож.; поименованных же Королева, Цыпкину и Котелевец заключить в крепость: Королева и Цыпкину на 2 года каждого, а Котелевец на один год и шесть месяцев; 2) крестьянку села Малые Будки Ромненского уезда Полтавской губернии Надежду Алексееву Кривенко 19 лет, признав виновной в преступлении, предусмотренном 129 ст. Уг. Ул., на основании означенной статьи закона, а также и 53 и 57 ст.ст. того же уложения, заключить в крепость на один год; 3) дочь статского советника Юлию Михайлову Голубкову 19 лет и дворянку Елену Сергееву Баршеву 29 лет, признав виновными в преступлении, предусмотренном 2 ч. 132 ст. Уг. Ул., а в отношении Баршевой еще и 2 ч. 104 ст. того же Улож., заключить в крепость на шесть месяцев каждую, засчитав на основании 54 ст Уг. Ул. каждой из них в срок сего наказания шесть

[1] Суд происходил при закрытых дверях Ц. Б.

месяцев из времени, проведенного каждой из них в предварительном заключении; 4) дочь саратовского цехового Александру Васильеву Бобылеву 21 года, признав невиновной в преступлении, предусмотренном 1 ч. 102 ст. Уг. Ул., считать по суду оправданной. Вещественные доказательства оставить при деле. Судебные издержки взыскать с осужденных Новикова, Габелова, Королева, Цыпкиной, Кривенко, Котелевец, Голубковой и Баршевой.

Подписи: *И. П. Зорин.*
Ананьев. П. В. Глебов.
Шадурский. Л. Урусов.
Кафафов. Драгунов.

О костромской типографии.

В 1905 году я приехала в Кострому, высланная из Москвы, как не имеющая права жительства в столицах. Товарищ Александр Митрофанович Стопани дал мне связь с тов. Беляевым и тот направил меня на работу в типографию. Вечером по данному мне адресу я пришла в типографию. Типография помещалась в светелке, состоящей из маленькой прихожей и довольно большой комнаты, перегороженной ситцевой занавеской. В комнате сильно пахло типографской краской. Станок—небольшой деревянный ящик, в полгазетного листа, стоял на столе за занавеской. Хозяином типографии был тов. «Николай Иванович», или «Хохол», или «Хромой» по кличке. Он был рабочий конотопских железно-дорожных мастерских, а потом машинистом Киево-Воронежской железной дороги. Высокий, нервный, умеющий моментально загораться и гневом, и радостью, и восторгом, «Николай Иванович» был, конечно, обречен на большие лишения своим затворничеством. Эту типографию оборудовал он сам, когда по несчастной случайности был ранен своим товарищем в ногу. Пуля задела сухожилие и требовалось длительное лечение, на которое у «Николая Ивановича» не хватало терпения. Вынужденный к сидячему образу жизни, он обрек себя на кропотливую, тяжелую тюремную работу в типографии.

Вся основная работа лежала на «Николае Ивановиче», я же приходила только на ночь в те дни, когда комитет выпускал листки. Мы вместе набирали текст и потом вместе же отпечатывали его ручным способом.

Окна комнаты были занавешаны черными занавесками, на маленькой керосиновой лампе был надет черный абажур. Работали напряженно, молча, пока набирали, и с болтовней, пока отпечатывали. Политическая атмосфера того времени была так горяча, что сидеть в типографии и быть крайне конспиративным вне ее было

почти сверхчеловечески трудно человеку с таким активным темпераментом, какой был у тов. «Николая Ивановича». Ему приходилось видеть только меня, выносящую отпечатанную литературу, и тов. Беляева, снабжавшего типографию бумагой и краской.

Когда я приходила в типографию, «Николай Иванович» буквально набрасывался на меня, чтобы скорее выудить у меня новости. А новости были волнующие: стачка катилась по всей России, влияние партии росло.

Когда появился манифест 17-го октября, он уже не вызвал удовлетворения, не уменьшая воли к борьбе, а наоборот, усилил сознание необходимости дальнейшей борьбы с той и с другой стороны. 19-го октября, в базарный день, черная сотня вместе с казаками начала громить учащихся. Когда мы из земства выбежали на Сусанинскую площадь, мы натолкнулись на зверскую расправу казаков с беззащитной, неподготовленной к нападению учащейся молодежью. Дикий пьяный вой, улюлюканье, смешанные с пением молитвы: «Спаси, господи, люди твоя», и облитые кровью жертвы... Страшная картина. Всю площадь облегала густая толпа любопытных, шарахавшихся то в ту, то в другую сторону вслед за погромщиками или от них.

Не выдержала я тут экзамена на конспирацию, побежала к тов. «Николаю Ивановичу», чтобы сообщить ему, что творится на улице. Ни слова не говоря, накинув на ходу пальто, тов. «Николай Иванович» побежал со своей больной ногой так шибко, что я еле успевала за ним.

Часа в 4 в земской управе на большом собрании служащих, рабочих и даже членов управы было решено создать боевую дружину против черной сотни. Начальником дружины стал «Николай Иванович».

Сейчас же стало ясно, что типографию надо вынести из квартиры «Николая Ивановича». Решили перенести ее ко мне. Я жила у сестры своей, у Кедровой, на Никольской улице, д. Кравченко. Дом этот отделялся от дома, где находилась типография, высоким деревянным забором и огородом. «Николай Иванович» вынес типографию в огород, тов. Кедров переносил ее через пустырь, я сидела у забора и стерегла перенесенное. Темная, мокрая осенняя ночь. Из города все еще несся дикий гул и пьяное: «Спаси, господи, люди твоя». Самая трудная задача со-

стояла в том, чтобы перебросить все через забор. С большим трудом тов. Кедрову удалось взгромоздиться на верхушку утыканного гвоздями забора и с помощью веревки благополучно переправить все на другую сторону.

Типография пробыла в моей комнате недели две. Пока она стояла у меня, пришлось отпечатать несколько прокламаций по «текущему моменту», как говорим мы сейчас.

Хочется вспомнить одну сценку из быта того времени. Как я сказала, я жила у тов. Кедрова, Михаила Сергеевича, члена коллегии Наркомвоен первого состава, организатора Особого Отдела ВЧК после октябрьской революции. В этой же квартире жил и брат М. С., Бонифатий Сергеевич, большой музыкант, скрипач. Как-то он попал в мою комнату, когда я работала. Б. С. был страшно поражен, что революция делается так просто. Так как я очень рассердилась, что он нарушил мою конспирацию, он решил меня утешить и помочь мне в моей работе... музыкой. С этих пор каждый раз, когда я работала, Б. С. Кедров, чтобы не нарушать моей конспирации, становился за дверями моей комнаты и играл на скрипке.

О дальнейшей судьбе этой типографии мне рассказала Софья Константиновна Загайная.

С Никольской ул. типография была перенесена на угол Жоховского переулка и Смоленской ул. Работали там Юлия Ильинишна Чернышева и Анна Ивановна Бочагова, работница, кажется, из Иваново-Вознесенска. Типография была помещена также в светелке, при чем несколько раз пришлось здесь свертывать работу, ввиду нараставшего погромного настроения в Костроме и прятать в подвал этого дома. Против типографии жил товарищ прокурора по политическим делам Кошура-Массальский, известный вдохновитель черной сотни. Этого Массальского боевая дружина решила убить, подстерегши его у крыльца его дома, когда он возвращался из жандармского управления. Конечно, такое убийство вызвало бы поголовный погром всего этого района, и против его целесообразности горячо запротестовал Александр Митрофанович Стопани. План убийства был отменен, но типографию пришлось с этой квартиры вывезти. Надо прибавить, что в это время рама станка была уже чугунная, полученная тов. Стопани из Москвы.

Типографию теперь перевезли на Нижнюю Дебрю в д. Покровского (б. пристава) к сестре П. К. Когановича. Здесь типография

работала под видом вязальной машинки. Кажется, в этой типографии работал Ваня Хрусталев, нижегородский рабочий, и его жена Александра Федоровна. По каким причинам она не могла здесь дольше оставаться—не выяснено.

После этого она была перевезена на хутор Жирославка к помещику Колодезникову, но поставить ее там надолго не удалось.

Весной 1906 г. типография помещалась на Пятницкой ул. в д. Порейской. Хозяином был ученик среднего технического костромского училища. Хозяйка дома и ее дочка были посвящены в то, что у них помещается типография. Они кормили техника и всех, кто работал в типографии. Работали тов. С. К. Загайная и т. «Виктор»; кроме того, приходили разные товарищи-техники и помогали ему. Однажды брат хозяйки Порейской заявил, что донесет на нее в полицию, что она хранит оружие. Пришлось типографию вывозить и отсюда. Вывозить надо было экстренно и решили перевезти к тов. Загайной в дом Островского. Последний сочувствовал революционному движению, даже обещал анархистам дать помещение для изготовления бомб. Перевозили типографию один из лучших агитаторов организации Костя Михеев и Алексей Загайный. Когда они, нагруженные шрифтом и с рамой под мышкой, уселись на извозчика, случился курьез: рессоры пролетки совсем опустились.

Типография пробыла у Загайной несколько дней, потом ее поместили у тов. Опариной, жены Любимова, которая приехала из уезда в Кострому, чтобы «освежиться» в город, и вместо того попала в строгую изоляцию, охраняя типографию.

Под Костромой была дача Понизовского, толстовца, работавшего на земле и дававшего приют у себя всем без разбору революционным течениям. На эту дачу попала и наша типография. Тут работали Лидия Александровна Молчанова из Москвы, «Лидия» и «Федор Иванович»—кличка Алексея Константиновича Загайного. Типография пробыла и здесь недолго.

Дальше уже кратко вспомнил о работе типографии А. М. Стопани за период времени с конца 1906 до мая 1907 года. Типография была помещена как будто бы на Вознесенской улице в д. Колодезникова, но пробыла здесь недолго и потом перевезена на окраину. Здесь работали Хрусталев Ваня, его жена Александра Федоровна и посланный Москвой типографский рабочий под видом

портновской мастерской. В работе были уже две машинки: одна от 1905 года, другая «бундовка», деревянная, формата газетного листа. Типография работала очень интенсивно и без провала. Каждую неделю выпускались либо брошюры, либо журнал «Северный Рабочий» и в большом количестве листки и прокламации. «Бундовка» печатала журналы и брошюры, другая—листки и прокламации.

Первомайский номер «Северного Рабочего» в 1907 году вышел еще перед от'ездом тов. Стопани на Лондонский с'езд партии. Комплекты «Северного Рабочего» были им переданы на с'езде партии Горькому и Розе Люксембург. Снабжение выходящей литературой было также налажено. Систематически снабжались Кинешма, Вычуга, Середа, Яковлевское. Через учительство литература обильно проникала в самые глухие места к крестьянам. Кроме Костромской губ., посылались транспорты литературы в Вологду, Ярославль, Иванов.

Журнал и брошюрки составлялись товарищами: Стопани, Спасским—кличка «Дед», Андреевым—кличка «Арсений» и др.

Типография могла работать потому, что была строгая локализация сношений. Существовало несколько передаточных пунктов: один для бумаги, другой для сдачи литературы, третий для снабжения краской, деньгами и пр. Пункты часто менялись. Один из пунктов был статистик Чернецкий.

За интенсивную и систематическую работу костромской типографии Ц. К. партии была присуждена денежная премия, которая однако получена не была.

Типография провалилась в 1907 году, вместе со всей костромской организацией.

Нина Подвойская.

Об одной из костромских типографий в 1906 году[1]).

(Отрывок).

Ольга Петровна предложила мне и Лидии Лебединской отправиться в Кострому работать в тайной типографии. Приехали туда незадолго до 1 мая; типография помещалась в четырех верстах от города, в глухом бору, принадлежавшем какому-то толстовцу-помещику, фамилия его, кажется, Понизовский; была снята небольшая дача. У меня, тогда довольно юной, осталось очень поэтическое воспоминание о житье в этом сосновом бору, полном глухарей, диких уток и другой живности, на которую временами приезжали охотиться неведомые люди, звуки рогов и лай собак которых будили ночную тишину и заставляли нас прерывать работу и прислушиваться, не приближается ли кто близко к даче и не нужно ли принять меры предосторожности, позвать кого-либо из мужчин при помощи стука палкой в потолок, так как верхнее помещение имело отдельный ход с улицы.

Из всех работавших мне чаще приходилось работать одной по ночам, так как только я умела набирать, днем же все другие печатали, а я ложилась спать.

Кроме Лебединской, со мной работали в это время Ал. Загайный и какой-то семинарист (имени не помню).

Большого труда стоило наладить работу. Пришлось разобрать весь шрифт, сваленный в один кулек, заказать столяру кассу, наладить машину, которая была самая примитивная и очень неудобная, и долго пришлось покопаться, прежде чем придумать, как ее употреблять так, чтобы она не только давала оттиски, но и была бы продуктивна.

---

[1]) Об этой типографии см.: «Записки рядового подпольщика». Зеликсон-Бобровской. Ч. 2.

Первый листок, который был выпущен нашей типографией,— был первомайский. На этой даче мы просуществовали около полутора месяцев, во время которых безостановочно снабжали организацию листовками.

В один день мы должны были покинуть эту дачу внезапно, спустивши предварительно машину в пруд, закопав шрифт в лесу и сжегши все печатанное.

Дело в том, что в это время была ограблена баржа с пироксилином, шедшая по реке Костромке. Облава из стражников, разыскивая их, подсмотрела, как мы работали, о чем узнали в организации со слов солдата, который выпивал в этот день со стражниками. Надо заметить, что среди костромских рабочих и солдат была популярна книжная лавка нашей организации, торговавшая выходившими тогда в большом количестве газетами, и где всегда можно было видеть кого-либо из организации.

Моментально мы были извещены и, в несколько часов собравшись, отправились пешком в город, оставив наши вещи на произвол судьбы.

Вскоре мы открыли новую типографию на Павловской улице, для чего был снят небольшой отдельный домик, где мы с одним сельским учителем поселились под видом брата и сестры (я по паспорту его сестры-учительницы). Ал. Загайный не мог уже работать в этой типографии, так как хорошо был известен костромичам, как неблагонадежный элемент, а Лебединская должна была скрыться, так как именно ее видели за работой на даче. С нами на этот раз работала специально для этого приехавшая М. Ханзинская.

Здесь нам удалось сделать другой тип машины, выписав из Москвы необходимые части. Работа пошла быстрее, так что без особого труда в одни сутки удавалось напечатать до 10 тысяч листовок; кроме того, можно было увеличивать формат, что дало возможность выпустить сборник революционных песен, нужда в которых сильно ощущалась, так как каждый рабочий митинг оканчивался пением, далеко разносившимся в вечернем воздухе.

Наладив печатание, я уехала из Костромы, а мне на смену приехал из Москвы Василий Майоров, профессиональный наборщик, с которым мне приходилось уже раньше работать в Москве.

Л. Молчанова.

Моя работа по организации подпольных типографий.

Мое знакомство с работой подпольных типографий началось в 1906 году с организации Владимирской типографии. Типографию везли из Москвы человек 6 студентов, главным образом, костромичи, фамилии и имена которых я помню: Дьяконов Алексей, Лебедев Василий и Синицын Александр; они доставили шрифт и станок. Там работал наборщиком-техником тов. «Шаляпин», Алексей Константинович Загайный. Хотя местная группа с.-д. поручила мне работать по агитации и организации, но мне лично хотелось работать только в типографии, поэтому в свободное время от поездок по уезду я стал изучать эту работу и предполагал в будущем поработать; эта возможность представилась в Великом Устюге, куда в 1907 году я был выслан из Владимирской губернии. Когда я был введен в группу с.-д. большевиков, на первом собрании я сделал предложение организовать свою типографию, сказав, что возьмусь за это дело сам. Комитет согласился; план был очень простой; в типографии мы никакой конспирации не устраивали, моя комната была очень удобна, находилась наверху в светелке, имела отдельный ход из сеней, квартирная хозяйка—старушка около шестидесяти лет—сочувствовала нам, ссыльным, внизу жили еще три товарища: Кроль, рабочий с Брянского завода из Екатеринослава, Демиденко, крестьянин из Кременчуга, и Геннадий Львов, местный с.-д.—приказчик книжного магазина, он нам оказывал большую услугу в доставке шрифта через местных наборщиков. Организация заняла порядочно времени, особенно устройство станка, каковой мне пришлось лично делать в разных кустарных мастерских. Благодаря знакомству моему с медно-слесарными работами, станок был устроен, модель какового сделана мною теперь для выставки Истпарта (фотография прилагается).

Устройство станка очень простое: две рельсы из углового железа, которые привертываются к доске (можно и к полу); в середине, на двух железных бабках, деревянный вал обтянутый толстой (мягкой) резиной, затем гладкая доска, изображающая талер, на доску ставится зеркальное стекло, но за неимением его у нас было поставлено цинковое, хорошо установленное на наковальне; на все это делаются две деревянные рамы в толщину шрифта: одна рама прикрепляется к доске, другая открывается на шарнирах, при чем верхняя рама обтягивается тонким прорезиненным полотном, в нижнюю раму включается набор, в верхнюю—бумага; закрываются привернутые к доске две скобы, за которые по одному человеку по рельсам протаскивается под вал, который в это время сам вращается от движения доски; краска ложится на набор посредством ручного валика. Работа физическая, тяжелая, и за день можно отпечатать 1500 шт.; при чем можно хорошо попотеть, но мы не обращали на это внимания.

Соорудил станок и сообщаю, что все готово, можно приступить к работе. Еще ранее было решено печатать газету под названием «Борьба». Встретились другие трудности—это в наборе статей. Как я, так и Кроль, мы оба не были наборщики, хотя я немного и умел набирать; решили учиться. Я не помню названий статей, но только помню обращение редакции к рабочим о доставке материала, о поддержке газеты, о распространении ее. Была и местная хроника. В первом номере было шесть страниц. Работа наша шла медленно из-за отсутствия достаточного количества шрифта, так что после печатания двух страниц шрифт надо было рассыпать по кассам, потом набирать следующие две страницы. Несмотря на все трудности, наш первый номер «Борьба» вышел в количестве 600 экземпляров.

Само собой разумеется, что появление подпольной газеты, да еще за подписью Р. С. Д. Р. П., и типографии в Устюге, произвело большой переполох. Распространение «Борьбы» было, главным образом, среди рабочих текстильной фабрики, отстоящей от города в 25 верстах. Там у нас была сильная группа рабочих, сочувствие которых к газете было огромное. Газета наша была платная (5 копеек номер), рабочие собирали средства для поддержки типографии.

После появления газеты начались усиленные обыски, поиски

типографии, но я уже упомянул выше, что конспирации у нас не существовало. Может эта простота сбила с толку полицию. Было два случая, которые чуть было не кончились провалом: первый случай был, когда мы уже набрали второй номер «Борьбы». Я снял оттиск для корректуры, которую правили Митя Крылов и Митя Розанов; торопясь выпустить номер, в 11 ч. вечера я пошел к Розанову с корректурой. Прихожу к нему, отворяю калитку, вдруг слышу грозный окрик стражника: «Куда лезешь!» Пришлось повернуть обратно. Покружившись немного на улице, я понял, что идет обыск, и, поблагодарив в душе чудака стражника за столь нелюбезный прием, направился к себе, где решили с Кролем работу продолжать. Правили корректуру сами. Обычно мы больше работали ночью, занавешивая оба окна. На следующий день мы сделали вылазку и узнали, что все товарищи целы. Пошутили над полицией.

Работа наша протекала нормально, уже заканчивали вторую страницу, как второй случай, хотя немного и нелепый, но мог кончиться полным провалом. Дело очень простое. Эс-эровская братия устроила экс на одного лавочника с трехрублевой выручкой. Хотя этот лавочник жил в другой части города, тем не менее, просыпаясь утром, я увидел, что на нашем углу стоит стражник, позвал Кроля, который спал внизу: «Что ты, Гриша, скажешь?» «Чорт с ним, давай работать». И вот, имея перед глазами фигуру стражника, работали, набирали статью. Часов в 10 утра Гриша прислушался и говорит: «К нам кто-то идет». Это поднимался старший городовой по нашей лесенке, но в этот момент наша хозяйка, Мария Дмитриевна, потащила его за шинель, говоря: «Кроля и Курзина нет дома—ушли в булочную, а я только что пол вымыла, я стара, часто мыть не могу, а ты натопчешь». К нашему удивлению бляха № 1 внял просьбе хозяйки, сошел с лестницы, говоря, что, когда придет Кроль, пошлите его в полицию. Можно себе представить, что мы пережили в эти небольшие минуты. Мы встали у дверей, оба приготовились к борьбе. Нужно добавить, что Гриша Кроль обладал большой физической силой и, вероятно, небольшого труда стоило бы связать городовика, как мы первоначально и хотели поступить.

Совершенно не зная, зачем вызывается Кроль, стали решать, что делать. Полагая, что в связи с экспроприацией у лавочника пойдут повальные обыски, были в недоумении, куда спрятать все

КОНСТАНТИН и КЛАВДИЯ КУРЗИНЫ
хозяева ярославской типографии.

хоть на время. Тут хозяйка опять выручила: «Давайте ко мне в подполье, у меня, старухи, искать не будут». Быстро опустили все в подполье. Гриша Кроль отправился в полицию, там его допрашивали по делу экса. Случайно у одного участника экса оказалась Гришина палка, деревянная, обыкновенная, какие ссыльные много вырезывали в лесу, правда, с надписью, и его старались тоже привлечь по делу экса. Кроль сумел доказать свою непричастность еще и потому, что по убеждению он является с.-д., а потому ни в каких эксах участвовать не может. Часа через три его отпустили.

Через неделю мы опять возобновили работу, закончили второй номер, начали работать листовки ударного характера, была мысль выпустить «Пауки и Мухи», но листовок было порядочно. Наконец, мы взялись за работу первомайской листовки для Вятской организации, так как вятская типография временно приостановила работу из-за повальных обысков в городе. Работа была срочная: работали в ночь под Пасху, работали, сутки не спавши. Когда напечатали, Митя Крылов застал нас спящими, листки готовыми. Вятский товарищ увез все. После этого я выкидывал надпись «Типография Вятской организации», вставляю «Велико-Устюгской организации» и машина опять заработала полным ходом. Конечно, типографию усиленно искали, специально из Вологды приехали, обыски пошли повальные. Продолжали работать.

1 мая, праздник, устроенный нашей группой в лесу, где было много рабочих, окончательно обозлил полицию и, чувствуя свое бессилие, она начинает делать переброску ссыльных, так что наш Комитет весь разбросали: Дмитрия Крылова—казанца—в Яренск, Дмитрия Розанова—в Никольск, моего помощника, Гришу Кроля—в Усть-Сысольск. Каким-то образом остался я один. Организация разгромлена, но местные работники продолжали эту работу по-прежнему. Мне лично хотелось работать в центральной России, поэтому я собрался в полет. Один местный товарищ, Геннадий Львов, дал мне свой паспорт; с этим видом я отправился, но предварительно заехал в Яренск повидаться с друзьями, переговорить о будущей своей работе. Оттуда я прямо проехал в Москву, остановился у одного рабочего, тоже с.-д., работавшего у Фаберже, Геннадия Алексеевича Ромашева. Явка тогда была около Никитской, точно уже не помню, но помню, что большой недостроенный дом. По приезде в Москву я был обескуражен. Работы в самой Мо-

скве, благодаря разгрому, не было. Меня направили в Ярославль, где явка была в Пушкинской библиотеке у Александры Капитоновны Соловьевой. Здесь тоже организация типографии за недостатком средств невозможна. Работаю по организации кружков среди Волкушинских рабочих. Работа не удовлетворяет, еду в Кострому, а там еще больше разгромлено. Собираю остатки рабочих. Собирается кружок солидный, около 20 человек, но появился один негодяй наборщик, который проваливает нас. Удираю опять в Ярославль. Делаю предложение Ярославскому Комитету, что, если нельзя организовать здесь типографии, то можно выпустить газету в Устюгской типографии. Согласились и решили назвать газету «Северный Рабочий». Пересылку из Устюга в Ярославль решили делать в двух посылках: одна на имя рабочего Корзинкинской фабрики Ефродита Смирнова, под кличкой «1902 год», другая—не помню на кого.

По приезде в Устют, где мои расчеты с полицией еще не были покончены, меня привлекли к ответственности за побег из ссылки, и дело обо мне было передано мировому судье.

Собрался Устюгский Комитет, на котором предложение Ярославского Комитета принято. Спрятанную у Зепалова на даче типографию привезли, опять, конечно, к Марии Дмитриевне в светелку—удобнее места не было, но только жить мне там уже было нельзя; поселяется Геннадий Львов, а я ежедневно должен приходить в 8 часов утра и работать до вечера. Встретились препятствия—нет клише «Северного Рабочего», делаю сам. Некоторые части опять приходится делать—растеряли. Наконец, все готово, но работать приходится одному. Иногда помогал Геннадий, но он поздно возвращался из магазина и порядочно уставши, поэтому я основательно насел на время. «Северный Рабочий» готов:—600 экземпляров по почте отправили в Ярославль. Жду статей для второго номера, но их нет у местной организации, а из Ярославля не шлют, нет средств и сил. Постановили временно ликвидировать: шрифт увезли на дачу Зепалова, станок спрятали в другом месте.

Мне до срока немного остается. В мае месяце 1909 года кончаю ссылку; вместе с женой решаем ехать в Москву работать в типографии, этой работе отдать все свои силы.

Адресами в Москву снабжает меня Ольга (Ц. С. Бобровская), а там, через квартиру недавно скончавшейся Софьи Львовны

Бобровской, которая на протяжении ряда годов оказывала нашей партии всевозможные услуги, связываюсь с нелегальным Львом Борисовичем, жившим у Софьи Львовны.

Лев Борисович (Моисей Ильич Фрумкин) связал меня с работавшим тогда в Москве товарищем небольшого роста, жившим с семьей в районе Гавриксва переулка; фамилии его я н помню; по наведенным теперь справкам у тов. Фрумкина, это был Михаил Томский, который дал мне немного денег и поручил искать квартиру под типографию для Московского Комитета. Средств было нам отпущено так мало, что найти квартиру было чрезвычайно трудно. Наконец, квартира была найдена: 2-я Рыбинская улица, дом Шапошникова, против фабрики Динг. Квартира в одно окно, две комнаты (одна темная), двери выходили в общий коридор, стены тонкие, все было слышно, что говорят у соседей. К нам ходила курсистка Маруся, которая должна была доставлять нам шрифт, но шрифт носила не только в малом количестве, а и разный, то мелкий, то крупный. Нет касс, нет станка, на чем печатать, все это нужно еще приобрести.

В конце концов в условленный день были принесены кассы, которые Маруся, не дождавшись нас, оставила у дверей, несмотря на то, что назначено было точно время, но спаслись только тем, что соседи ничего не поняли, что это за кассы и для какой цели. Месяц тянулась эта история. Деньги все вышли, за квартиру надо было платить 11 рублей. Через некоторое время узнаем, что Маруся арестована. Как быть? Маруся теперь была нашей единственной связью с Комитетом. Решили временно ликвидироваться, спрятав у одного рабочего, тов. Иванова, жившего в Замоскворечье, на Зацепе, все имевшиеся у нас части типографии. Переехали на Пресню. Я поступил на работу в мастерскую к Алексееву, у которого и работал до февраля месяца 1910 года. Здесь получаю новое предложение, на сей раз от Областного Комитета Партии, организовать большую типографию с выпуском газеты. При свидании с представителями Областного Комитета я ставил следующие условия: типографию можно организовать под видом кустарной мастерской, работники приходящие, не менее двух помощников, главным образом, наборщиков. Предложил Устюгскую типографию перевезти в Москву, там шрифта пудов около четырех. Станок полагали достать здесь. В комнате, в которой мы жили на Пресне, было не-

удобно, пришлось переехать в Таганку, снять пока комнату, все перевезти и в то же время искать удобную квартиру. Я отправился в Великий Устюг за типографией. В то время работников, желающих работать в подпольной типографии, не было. В Устюге я делал предложение Ивану Шумилову, но у него семейные обстоятельства не позволяли уехать совсем, он только согласился привезти станок, так как я все увезти не мог. Нагрузивши две корзины шрифта (пуда три), я отправился прямо в Москву. Дорогой между Ярославлем и Ростовом, у одного пассажира пропала корзина. Я занимал место у входа. Входит жандарм и потерпевший, жандарм обращает внимание на мои корзины и говорит: «Это не ваша корзина?» Пассажир отвечает, что у меня плетеная корзина, а это коробки. Остальной путь я ехал хорошо. Приехав в Москву, приступил к поискам квартиры. С выездом из занимаемой нами квартиры на Таганке пришлось поторопиться, потому что наш квартирный хозяин тайно торговал водкой, и у него ночью был обыск. К счастью, не зашли к нам в комнату. Нашли квартиру у Спасской заставы, в небольшом переулке, населенном кустарями-кукольниками. Отвратительная квартира, грязная, неудобная, она состояла только из одной комнаты. Надо сказать, что у нас, помимо жены, был ребенок, Тоня, месяцев восьми, вскоре погибшая от тяжелых условий нашей жизни. Жена положила много труда, чтобы хоть сколько-нибудь почистить эту квартиру. По всей вероятности, квартиру снимали до нас уголовные элементы. Часто к нам по ночам стучали. Я купил бумаги—4 пуда. Пришлось покупать самому, людей совершенно нет; дожидаюсь обещанных наборщиков—их нет и нет. Делаю кассы и пока разбираю шрифт по маленьким мешечкам. Собираю инструмент для мастерской и в то же время подыскиваю удобную квартиру, но лучшие квартиры очень дороги, наши ресурсы не выдержат. Для сношения с нами был приставлен человек, с которым мы встретились в Петровском парке, но его обязанности хорошо не помню, не помню как звать, но помню высокого роста, плотный, с небольшой бородкой, рабочий. На совещании приходим к выводу, что в Москве работать в такой квартире нет возможности. Я предложил переехать в Ярославль, говоря, что у моих стариков есть удобная квартира. Дал адрес. Все погрузили и вместе с типографией переехали в Ярославль, где и поселились на Большой Московской, дом 50, в задней квартире, а в передней

Дом Курзина в Ярославле, где помещалась описанная им и Н. Александровым тайная типография.

жили отец с матерью. В мастерскую ход отдельный. Я уже получил статьи для набора, предполагалось выпустить газету; конечно, один я не справился, но никто не явился. Тогда я с'ездил в Кострому в надежде разыскать кого-нибудь из наборщиков. Из своих мало кто остался. Кто сидел, а кто ссылку отбывал. Пригласил одного рабочего городской организации, на которого я мог положиться, как на себя,—это Никанор Александров, который согласился, говоря: «научусь работать».

Статья была набрана. Я не могу вспомнить текста статьи— так много набирал статей, — но помню, что статья по размерам порядочная и заняла бы почти одну страницу предполагаемого размера газеты, название которой еще только должны были придумать в Москве и сообщить мне.

Из стариков моих только знал один отец, каким мы мастерством занимались. Правда, у дома была большая вывеска «Меднослесарная мастерская Константина Бенедиктовича Курзина». В мастерской верстак, тиски, немного железа и меди, а за перегородкой—наборные два кассы московского шрифта, который мне еще там принесли, около пуда, был также разбитый и случайный, и только устюгский шрифт выручал. Но из Москвы и на этот раз сведений нет. Рессурсы наши подходят к концу. Наконец, приезжает товарищ и говорит, что в Москве провал, что много посело. Придется ликвидировать типографию. Эти известия нас так обескуражили. Жаль бросать это дело, но держаться нечем, попробовали искать заказов для поддержания себя. Работы так мало, что заработать почти ничего нельзя, надо платить старикам за квартиру, которые только этим и жили. Что делать? Решили раз'ехаться. Никанор уезжает в Шую, жена с ребенком едет к своей матери на родину в Красноборск, я остаюсь один. Проживши еще недели две, поручаю отцу всю квартиру, очищаю ее и сам уезжаю в Пермь, где поступаю рабочим на завод.

Так кончилась моя работа. Теперь, после смерти отца, я живу в этом доме. Я весь двор перерыл и только нашел одну верстатку, видно отец шрифт переплавил, а бумагу продал. Сколько положено труда и ничего не сделано. Вот теперь вспоминаешь...

Курзин.

Из моей работы в тайной типографии.

В конце апреля 1910 года приехал ко мне в Кострому задушевный друг мой и товарищ Константин Курзин, с которым я связан еще с 1900 года, когда работал мальчиком в золото-серебряной мастерской, а Курзин, хотя и постарше меня возрастом, тоже был в этой мастерской в мальчиках.

Через Курзина я в 1905 году вошел в Костромскую организацию нашей партии, вместе с ним работали в боевое время и вместе с ним помогали склеивать нашу Костромскую организацию, когда революция пошла на убыль в 1908 году, когда Курзин бежал из ссылки, и к нам в Кострому явился нелегально под фамилией Львова.

Когда Курзин приехал к нам, на этот раз в 1910 году, отбывши ссылку, он мне предложил пойти работать в тайную типографию и рассказал мне следующее:

Из ссылки, из Великого-Устюга, Вологодской губернии, через находящуюся там Ольгу (ныне Цецилия Самойловна Бобровская) он связался с Москвой, откуда ему, Курзину, поручено поставить для Московской Областной организации большевиков тайную типографию.

Шрифт и машина им, вместе с Ваней Шумиловым, вывезены из Великого-Устюга, не хватает только некоторых частей, которые мы сами сможем поделать.

Дальнейший план его таков. Поместить типографию в Ярославле, на краю города, у железнодорожной насыпи, в домишке отца Курзина—старого кондуктора в отставке; работать будем втроем: Курзин, жена его Клавдия и я.

Для видимости повесим вывеску «Медно-слесарная мастерская», так как оба ведь мы с ним по профессии медники...

Готовую отпечатанную литературу будем в корзинах доставлять в Москву.

Весь этот план мне очень понравился, поэтому сейчас же дал свое согласие принять участие в этом деле, так как ясно сознавал, сколь важно для партии иметь типографию, как важно печатать нашу литературу.

Хотя колебаний в моей душе тогда не было, но не могу сказать, чтобы решиться на этот шаг мне было легко, так как тут примешивалось чувство жалости к матери, которая была уже стара и лишалась единственного кормильца.

Когда настал момент моего расставания с матерью, у меня сердце сжалось мучительной болью при мысли, что она даже хорошенько и не знает, на какое дело я еду, с которого я быть может не вернусь, и она больная, много раз и до того мною бросаемая из-за партийной работы, умрет где-нибудь с голоду.

При расставании мать моя горько плакала, я видел, как ноги ее подкашивались, как она схватилась за телеграфный столб; была минута слабости, я хотел вернуться,—надо было выбирать между матерью и исполнением партийного долга, и я, конечно, выбрал последнее.

По приезде в Ярославль я водворился вместе с Константином, его женой Клавдией и маленькой их дочкой Тоней в задней половине дома стариков Курзиных, которые сами занимали первую половину.

Хорошо запомнилась мне эта квартира, на всю жизнь врезалась в память. При входе в сени направо чулан, где у нас лежала бумага, затем кухня, в которую упирается окно нашей комнаты, где была мастерская и где днем мы работали медные работы, а главное—недостающие части для станка нашей типографии; во второй комнате находилась кровать, зыбка для ребенка и сундук, в котором был сложен наш шрифт.

Работа происходила таким образом: днем готовили недостающие части станка, а как начнет смеркаться—принимались за сундук; Костя набирал и верстал, а мы с Клавдией—один в окно, а другой во дворе—следили, чтобы кто не накрыл Костю за этой работой. Работа двигалась медленно, а обещанные нам из Москвы товарищи не приезжали.

Каждый день мы ждали, что вот-вот придет обещанная помощь из Москвы и людьми, и материалами для печатания, и деньгами, но помощь не шла ни откуда.

Существовали мы таким образом два месяца, в крайнем напряжении всех сил, терпя и материальные лишения; особенно досталось за это время бедной Клавдии и ее годовалой дочке Тоне, которая, как это слишком часто бывает с нашими пролетарскими детьми, и просуществовала на свете совсем недолго и вскоре умерла.

Наконец, мы получили точное известие из Москвы, что там все провалено, и в ближайшее время нет никакой надежды получить оттуда ни помощи, ни совета.

Положение создалось совершенно безвыходное; мы не знали, что делать дальше. Продолжать работу нельзя, связь с организацией, поручившей Курзину это дело, порвана; свернуть типографию и выезжать? Поехать в Москву разыскивать связи? Но для этого нужны деньги, а мы сидели без гроша, голодные, и за квартиру старикам платить было нечем; между тем квартирная плата—единственный источник доходов стариков Курзиных. Кроме того, нам начало казаться, что за нами следят [1]).

Долго ломали головы над каким-нибудь выходом из этого тяжелого положения и так ничего не придумали лучшего, как запаковать типографию, оставить старикам на хранение, а самим раз'ехаться в разные стороны.

Таким образом, Костя утек на Урал, Клавдия уехала на поправку в деревню к родным, а я—в Кострому возвращаться не решился, так как там могли бы меня арестовать, и поехал в Шую.

Вот и вся моя маленькая работа в тайной типографии.

Н. Александров.

---

[1]) О том, что за Курзиными и Александровым следили достаточно красноречиво говорит извлеченный мною из материалов бывшей Московской охранки прилагаемый документ.—*Ц. Б.*

НИКАНОР АЛЕКСАНДРОВ.

Лично.
Соверш. секретно.

М. В. Д.
Начальник Отделения
по охранению обществен.
безопасности и порядка
в г. Москве.
22 июня 1910 г.
№ 268972.
г. Москва.

Начальнику Ярославского Охранного Отделения и начальникам Пермского, Костромского и Владимирского Губернского Жандармского Управления.

Согласно имеющихся во вверенном мне отделении, проверенных и заслуживающих полного доверия сведений, одновременно с сформированием в пределах империи нового Центрального Комитета (Семерки) Российской соц.-демокр. рабочей партией разрешен вопрос о постановке центральной партийной техники, для чего верхами партий был намечен г. Ярославль.

Руководителем и администратором этого дела был избран уже подвергавшийся административной высылке в Вологодскую губернию крестьянин деревни Демидова, Горкинской волости, Нерехтского уезда, Конст. Венедиктов Курзин, 27 лет от роду, называющий себя серебряником, имеющий жену Клавдию Александровну и проживающий по паспорту вышеуказанной волости, выданному 7 сентября 1906 г. за № 614.

Произведенным негласным обследованием было выяснено, что поименованный Константин Курзин действительно приступил к подготовительной работе по постановке техники, приобретает шрифт, купил значительное, весом до 6 пудов, количество бумаги и ведет свою работу в сообществе двух неизвестных, из коих один поселился в доме его отца (г. Ярославль, Б. Московская улица д. № 50) Венедикта Курзина кв. № 3, под именем серебряника Никанора Александровича Александрова, 23 лет от роду, родом из крестьян деревни Демидовка, Белореченской волости, Костромского уезда и губернии, и пред'явил годовой паспорт названного волостного правлния от 23 февраля сего 1910 г. за № 140.

В настоящее время, когда арест прибывшего из за границы центровика «Инокентия» [1]) окончательно выяснил полную невоз-

[1]) Иосиф Федорович Дубровинский

можность в ближайшем будущем воостановить работу ликвидированного в Москве Центрального Комитета Партии, поименованные выше Константин Курзин и Никанор Александров временно прервали свою деятельность и оставили г. Ярославль, отметившись выехавшими: первый в г. Пермь и второй в Шую—Владимирской губернии.

Сообщая об изложенном вашему высокоблагородию, уведомляю, что непосредственное наблюдение за названными лицами, в случае появления их во вверенном Вам районе и последующая за сим ликвидация их связи, приведут к задержанию имеющихся у них на руках материалов, к аресту формирующейся центральной партийной техники, с коей как Константин Курзин, так равно и Никанор Александров находятся в прямой и безусловной связи.

Если поименованные лица войдут у вас в сферу агентурного или наружного наблюдения, то прошу не отказать поставить меня о сем в известность; присовокупляю, что техника не была еще в ходу, ввиду дезорганизации работ Центрального Комитета Российской Социал-Демократической рабочей партии задержанием «Макара», «Инокентия» и др., входивших в означенный Комитет лиц.

Полковник *Заварзин.*

Дальнейшая подпись неразборчива.

Листки составлял (подпись неразборчива).

СОДЕРЖАНИЕ.

ИСТПАРТ

КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И РОССИЙСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (БОЛЬШЕВИКОВ).

№№ по порядку.	НАИМЕНОВАНИЕ ИЗДАНИЙ.	Цены в золоте. Р.	К.
1	**А. Бубнов.** Основные моменты в развитии коммунистической партии в России.	—	6
2	**Из эпохи „Звезды" и „Правды"** (1911—1914 г.г.) Сб. I и II.	—	70
3	**П. Н. Лепешинский.** На повороте. Воспоминания (1890—1905 г.г.).	—	45
4	**Д. Сверчков.** На заре революции. Воспоминания (1903—1905 г.г.).	—	60
5	**Лелевич.** В дни Самарской Учредилки	—	6
6	**А. Рябинин.** Р. М. Семенчиков (из истории рабочего движения в Иваново-Вознесенске).	—	20
7	**Пролетарская Революция.** Журнал №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12.	9	10
8	**От группы Благоева к Союзу Борьбы** (1885—1894 г.г.). Сб. ч. I.	—	13
9	**В. Невский.** Николаевский Южно-Русский Рабоч. Союз.	—	13
10	**Бобровская.** Записки рядового подпольщика (1894—1905 г.г.). Часть I и II.	—	55
11	**М. С. Ольминский.** Из прошлого. Сборник статей.	—	25
12	**М. Павлович** (Вельтман). Россия и капиталистическая Франция.	—	12
13	**М. Павлович** (Вельтман). Россия и капиталистическая Англия.	—	12
14	**Социал-демократические издания** (указатель соц.-демократич. литературы на русском языке (1883—1905 г.г. под редакцией Л. Б. Каменева). .	—	30
15	**А. Шляпников.** Канун 17 года. Часть II.	—	50
16	**Памятник борцам пролетарской революции.** Т. I.	1	
17	**Революционная деятельность Конкордии Николаевны Самойловой.** Сборник воспоминаний	—	20
18	**А. И. Шаповалов.** По дороге к марксизму (Воспоминания рабочего-революционера, ч. I до лета 1896 года).	—	30
19	**Старый товарищ А. П. Скляренко.** 1870—1916 г.г. . .	—	30
20	**Ф. Н. Самойлов.** Воспоминания об Иваново-Вознесенском рабочем движении (1903—1905 г.г.). .	—	25
21	**Бюллетень Истпарта № 1**	—	6
22	**Фишер.** В Англии и России (Воспоминания)	—	20
23	**Н. Александрова.**—Артем	—	50
24	**Р. К. П. в постановлениях ее съездов и конференций под редакцией** Л. Б. Каменева.	—	50
25	**В. Максаков и Н. Нелидов.** Хроника революции. Вып. I.	—	70
26	**Сборник воспоминаний о Н. Е. Федосееве**	—	17
27	**С. Т. Аркомед.** Рабочее движение и социал-демократия на Кавказе	—	40

№№ по порядку.	НАИМЕНОВАНИЕ ИЗДАНИЙ.	Цены в золоте. Р.	К.
28	В. Деготь. В свободном подполье.	—	25
29	Отчет Р. С.-Д. Р. П. VIII междунар. соц. конгресс в Копенгагене, перев. с франц.	—	45
30	Д. Фурманов.—Чапаев	1	—
31	Иллюстрированный юбилейный сборник—25 лет. . . .	—	—
32	К 25-летию [illegible] (сб.)	—	—
33	А. Шляпников. Семнадц. год, к. I. [illegible]	[illegible]	—

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ:

34	Дальневосточный сборник.	—	—
35	Хрестоматия по истории. 2 тома.	—	—
36	Е. Волков. Христо-Ботиев (болгарское революционное движение)	—	—
37	Памятник борцам революции, погибшим до 1917 года	—	—
38	Стенограф. отчет VII с'езда Р. К. П.		—
39	Н. Авдеев. Революция 17-го года (январь—апрель). .		—
40	Журнал Пролетарская Революция № 15.	—	—

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

41	Сборник воспоминаний и материалов по октябрьской революции	—	—
42	Памятник борцам пролетарской революции, погибшим в период 1917—1922 г.г., 2-е и испр. издание. . .	—	—

АДРЕС ИСТПАРТА:

Воздвиженка, 10, кв. 4. Телеф. 2-50-71.